

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

3 '2006

Опросы общественного мнения как смысловая проблема

... “общественное мнение...
<есть> органический продукт
общественной жизни, некое
коллективное суждение,
возникающее в процессе весьма
сложной коммуникации –
публичной дискуссии”.

Но... “полное непонимание
происходящего в стране, потеря
базовых ориентиров в жизни и,
как следствие, эмоциональная
возбужденность, нестабильность
реакций и оценок... беспример-
ная дифференцированность...
чрезмерная усталость...
внутренняя противоречивость...”

<приводят к тому, что>...
“общественное мнение у нас
существует далеко не везде,
то есть – как минимум –
не во всех социальных средах,
и далеко не всегда, то есть –
как минимум – не по каждому
заслуживающему внимания
и интересующему исследователя
поводу”.

Из методологического
предисловия к многотомному
труду Б.А. Грушина “Четыре
жизни России в зеркале
опросов общественного мнения”.

Том 1. М., 2001

В журнале “Социальная реальность” чаще всего речь идет (и будет идти) об опросах общественного мнения. Приводятся результаты опросов, анализируются данные и в конечном счете на их основе рассказывается об устройстве сегодняшней российской социальной реальности. Но все не так просто: сам смысл понятия “опрос общественного мнения” далеко не очевиден и требует семантических уточнений, причем как по отдельным словам, так и в целом.

Возьмем, к примеру, слово “мнение”, относительно которого, оказывается, есть много разных мнений. Так, патриарх российской социологии Борис Андреевич Грушин считает, что мнение о чем-либо – это осознанная позиция, сформированная в ходе осмысленных коммуникаций с другими людьми и выражаемая в виде связного и обоснованного суждения. Именно это Борис Андреевич утверждал на недавней большой социологической конференции “Пути России-2006: Проблемы социального познания” (МВШСЭН, 3–4 февраля 2006 г.)

Между тем, в древнегреческой традиции, мнение (δόξα – докса) – выражающее импульсивную оценку чувственное отношение, “неразумное” знание – противопоставлялось тому, что составляет истинное знание (λόγος – логос).

Если следовать “древнегреческим” определениям, то в общественном мнении не стоит искать признаки знания-логоса, – наоборот, его сущность составляет как раз недодуманное, недопонятое, недоосознанное и даже “примитивное, архаическое”. В любой теме специалисты и квалифицированные дилетанты, способные на “логически выверенные” высказывания, составляют ничтожное меньшинство. Тогда как подавляющее большинство людей думали на эту тему мало, информацию по ней не собирали и не систематизировали, со специалистами не общались и в конечном счете с точки зрения специалистов являются в ней профанами. Значит ли это, что следует высокомерно отворачиваться от этих “профанных” мнений и не проводить опросов для их выявления? Пусть это приблизительные представления и смутные ощущения, выраженные к тому же неуверенно, но это ведь ровно то, из чего исходят в своих оценках и в своих действиях сами люди. Эти их личностные, субъективные, можно сказать, родные мнения, именно они (и только они) имеют для них смысл, даже если все специалисты вместе взятые сочтут их “до- и нерелективными”. Они могут быть спонтанными и неустойчивыми, могут легко изменяться под влиянием общения с другими людьми и обстоятельств, могут терять свое значение и даже забываться. Но если в данный момент у человека есть вот такое “неправильное” мнение, то, не поняв его, невозможно понять человека. На этом настаивает “понимающая социология”, основанная Максом Вебером, и здравый смысл, выраженный, например, Уолтером Липпманом. Что же касается разделения на знатоков и профанов, то оно – иллюзорно, так как на каждого знатока, как известно, найдется другой суперзнаток, по отношению к которому знаток будет выглядеть профаном.

Такова реальность: люди сплошь и рядом имеют мнения относительно того, что знают хорошо, не очень хорошо и совсем плохо. Когда человек смотрит телевизор и думает всего несколько минут в день (а может, и неделю) о событиях в мире, он все-таки составляет свое мнение, например: “что-то Америка делает не то”. И пусть к этому мнению подталкивает сам телевизор, оно, будучи воспринятым

с экрана, становится уже его личным достоянием, то есть фрагментом его собственной “картины мира”. Более того, он, со своим мнением, может вступить в спор с соседом, который тоже не американец, а слесарь или брокер, но думает об Америке совсем иначе и готов пылко доказывать, что его мнение – вернее. Где они – и где Америка? И тем не менее, с подачи телевизора, газеты, разговора в трамвае, реплики сослуживца каждый может оказаться причастным в полном смысле этого слова к высокой политике, тайной дипломатии, светской жизни, большому спорту и т. д., то есть составить свое мнение о чем угодно и при случае выразить его в виде собственного суждения.

В каждый момент времени мириады мнений – обоснованных и бездоказательных – высказываются или готовы быть высказанными в ходе взаимодействий между людьми, как непосредственных, так и опосредованных текстами, фильмами, новостями, слухами и т. д., и т. п. Все эти коммуникативные процессы создают особую среду – социальный эфир, в котором какие-то суждения слышны только тем, кто находится рядом, или даже остаются во “внутренней речи”, будучи невысказанными. А чьи-то голоса, усиленные средствами массовой информации, доходят до очень многих людей, охватывают гигантские аудитории. И в то же время социальный эфир воздействует на каждого человека: все мы прислушиваемся к нему, улавливаем в нем что-то, формируем и изменяем свои мнения по разным темам, чтобы в дальнейшем по ним высказываться и тем самым вносить свой, пусть микроскопический, вклад в его непрерывные изменения.

Общественное мнение – это вся совокупность социальных коммуникаций, само содержание социального эфира.

Люди чувствительны к происходящему в социальном эфире, так как у каждого есть особый орган чувств – “социальная кожа” (Э. Ноэль-Нойман). С его помощью все мы пытаемся понять, “о чем и что говорят...”, какие темы сегодня актуальны, и решаем, какие суждения по этим темам отвергнуть и к каким присоединиться, сделать их своим мнением. Социальный эфир находится в постоянной динамике, так же, как и земная атмосфера. Люди следят за его состоянием, как следят за состоянием земной атмосферы, то есть за погодой. Можно сказать, что опросы общественного мнения дают информацию о состоянии социального эфира, аналогичную той, что получают метеорологи, отслеживая состояние земной атмосферы в выборочных точках, где установлены их измерительные приборы. Так же и опросы – это зондажи состояния социальной атмосферы, ее диагностика, определение сегодняшней социальной погоды. В этом смысле получаемые в ходе опросов “проценты” – не общественное мнение, а всего лишь индикаторы состояния общественного мнения. Как и показания барометров у синоптиков – это не погода.

Обозначенные два подхода к пониманию смысла опросов общественного мнения – рациональный и коммуникативный – принципиально различны. Каждый из них заставляет по-своему отвечать на дальнейшие вопросы: каковы реальные и иллюзорные цели опросов, что такое осмысленные опросы, какие конструкции вопросов допустимы, как интерпретировать результаты опросов, в чем состоят польза (и вред) опросов для общества, какова социальная роль тех, кто проводит опросы, а также тех, кто их заказывает, и тех, кто пользуется их данными. Вопросы можно продолжить, но все они в конечном счете сводятся к главному вопросу, поставленному Б.А. Грушиным еще в 1990 году: “Что мы в действительности изучаем, когда думаем – или делаем вид, – что изучаем общественное мнение?”

Александр Ослон

президент Фонда “Общественное мнение”,
главный редактор журнала

“Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотношением и, в-третьих, может быть исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла понятно объяснено”.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990

“Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться”.

Липпман У. Общественное мнение. М., 2004

Перед вами – продолжение исследования, посвященного выявлению и изучению самых “модернизированных” групп российского общества, в наибольшей степени освоивших атрибуты современной цивилизации*.

Полагая принятые сейчас методы выявления представителей некоего “прото-среднего” класса в российском обществе – по социально-демографическим характеристикам или через самоидентификацию – недостаточными, мы решили обратиться к анализу сферы повседневной жизни. Мы не подвергаем сомнению значимость использовавшихся ранее критериев, но полагаем, что принадлежность к модернизированному слою, называемому средним классом (или “средними классами”), должна определяться, помимо статуса и самоидентификации респондента, еще и его повседневным поведением. Мы выделили ряд современных реалий, которые, на наш взгляд, могут (в комплексе) характеризовать новый стиль повседневной жизни. Его распространенность будет свидетельствовать о движении общества в сторону экономически развитых стран западного мира, на которые мы в любом случае вольно или невольно ориентируемся, когда обращаемся к таким категориям, как “модернизированное общество” или, тем более, “средний класс”.

П. Бавин

статья вторая

В ожидании среднего класса

Респондентам предлагали карточку и просили отметить, какие из 17 перечисленных на ней реалий присутствовали в их повседневной жизни за последние 2–3 года**. В зависимости от количества освоенных реалий респонденты были поделены на 5 групп, где группу **A** – или “сверхвключенных” – составили те, кто, освоил более семи реалий, группу **B** – отметившие 6–7 позиций, группу **C** – 4–5 и группу **D** – 2–3 позиции. Пятую группу составили респонденты, в повседневной жизни не использующие ни одной из тестовых реалий***.

Анализ данных о “включенности” россиян в реалии современного мира показал, что большинство населения еще незнакомо с атрибутами западной цивилизации. Какое-либо распространение они имеют лишь в небольшой группе, не превышающей 20%. Причем только респонденты группы **A** – 5% от выборки – обладают достаточными материальными и личностными ресурсами, которые не просто обеспечивают доступность этих реалий, но и стимулируют их освоение на ценно-

Анализ данных о “включенности” россиян в реалии современного мира показал, что большинство населения еще незнакомо с атрибутами западной цивилизации. Относительно широкое распространение они имеют лишь в группе, не превышающей 20%

* Начало см.: Бавин П. “В ожидании среднего класса” // Социальная реальность. 2006. № 1.

** В тестовую карточку вошли следующие 17 реалий: пользование мобильным телефоном; пользование компьютером; вождение автомобиля; покупка товаров в кредит; получение кредитов в банке; обращение с иностранной валютой; использование пластиковой карточки при расчетах; вложение средств в акции; получение дополнительного образования; пользование Интернетом, переписка по электронной почте, поездки за границу; покупка туристического и/или спортивного снаряжения; доставка товаров на дом; полеты на самолетах; пользование услугами домработниц и нянь; занятия в фитнес-, спортклубе и посещение косметических салонов.

*** Подробнее о принципах отбора реалий для тестовой карточки и деления на группы по степени “включенности” см. в предыдущей статье.

стном уровне. Только представителей этой группы, полагаем мы, можно отнести – и то со значительной натяжкой – к “прото-среднему классу”. Точнее характеризовать ее как “модернизированная” группа населения.

Здесь мы перейдем к более пристальному изучению именно этой, довольно узкой прослойки населения. Впрочем, полное представление о специфике данной группы невозможно без сравнения, так что в поле нашего зрения останутся и остальные группы респондентов.

На новом этапе исследования используются данные мегаопроса с выборкой в 34 500 респондентов – по 500 человек в 69 российских регионах*. Такой масштаб выборки позволил, во-первых, провести более детальный анализ социально-демографических особенностей выделенных групп, а во-вторых, взглянуть на эти группы в региональном разрезе.

На первом этапе мы определили, что в группах **A, B, C и D** в наибольшей степени представлены респонденты в возрасте от 18 до 35 лет. Более дробная дифференциация возрастных групп позволяет увидеть, что функция зависимости “включенности” от возраста является не линейной, а ступенчатой: один порог располагается в районе 37 лет, второй – около 60 (табл. 1).

Доли “сверхвключенных” (группа **A**) и “сильно включенных” (группа **B**) в возрастных группах до 37 лет практически не различаются.

Резко выделяется группа старше 60 лет – более трех четвертей респондентов этого возраста остаются вообще исключенными из мира новых реалий повседневной жизни.

Рассмотрим подробнее “профиль включенности” трех младших возрастных групп, составляющих более 75% группы **A**.

Основной блок освоенных реалий у представителей этих возрастных страт в группе **A** практически совпадает: мобильный телефон, компьютер, интернет, иностранная валюта, покупка спортивного снаряжения, автомобиль, получение дополнительного образования.

Вместе с тем самые молодые заметно чаще пользуются услугами фитнес-центров и косметических салонов (63% и 60% соответственно), тогда как респонденты постарше имеют более значительный опыт обращения к кредитам, а также чаще летают на самолетах.

Освоение многих новых реалий повседневной жизни требует вложения средств, поэтому неудивительно, что распределение по группам “включенности” коррелирует с уровнем дохода респондентов. Могут ли сегодня в России люди с относительно невысоким уровнем дохода осваивать новые реалии повседневного ми-

Табл. 1

% от возрастных групп (по столбцам)

Группы	Населе- ние	Возраст, лет							
		18-22	23-30	31-37	38-45	46-53	54-61	62-69	старше 70
“Включенность”									
A	5	10	10	10	5	2	1	0	0
B	6	11	11	9	5	4	2	0	0
C	12	22	19	17	14	10	6	1	1
D	23	31	29	31	30	25	20	6	3
“Невклю- ченные”	34*	9	12	15	23	33	46	77	90
❖ Сумма респондентов во всех группах не достигает 100%, так как мы не включили ни в одну из них тех, кто отметил только одну позицию в тестовой карточке.									

* Общероссийский опрос населения от 26 августа–13 сентября 2005 года (1954 населенных пункта РФ. 34 500 респондентов).

ра? Где проходит рубеж, в наибольшей степени определяющий распределение респондентов по “группам включенности”?

Обратимся к уровню дохода в каждой из выделенных групп (табл. 2).

Граница “включенности” в целом пролегает по рубежу доходов в 3000 рублей на человека в месяц. То есть для человека с уровнем семейного дохода ниже 3000 рублей в месяц вероятность оказаться “не выше” группы **D** превышает 50%. При уровне дохода 3000–5000 рублей распределение по “группам включенности” зависит в большей мере от иных социально-демографических характеристик (возраста, образования, места жительства) или личностных качеств человека. Дифференциация же по “группам включенности” происходит на рубеже 5000 рублей в месяц на человека.

Обратим внимание: 40% респондентов, наиболее “включенных” в мир современных реалий – пользующихся мобильным телефоном, компьютером, автомобилем и т.д., – имеют доход ниже 5000 рублей на человека в месяц*. Кроме того, если сравнить респондентов группы **A** с доходом выше 5000 рублей в месяц и ниже этой суммы, то мы увидим, что уровень освоенности большинства реалий у них практически одинаковый. Значимые различия – более 10 п.п. – заметны в освоенности реалий, связанных по преимуществу с туризмом: поездки за границу, полеты на самолетах, использование иностранной валюты, покупка туристического снаряжения (табл. 3).

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население	A	B	C	D	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Доход на члена семьи						
До 500	5	2	2	3	4	6
501–1000	8	1	2	4	7	10
1001–1500	9	1	3	5	8	12
1501–2000	15	3	7	10	15	21
2001–3000	25	10	14	19	23	31
3001–5000	19	22	25	27	23	12
Более 5000	11	41	31	21	11	3
Затрудняюсь ответить, не хочу отвечать	9	19	15	11	10	5

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Группа A	
	доход от 5000	доход до 5000
Посмотрите, пожалуйста, на карточку и скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние 2–3 года (Карточка, любое число ответов)		
Пользоваться мобильным телефоном	98	97
Работать за компьютером	93	92
Пользоваться интернетом, вести переписку по электронной почте	90	84
Иметь дело с иностранной валютой	84	73
Приобретать спортивные товары и/или туристическое снаряжение	75	65
Водить автомобиль	70	71
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	63	61
Летать самолетами	62	40
Расплачиваться за товары и/или услуги при помощи пластиковой карты	62	55
Ездить за границу	54	38
Пользоваться услугой доставки товаров на дом	53	47
Покупать товары в кредит	50	64
Заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе	47	44
Брать кредит в банке	45	47
Пользоваться услугами косметических салонов	43	47
Пользоваться услугами домработницы, няни, сиделки	16	7
Вкладывать деньги в акции, ценные бумаги	13	10

* Анализ показывает, что респонденты группы **A**, отказавшиеся отвечать на вопрос о доходах, в подавляющем большинстве относятся к “сверхдоходной” категории граждан.

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп	100	5	6	12	23	34
Род деятельности						
Руководитель подразделения, специалист	8	27	20	14	10	2
Служащий, технический исполнитель	17	25	26	27	22	7
Учащийся, студент	6	14	13	12	7	1
Рабочий, крестьянин	23	9	15	23	31	17
Владелец фирмы, предприниматель	2	7	7	4	3	< 1
Домохозяйка	6	6	6	7	7	5
Руководитель, зам. руководителя предприятия, учреждения	1	6	4	2	1	< 1
Безработный, временно не работающий	9	5	6	8	9	10
Пенсионер(-ка)	26	1	2	3	8	58
Другое	2	1	2	2	2	1

Общепринятые критерии ресурсности – доход, возраст, профессиональный статус, образование – имеют ограниченную значимость при определении границ прослойки людей, в наибольшей степени освоивших реалии современной повседневной жизни, рубежи здесь размыты

Таким образом, уровень дохода, безусловно, ощутимо влияет на степень освоения атрибутов современной повседневной жизни, но вместе с тем относительно невысокий достаток не является непреодолимым препятствием к этому.

Одной из характеристик представителей гипотетического среднего класса является их профессиональный статус. Рассмотрим социо-профессиональный “портрет” каждой из выделенных групп (табл. 4).

Основу групп **А** и **В** составляют специалисты и технические исполнители. Вместе с тем в этих группах пропорционально их доле в обществе представлены и такие нетрадиционные, с точки зрения большинства российских социологов, занимающихся проблемой делимитации среднего класса, категории, как домохозяйки и даже безработные. А студенты оказались даже сверхпредставлены – 14% против 7% в среднем по стране. Отнюдь не чужды атрибуты современной повседневной жизни и рабочим – они составляют почти 10% группы **А** и 15% группы **В**.

Глядя на социально-демографический портрет группы респондентов, в наибольшей степени освоивших реалии современной повседневной жизни, можно убедиться, что общепринятые критерии ресурсности – доход и профессиональный статус (а также, отметим образование) – имеют ограниченную значимость при определении границ данной прослойки населения, рубежи здесь размыты. С довольно высокой степенью определенности можно говорить лишь о возрастной границе – около 37 лет: люди старше этого возраста в группах **А** и **В** почти не представлены. То есть освоение новых атрибутов современной цивилизации, новых возможностей, которые она предоставляет человеку в повседневной жизни, в значительной мере зависит от личностных характеристик человека, а не от наличия тех или иных ресурсов.

Перейдем к субъективным характеристикам респондентов выделенных групп, прежде всего – группы **А**. По субъективной оценке своего материального положения респонденты этой группы не так уж сильно отличаются от представителей остальных групп (табл. 5).

Большинство респондентов всех “групп включенности” оценивают свое материальное положение как среднее и ниже среднего. Лишь 18% респондентов группы **А** считают свое положение “хорошим”, в других группах этот показатель еще ниже. И даже в группе **А** относительное большинство респондентов считают, что им не хватает денег. Впрочем, необходимо учитывать, что и потребности у пред-

ставителей различных групп могут существенно различаться. Со снижением уровня “включенности” равномерно – по 7–9 пп. – сокращается и доля тех, кому сегодня денег “хватает” (табл. 6).

С уровнем “включенности” заметно повышается и уровень оптимизма относительно своих материальных перспектив – как отдаленных, так и ближайших (табл. 7).

Если в группах **С** и **Д** меньше половины респондентов считают, что у них есть шансы стать состоятельными людьми, то в группе **А** этот показатель равен 70%. И “шаг” изменений от группы к группе составляет уже 11–14 пп.

При этом большинство представителей группы **А** полагают, что позитивные перемены в их материальном положении произойдут уже скоро (табл. 8).

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как бы Вы оценили свое материальное положение?						
Очень хорошее	0	1	1	0	0	0
Хорошее	6	18	10	8	5	4
Среднее	46	63	63	60	52	35
Плохое	33	13	20	25	32	40
Очень плохое	14	4	5	7	10	20

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Денег, которые Вы (Ваша семья) получаете сегодня, Вам хватает или не хватает на жизнь?						
Хватает	25	49	42	33	26	18
Не хватает	74	50	58	66	73	81

Табл. 7

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как Вам кажется, у Вас есть шансы стать человеком, имеющим много денег?						
Есть	27	70	59	47	33	8
Нет	65	24	31	43	57	86
Затрудняюсь ответить	8	6	10	10	11	6

Табл. 8

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как Вы думаете, Ваше материальное положение в ближайшее время вероятнее всего улучшится, ухудшится или не изменится?						
Улучшится	22	51	43	34	27	9
Не изменится	40	29	34	36	38	46
Ухудшится	16	4	6	10	13	24
Затрудняюсь ответить	21	16	18	20	23	21

С уровнем “включенности” заметно повышается уровень оптимизма относительно своих материальных перспектив – как отдаленных, так и ближайших. Большинство рассчитывающих улучшить свое материальное положение полагают, что позитивные перемены произойдут уже скоро

Табл. 9

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	"Невключенные"
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как Вы считаете, в целом сегодня Россия развивается в правильном или в неправильном направлении?						
В правильном	34	53	48	44	37	25
В неправильном	46	34	37	39	45	51
Затрудняюсь ответить	20	13	15	17	19	24

Иногда можно услышать, что прослойка людей, в наибольшей мере адаптированных к современной реальности, является одним из гарантов стабильности. С одной стороны, оказывается, что чем больше в группе респондентов, освоивших элементы новой повседневной реальности, тем больше в ней довольных общим курсом развития страны (табл. 9). Но, как видно из таблицы, это скорее тенденция, чем оформившееся правило – даже в группе А треть респондентов недовольны сегодняшним вектором движения России.

Хотя наши данные и показывают, что чем сильнее респонденты "включены" в мир современных реальностей, тем чаще они довольны работой высших органов исполнительной власти, но разницу в распределении мнений можно считать символической. Тем более что вместе со всеми другими группами общества "включенные" позитивно оценивают работу президента и негативно – деятельность правительства (табл. 10).

Если же обратиться к другому индикатору – электоральному президентскому рейтингу, то мы увидим, что здесь даже символические различия, отмеченные выше, стираются, и рейтинг действующего президента во всех группах (за исключением "невключенных") оказывается практически одинаковым (табл. 11).

Тем не менее говорить о полном отсутствии своеобразия в политических предпочтениях респондентов группы А было бы неверно. Представление об их отличиях от прочих россиян дают данные "виртуального" голосования на парламентских выборах (табл. 12).

Как мы видим, более половины респондентов группы А не имеют определенных политических предпочтений, и почти треть (заявляющие, что не придут на выборы или проголосуют "против всех"), по сути, дают понять, что вопрос, какая из существующих российских партий победит на парламентских выборах, их не волнует. При этом респонденты, составляющие группу А, несколько чаще, чем россияне в целом, склонны поддерживать СПС и "Яблоко" и реже – симпатизировать коммунистам.

Итак, представители группы А в большинстве своем одобряют сегодняшний курс развития страны, однако это не приводит к более активной, чем у других людей, поддержке властных и политических структур, определяющих сегодня этот курс. Более того, именно эти респонденты чаще других занимают позицию "неучастия" или голосования "против всех", которая является одной из форм демонстрации своего безразличия к формированию властных структур.

Одной из главных особенностей, отличающих респондентов группы А от представителей других "групп включенности" и тем более от "невключенных", является уровень интернальности этой группы – склонность рассчитывать на собственные силы, а не на благополучное стечение обстоятельств или помощь государства. В группе А интерналы ощутимо преобладают, в группе С доли интерна-

Большинство представителей группы наиболее "включенных" одобряют сегодняшний курс развития страны, однако это не приводит к более активной, чем у других людей, поддержке властных и политических структур. Более того, именно эти респонденты чаще других занимают позицию "неучастия" или голосования "против всех"

Табл. 10

% от групп (по столбцам)

	Население	A	B	C	D	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как Вы считаете, президент В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?						
Хорошо	63	70	69	67	65	57
Плохо	24	20	20	22	23	27
Ничего не знаю о его работе	4	2	2	3	4	5
Затрудняюсь ответить	9	7	9	8	8	10
Как Вы считаете, правительство России работает хорошо или плохо?						
Хорошо	20	25	24	22	21	17
Плохо	59	57	58	59	60	58
Ничего не знаю о его работе	10	6	6	7	9	12
Затрудняюсь ответить	12	11	12	11	10	12

Табл. 11

% от групп (по столбцам)

	Население	A	B	C	D	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Если бы выборы президента России состоялись сегодня, за кого из кандидатов Вы бы проголосовали?						
В. Путин	46	48	49	49	49	42
Другое голосование*	24	27	25	26	24	23
Неопределившиеся**	28	21	23	22	25	33
❖ В этой позиции собраны голоса за других кандидатов и “против всех”. ❖❖ Здесь суммированы результаты по двум позициям: “затрудняюсь ответить” и “не буду участвовать в голосовании”.						

Табл. 12

% от групп (по столбцам)

	Все	A	B	C	D	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Если бы выборы в российский парламент состоялись сегодня, за какую из партий Вы бы проголосовали?						
“Единая Россия”	24	24	26	26	26	21
Против всех	11	16	13	12	12	8
СПС	2	6	4	3	2	1
ЛДПР	5	5	6	7	7	4
“Родина”	4	4	4	4	3	4
“Яблоко”	2	4	3	2	2	1
КПРФ	9	2	3	5	6	15
Не пошел(-ла) бы на выборы	20	20	22	19	19	22
Затрудняюсь ответить	21	16	16	19	20	23

Табл. 13

% от групп (по столбцам)

	Население	А	В	С	Д	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	12	23	34
Как Вы полагаете, от чего в большей мере зависит Ваше материальное положение: от Вас самого или от не зависящих от вас обстоятельств?						
От меня самого	32	69	59	48	38	15
От не зависящих от меня обстоятельств	64	27	38	49	59	80
Затрудняюсь ответить	4	4	3	3	4	5

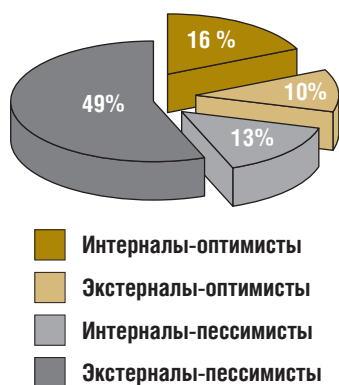

Рис. 1

лов и экстерналов примерно равны, а среди “невключенных” интерналов практически нет (табл. 13).

Отметим, что основную массу российского общества сегодня составляют люди, отдающие свое благополучие на волю обстоятельств, – две трети россиян полагают, что их собственные усилия значат меньше по сравнению с не зависящими от них условиями.

Распределение ответов респондентов на этот вопрос во всех (!) группах удивительным образом совпадает с уже приводившимся выше распределением ответов на вопрос: “Есть ли у Вас шансы стать человеком, имеющим много денег?” Просто ли это совпадение? Или это отражение двух комплексных противоположных установок: “у меня – благодаря мне и только мне – будет безбедное будущее” и “мало что от меня тут зависит, и мое будущее вряд ли будет безбедным”?

Выясняется, что респонденты, ставящие свое благополучие в зависимость от внешних обстоятельств, в подавляющем большинстве действительно не рассчитывают добиться благополучной жизни. В целом доля таких “экстерналов-пессимистов” составляет 49% от всех опрошенных.

В то же время среди респондентов, ориентированных на собственные силы, единства нет. И в целом доля “интерналов-оптимистов” составляет всего 16%. То есть сегодня у “экстерналов-пессимистов” в стране нет достойного противовеса – доля их принципиальных оппонентов ниже в три раза. Остальные респонденты занимают промежуточное положение (рис. 1).

Не будем здесь углубляться в специфику менталитета, соответствующую этим двум установкам. Для нас важно, что в группе А доля “интерналов-оптимистов” составляет 51%, то есть “включенность” в новые реалии повседневной жизни коррелирует с наличием первой установки.

В одном из относительно недавних исследований ФОМа* было показано, что именно интернальность и оптимизм являются главными (и, возможно, единственными) отличительными чертами тех российских граждан, которые субъективно относят себя к общности “средний класс”. В какой мере эти “субъективное” и “объективное” множества пересекаются?

Как видно из табл. 14**, чем сильнее респонденты “включены” в реалии современной жизни, тем чаще они относят себя к “среднему классу”. Однако что каждый четвертый респондент группы А не считает, что принадлежит к среднему классу. Рассмотрим подробнее, какие представители этой группы чаще склонны занимать такую позицию (табл. 15).

* Климова С.Г. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации. www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 7.

** Общероссийский опрос населения 24–25 декабря 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Табл. 14

% от групп (по столбцам)

	Население	A	B	C	D	“Невключенные”
Доли групп, %	100	5	6	10	27	34
Вы лично относите или не относите себя к среднему классу?						
Отношу	37	71	59	56	45	16
Не отношу	53	25	38	35	47	70
Затрудняюсь ответить	10	4	3	9	8	1

Табл. 15

% от групп (по столбцам)

Группа А						
	Населе- ние	Возраст [♦]		Образование [♦]		
		18–35	36–54	среднее	среднее специальное	высшее
Вы лично относите или не относите себя к среднему классу?						
Отношу	71	75	59	65	82	65
Не отношу	25	21	36	34	16	27
Затрудняюсь ответить	4	3	5	1	3	7
❖ Мы не приводим данных по старшему возрасту и респондентам с образованием ниже среднего, так как наполненность этих групп слишком мала для минимальной репрезентативности данных.						

Респонденты среднего возраста и со средним образованием чаще других отказываются отождествлять себя со средним классом, несмотря на приобщенность ко многим атрибутам современной повседневной жизни. Примечателен тот факт, что среди респондентов группы А с высшим образованием тех, кто не причисляет себя к среднему классу, больше, чем среди опрошенных со средним специальным образованием. Выскажем предположение, что основным мотивом отказа от самоидентификации со средним классом является наличие представлений об уровне жизни “настоящего” среднего класса, соответствующих тому, как понимается этот термин в западноевропейском или американском обществе.

Рассмотрим, как колеблется готовность идентифицировать себя со средним классом у респондентов группы А в зависимости от двух других важных социально-демографических показателей – дохода и места проживания (табл. 16).

Табл. 16

% от групп (по столбцам)

Группа А								
	Населе- ние	Доход♦			Тип населенного пункта			
		1500–3000	свыше 3000 рублей	затрудняюсь ответить, не хочу отвечать	Москва	мегаполис	крупный город	малый город
Вы лично относите или не относите себя к среднему классу?								
Отношу	71	65	71	84	71	61	72	77
Не отношу	25	32	26	9	19	39	25	20
Затрудняюсь ответить	4	3	2	5	9	0	3	3
❖ Мы не приводим данных по респондентам с доходом ниже 1500 рублей и сельским респондентам, так как наполненность этих групп слишком мала.								

Как мы видим, реже других относят себя к среднему классу респонденты группы **A** из мегаполисов – областных центров с населением более миллиона человек. По всей видимости, дело в том, что жители мегаполисов видят в своих городах людей с гораздо более высоким уровнем жизни, чем у них, и это мешает им отождествить себя со “средним классом”. Для Москвы это соображение оказывается менее значимым. Возможно, в силу того, что у москвичей – представителей группы **A** действительно достаточно высокий уровень жизни.

Итак, самоидентификация с представителями среднего класса характерна для большинства респондентов группы **A**. Более широкому распространению такой самоидентификации препятствуют как представление о недостаточности своих ресурсов – если говорить о респондентах со средним образованием и относительно низким доходом, – так и осведомленность о существовании более высокого уровня жизни.

Обратимся к региональной специфике.

Больше всего респондентов группы **A** оказалось в следующих российских регионах: Москва – 20%; Санкт-Петербург – 12%; Ханты-Мансийский АО – 8%; Камчатская область – 8%; Нижегородская область – 7%.

Выше среднего показателя по стране доля респондентов группы **A** оказалась также в Архангельской, Псковской, Калужской, Кемеровской, Калининградской и Магаданской областях.

Попадание четырех первых регионов в пятерку “лучших” объяснимо довольно легко – здесь самый высокий уровень дохода по стране. Но вот в других областях и республиках больше все-таки зависит уже от самих жителей. Например, распределение данных по уровню доходов населения в Нижегородской области практически идентично соответствующему распределению в Тульской или Белгородской областях, но доля респондентов группы **A** в двух последних регионах составляет всего 2 и 1% соответственно. Из других “продвинутых” областей только Магаданская входит в число лидеров по уровню доходов населения.

Если говорить об освоенности отдельных реалий, то не вызывает удивления тот факт, что лидером почти по всем позициям является Москва. Исключений два: покупка товаров в кредит и получение банковских кредитов. По освоенности этих реалий Москва (как и Санкт-Петербург) не входит даже в первую десятку. Товары в кредит чаще всего покупают в Кемеровской области (42% опрошенных), в Татарстане – 38%, Удмуртии и Архангельской области (по 37%). Банковскими кредитами чаще других пользуются жители Омской и Оренбургской областей (по 22% опрошенных), а также Амурской, Тюменской (по 21%), Томской и Вологодской (по 20%) областей*.

Если говорить о федеральных округах, то с интересующей нас точки зрения наиболее благополучная ситуация – в Северо-Западном округе. Здесь нет “отсталых” регионов, более того, во всех регионах этого округа доли “включенных” всех степеней не уступают среднероссийским показателям или немного превосходят их. Наиболее низкие показатели – в Южном округе: здесь ни в одном регионе доли групп **A** и **B** не дотягивают до среднероссийского уровня – по 5%.

* Из других частных наблюдений можно обратить внимание на Камчатскую область – она оказалась в лидерах не только по доле респондентов, управляющих автомобилем (31%) и летавших на самолетах (25%), но и по освоенности реалий, напрямую не связанных с уровнем материального достатка или обусловленных территориально. Камчатка входит в десятку ведущих российских регионов по доле респондентов, имеющих опыт работы за компьютером (29%), работы в интернете (20%), а также покупающих спортивное или туристское снаряжение (15%) и пользующихся услугами косметических салонов (10%).

Самоидентификация с представителями среднего класса характерна для большинства наиболее “включенных” респондентов. Помехой же на пути такой самоидентификации оказываются как представление о недостаточности своих ресурсов, так и представление о существовании более высокого уровня жизни

Пятерка регионов, в которых наиболее высока доля респондентов, совершенно “не включенных” в реалии современного мира, выглядит следующим образом: Северная Осетия – 58%; Смоленская область – 54%; Республика Мордовия – 51%; Курская область – 50%; Белгородская область – 50%.

Особо здесь хочется отметить Смоленскую область. В этом регионе доля респондентов, относящихся к группам **A** и **B**, в сумме не дотягивает даже до 1% – это менее 5 человек из 500 опрошенных. Регион, географически являющийся одним из наиболее западных, оказался чуть ли не наиболее “удаленным” от новых реалий, пришедших в Россию в основном с Запада. При этом по уровню среднедушевого дохода Смоленская область находится отнюдь не на последнем месте.

Недалеко от Смоленщины ушла и Мордовия – в этой республике доля групп **A** и **B** в сумме не составляет и 2% опрошенных.

Итак, мы постарались дать подробный портрет респондентов, лучше других освоивших атрибуты современной цивилизации, и показать, где именно в социально-демографических группах проходят рубежи, отделяющие этих респондентов от других. Большинство респондентов группы **A** готовы признать свою принадлежность к “среднему классу”, их отличают установка на собственные силы, а также определенный социальный и личностный оптимизм.

По своим политическим пристрастиям они практически не отличаются от россиян в целом. Вместе с тем они несколько чаще отмечают отсутствие на российской политической арене привлекающих их сил и структур – это видно по значительной доле представителей данной группы, намеревающихся голосовать “против всех”.

Не вызывает сомнений тот факт, что со временем – если в стране не будет серьезных потрясений и катаклизмов – группа **A** будет численно увеличиваться. Однако отсюда совершенно не следует, что с увеличением численности этой группы – наиболее модернизированной части общества – возрастает ее консолидированное, направленное влияние на политику. По всей видимости, на данном этапе представители группы **A** не видят угрозы своим индивидуальным планам на жизнь. Но даже если такая угроза и возникнет, пока не видно никаких предпосылок к тому, что эта группа будет отстаивать свои интересы сообща. Существуют ли какие-то ценности и идеи, общие для большинства представителей наиболее модернизированной части российского общества, помимо индивидуализма и социального оптимизма? Ответ на этот вопрос могут дать только новые исследования. ■

Наиболее благополучная ситуация – в Северо-Западном округе: во всех регионах этого округа доли “включенных” всех степеней не уступают среднероссийским показателям или немного превосходят их. Наиболее низкие показатели – в Южном округе

Ежегодно, начиная с 1996 года, в конце декабря мы спрашиваем у россиян, как они оценивают уходящий год: каким он был лично для них и для страны и какие в целом ожидания – оптимистичные или пессимистичные – у наших сограждан относительно наступающего года. В конце 2005 г. такие замеры проведены в десятый раз, и в целом динамика этих оценок является отражением надежд, разочарований, потрясений, пережитых Россией за последнее десятилетие*.

Последние пять лет этого десятилетия для России – не только хронологически “другое время” по сравнению с последними пятью годами ушедшего столетия. Это еще и другое социально-политическое время: в конце 1999 г. бывший президент России Б. Ельцин представил стране В. Путина как своего преемника. Весной 2000 года, который можно считать переходным, он стал вторым избранным президентом России.

Посмотрим, как менялись оценки россиянами ситуации в стране и в своей семье за истекшие пять лет и насколько 2005 год отличается от 2001-го – по субъективным оценкам наших сограждан на фоне объективных данных.

С. Климова

Первые годы нового века: итоги и надежды

*2001 год стал
для россиян
переломным не только
в условной шкале
летосчисления,
но и в реальных,
ощутимых для
каждого условиях
жизни*

Уровень жизни россиян в первой пятилетке нового столетия

Статистики утверждают, что 2001 год для россиян стал переломным не только в условной шкале летосчисления, но и в реальных, ощутимых для каждого условиях жизни. В последние пять лет росли все показатели социально-экономического развития страны.

Постоянным был рост реальных доходов населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен). В среднем он составлял 11% в год (табл. 1).

С начала нового столетия постепенно снижался уровень безработицы, хотя показатели его снижения в данных статистики выглядят не слишком впечатляюще (табл. 2). Но особенность российского рынка труда в 90-е годы заключалась в том, что чрезвычайно распространенным явлением была скрытая безработица. Расчеты специалистов показывают, что с 2000 года снижается и численность работников, занятых неполное время по инициативе администрации, и численность тех, кому были предоставлены административные отпуска по инициативе администрации [Суринов А. 2003. С. 76].

Постепенно снижается в эти годы и численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 2000 году таких было 41,9 миллиона (28,9%).

* См. в данном номере тему “Итоги года” на цветной вкладке. В дальнейшем ссылки на соответствующие опросы приводятся без указания дат.

Табл. 1. *Реальные доходы населения**

% к каждому предыдущему году

2000	2001	2002	2003	2004	2005
112	109	111	115	108	109
❖ Данные для 2000–2004 гг. приведены по: [Россия в цифрах. 2005. С. 100]. Данные для 2005 г. приведены по: http://pda.utro.ru/news					

Табл. 2. *Доля безработных**

% к численности экономически активного населения

2000	2001	2002	2003	2004
9,8	8,9	8,6	7,8	7,9
❖ Данные приведены по: [Россия в цифрах. 2005. С. 79]				

В 2001 г. – 27,3%, в 2002 – 24,2%, в 2003 – 20,3%, а в 2004 – 17,8% [Россия в цифрах. 2005. С. 101].

Хотя и медленно, но неуклонно снижалась инфляция: так, на декабрь 2000 года она составляла 20,2%, на декабрь 2001 года – 18,6%; для 2002, 2003 и 2004 гг. эти показатели составили 15%, 12%, и 11,7 соответственно [Россия в цифрах. 2005. С. 32]. В 2005 г., по словам премьер-министра М. Фрадкова, инфляция снизилась до 11%. Для сравнения: в 1997, 1998 и 1999 годах инфляция в РФ составляла 21,8%, 84,4% и 36,5% [Суринов А. 2003. С. 25].

Примерно на 10–11% в год росла реальная заработная плата, и на 5–6% увеличивались пенсии и другие государственные социальные платежи. Одновременно устойчиво снижалась и просроченная задолженность по заработной плате [Россия в цифрах. 2005. С. 105]. Задержки по выплатам пенсий и пособий удалось практически полностью ликвидировать в 2001 г.

Но экономисты отмечают, что, несмотря на рост в последние пять лет показателей, характеризующих уровень жизни населения России, уровень реальных денежных доходов россиян остается крайне низким. Он примерно на четверть ниже уровня, сложившегося к началу периода экономических реформ**.

Покупательная способность населения по важнейшим видам продовольственных товаров остается на уровне начала 1980-х годов, несмотря на ее рост в последние годы.

Суммарные доходы домохозяйств лишь к 2002 году достигли уровня 1996 г. [Козырева П. и др. 2002. С. 164]. При общем снижении уровня бедности не изменилась ее структура. «Постоянно бедными» остаются чаще многодетные и неполные семьи. Продолжает сохраняться и большая доля работающих бедных.

Таким образом, судя по данным статистики, материальные условия жизни россиян в последние пять лет медленно, но неуклонно улучшались. Вместе с тем остающаяся весьма значительной доля бедных и большая имущественная дифференциация в стране создают предпосылки для социальной нестабильности. Статистика демонстрирует, что дифференциация граждан по доходам за последнее пятилетие не только не сократилась, но даже увеличилась. Средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышал аналогичный показатель для 10% населения с самыми низкими доходами, по расчетам Федерального агентства государственной статистики, в 2004 году в 14,8 раза (коэффициент фондов) – против 14,5 в 2003 году и 14,0 в 2002 и 2001 годах [Россия в цифрах. 2005. С. 102]. При этом на долю 20% наименее обеспеченного населения в 2004 г. приходилось лишь 5,5% общего объема денежных доходов, а на долю 20% самого обеспеченного – 46,4% [Россия в цифрах. 2005. С. 110].

* <http://pda.utro.ru/news>

** <http://www.demoscope.ru>

Несмотря на рост в последние пять лет показателей, характеризующих уровень жизни населения России, уровень реальных денежных доходов людей остается крайне низким – он примерно на четверть ниже уровня, сложившегося к началу периода экономических реформ

Неуклонно растет и показатель концентрации доходов – коэффициент Джини*. В 2000 г. его значение было 0,395; в 2001 и в 2002 – 0,398; в 2003 – 0,402; в 2004 – 0,406. Для сравнения: в 1992 г. этот показатель был 0,289, в 1995-м – 0,387 [Россия в цифрах. 2005. С. 110].

Итак, статистика свидетельствует, что уровень материального благосостояния наших сограждан в последние пять лет медленно, но неуклонно, без скачков и срывов, рос. Посмотрим теперь, как выглядят эти годы, и в частности последний, 2005-й, в оценках россиян.

Годы плохие и хорошие

Для большей части наших сограждан (47%) 2005 год в личном плане был таким же, как и предыдущий, 2004 год. Этот показатель практически не меняется с 2002 года. Однако по соотношению позитивных и негативных оценок 2005 год выглядит существенно лучше 2004-го. Примерно в полтора раза (с 22% до 32%) выросла доля тех, кто сказал, что уходящий год лично для него был лучше, чем предыдущий. Одновременно с 28% до 19% сократилась доля тех, для кого уходящий год был хуже предыдущего (рис. 1).

По соотношению этих показателей наиболее благополучными выглядят 2003 и 2005 годы, а наименее благополучными – 2000, 2002 и 2004-й (табл. 3).

Как и ранее, в 2005-м чаще, чем в среднем по выборке, объявляли уходящий год “лучшим” для них люди в возрасте 18–35 лет (48%) и те, чей ежемесячный доход превышает 3000 рублей (36%). Кроме того, в 2005 г. оптимистичные оценки чаще, чем в среднем, стали давать жители городов с населением менее 1 млн человек, а жители городов-миллионников несколько чаще “среднего россиянина” заявляли, что они прожили этот год так же, как предыдущий (ранее в мегаполисах было заметно больше, чем в среднем, тех, для кого уходящий год был лучше). Можно предположить, что позитивные сдвиги в экономике стали ощутимыми в повсе-

Табл. 3

	Соотношение оценок года: лучше/хуже для граждан
2000	1
2001	1,6
2002	1,2
2003	1,8
2004	0,8
2005	1,7

Рис. 1

* Коэффициент Джини – показатель, характеризующий степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе [Россия в цифрах. 2005. С. 97].

Рис. 2

дневной жизни людей не только в столицах или крупных промышленных и административных центрах, но и в городах поменьше.

Доля позитивных оценок уходящего года «для России» в 2005 г. увеличилась по сравнению с 2004 г. с 16% до 28%. Одновременно уменьшилась доля негативных оценок – с 26% до 17% (рис. 2).

Однако соотношение позитивных и негативных оценок, несмотря на существенное улучшение по сравнению с 2004 г., все-таки хуже, чем было в 2003 году (табл. 4).

В 2005-м, как и в 2004-м, чаще, чем в среднем по выборке, уходящий год называют «лучшим» для страны молодые респонденты (35%). А оценки людей с высшим образованием и жителей больших городов с преимущественно негативных сменились на преимущественно позитивные (31% и 33% соответственно).

Для того чтобы получить интерпретации полученных оценок, респондентов – в форме открытого вопроса – попросили: «Объясните, пожалуйста, чем именно для России 2005 год был лучше/хуже 2004 года» (аналогичный открытый вопрос задается в конце каждого года).

Те, кто дал 2005 г. позитивную оценку, говорили о повышении уровня жизни россиян («маме зарплату перестали задерживать»; «народ улучшает свой быт, больше тратят денег на питание, одежду, поездки») – 8%; о снижении инфляции и безработицы, выплате внешнего долга и развитии производства, улучшении состояния экономики в целом («больше достижений в промышленности, в сельском хозяйстве...»; «заработала оборонная промышленность»; «цены на нефть поднялись, вырос стабилизационный фонд, золотой запас стал больше») – 6%, о появлении стабильности («стабильность, а значит, и надежда на лучшую жизнь») – 3%.

В предыдущие годы в ответах на вопрос о положительных итогах года первые два места (по числу ответов) тоже занимали суждения либо об успехах в экономике в целом, либо о повышении уровня жизни россиян, а третье – высказывания о конструктивной деятельности президента и правительства, ориентированной на достижение стабильности и порядка. Примерно такой же была и структура ожиданий населения, адресованных новой власти в 2000 году. В «наказах В. Путину», в ответах на вопросы об их личных проблемах и проблемах страны, о страхах и ожиданиях

Табл. 4

	Соотношение оценок года: лучше/хуже для страны
2000	1,4
2001	3
2002	1,2
2003	3
2004	0,6
2005	1,6

* С мая 2000 г. ФОМ регулярно задает россиянам открытый вопрос: «Если бы у Вас была возможность высказать свое мнение В. Путину, что бы Вы посоветовали ему сделать в первую очередь?»

Четные годы не отмечены какими-то особыми провалами в экономике, а материальное положение людей, как нам говорят статистики, все эти годы медленно, но неуклонно росло. Конечно, уровень жизни значительной части населения низок, но в четные годы он не был ниже, чем в нечетные

россияне задавали иерархию задач, адресованных высшему руководству страны. Эта иерархия выглядела в 2000 году следующим образом: 1 – “поднять жизненный уровень населения, решать социальные проблемы”; 2 – “создать эффективный механизм государственного управления”; 3 – “стимулировать развитие экономики, обеспечить занятость населения”; 4 – “решать проблемы образования, науки, здравоохранения”; 5 – “закончить войну в Чечне”; 6 – “воссоздать сильную державу”*. Близость аргументации тех, кто отмечает перемены к лучшему, с одной стороны, и пожеланий граждан к руководству страны – с другой, означает, по-видимому, что в целом деятельность президента и правительства соответствует ожиданиям населения.

Чем же объяснить в таком случае заметные “провалы” в оценках 2002 и 2004 годов? Строго говоря, 2000 год, если судить по самооощущениям россиян, тоже был не лучшим: по соотношению оценок – и “для себя”, и “для страны” – он тоже уступает нечетным годам.

Попробуем поискать объяснения в высказываниях самих респондентов. Примерно половина тех, кто объяснял, почему 2005 год был для страны, на их взгляд, хуже предыдущего, говорили о проблемах экономики: росте цен, инфляции, отсутствии заметного роста производства, безработице (*“не построено ни одного предприятия”; “нет развития производства, все вывозят за границу”*) – 8%. Про снижение уровня жизни людей сказали 3% опрошенных (*“у простых людей жизнь ухудшается, зарплату прибавляют так, что ее ни на что не хватает”*). Столько же респондентов упоминают другие социальные проблемы (рост цен на услуги ЖКХ, монетизацию льгот и др.). Немногие говорили об отсутствии законности и порядка, росте коррупции, усилении терроризма, отсутствии стабильности, вспоминали аварии, катастрофы, стихийные бедствия. В предыдущие годы структура высказываний респондентов на эту тему была сходной.

Четные годы не отмечены какими-то особыми провалами в экономике, а материальное положение людей, как нам говорят статистики, все эти годы медленно, но неуклонно росло. Конечно, уровень жизни значительной части населения низок, но в четные годы он не был ниже, чем в нечетные. Почему же и в “плохие”, и в “хорошие” годы доминирующими обоснованиями негативной оценки уходящего года являются материальные условия жизни?

Мы предполагаем, что основаниями для оценок прожитого года “для себя” и “для страны” являются обыденные типизации – принятые в данном обществе в данное время устойчивые субъективные определения ситуаций, явлений, своих и чужих поступков (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман). Практика повседневного общения строится на базе таких типизаций. Типизации используются субъектом в предположении, что природа и принципы наших интерпретативных схем одинаковы. Поэтому незнакомые люди а) поймут твоё объяснение и б) в сходной ситуации поведут себя ожидаемым образом. Так, нормативное давление заставляло людей при социализме объяснять свою привязанность к данному месту работы “хорошим коллективом” или “содержанием труда”, а не “высоким заработком”. Капитализм легализовал материальный интерес, и потому, например, объяснение плохого настроения недостатком денег стало самым удобным, поскольку предполагается, что такое объяснение – общепринятое и вполне понятное для другого.

Проясняют ситуацию ответы на другой вопрос: *“Среди плохих событий, произошедших в России в... году, какое Вы назвали бы событием года?”* Редкая для ответов на открытые вопросы концентрированность на одной теме – характерная особенность ответов на этот вопрос в 2000, 2002 и 2004 годах.

* См.: Климова С. Наказы россиян президенту: личные и общегосударственные проблемы // www.fom.ru. Очерки. Поле мнений. 24 января 2001 г.

Вот эти темы: 2000 г. – авария на АПЛ “Курск” (47%). Даже в конце 2001 года респонденты по-прежнему вспоминали “Курск” чаще других плохих событий. Следующий четный, 2002 г. – захват заложников в театральном центре на Дубровке (63%); 2004 г. – трагедия в Беслане, другие теракты (57%). То, что в нечетные годы, когда не было таких ужасных событий, не было и такой концентрации на чем-то одном в ответах респондентов, неудивительно. Примечательным и весьма важным является то, что негативный “шлейф” этих событий сохраняется и в последующие годы. Так, в числе плохих событий 2005 г. респонденты называли не только захват боевиками Нальчика (больше всего ответов), но и “отголоски Беслана”, последствия бесланской трагедии.

Участники фокус-групп*, вспоминая плохие события 2005 г., упоминают Беслан как недавнее событие.

1-й участник: *События в Беслане были.*

2-й участник: *Нет, это было в 2004-м.*

3-й участник: *Да, это в том году было.*

1-й участник: *Год прошел, но как бы перетекает это событие как-то. Оно-то было в конце года, но не так. И о нем все время говорили*” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *В сентябре – в Беслане. Сколько там народу, детей погибло.*

2-й участник: *Это в прошлый год. А мы – за этот год*” (ДФГ, Новосибирск).

А 2004 год, самый плохой по соотношению позитивных и негативных оценок, выделяется тем, что Беслан стал концентрированным выражением опасности и нестабильности жизни; другие негативные события, менее трагичные и менее существенные, стали как бы “подверстываться” к нему. Это настроение хорошо выразил один из респондентов, отвечавших на открытый вопрос в конце 2004 года: “внутреннее состояние страны, народа пошатнулось от ряда трагедий”.

Жизнь страны в жизни семьи: чужая боль как своя

Как видно из приведенной ниже таблицы, существует прямая связь между оценками уходящего года “для себя” и “для России”: те, кто считает, что для страны 2005 год был лучше 2004-го, чаще так же оценивают его и для себя (табл. 5). Те же, кто считает, что 2005 год для России был хуже, в большинстве случаев дают негативные оценки и своей личной ситуации.

Оценки личной ситуации всегда связаны с оценками ситуации в стране. Те, кто считает, что для страны уходящий год был лучше/хуже предыдущего, чаще оценивают его соответственно как лучший/худший для себя. Отчасти это может быть проекцией своего личного положения на положение страны. Отчасти же –

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Население	Считают, что для России 2005 год по сравнению с 2004 годом был			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	28	38	17	17
Если говорить в целом, то каким лично для Вас был уходящий 2005 год – лучше, хуже или таким же, как прошедший 2004 год?					
Лучше	32	55	23	19	25
Таким же	47	34	59	36	52
Хуже	19	10	16	43	20
Затрудняюсь ответить	2	1	2	2	4

* Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 6–13 декабря 2005 года.

Как заметил один из участников массового опроса в конце 2004 г., “внутреннее состояние страны, народа пошатнулось от ряда трагедий”

Те, кто считает, что для страны уходящий год был лучше/хуже предыдущего, чаще оценивают его соответственно как лучший/худший для себя

“Плохие” для страны
четные годы
ощущаются людьми
как “провальные”
для них лично

обратной проекцией: представления об общенациональном благополучии или, напротив, неблагополучии отражаются на оценках собственного положения. Это могут быть общественные условия, напрямую влияющие на оценки собственной ситуации (такие, например, как инфляция, падение производства и деловой активности, вызывающие безработицу, и др.). Но могут быть и опосредованные влияния, вызванные, например, оценками или прогнозами авторитетных лиц, событиями, непосредственно не затрагивающими рядовых граждан и даже, иногда, еще не произошедшими, но воспринимаемыми как потенциально возможные. На рост оптимизма могут повлиять, к примеру, рассказы об укреплении экономики страны (по типу “великих строек коммунизма”), а на рост пессимизма – истории о различных несчастьях и неудачах.

Обратим внимание на тот факт, что “плохие” для страны четные годы ощущаются людьми как “провальные” и для них лично. Эта связь не могла быть “наведенной” ситуацией опроса: в блоке вопросов об итогах года вопрос об оценке года “для себя” задавался первым. Плохие оценки, как мы видели, чаще всего объясняются материальными трудностями, которых вовсе не было больше в четные годы. А были в эти годы три трагедии общенационального масштаба – “Курск”, “Норд-Ост” и Беслан, – которые, конечно, не могли непосредственно затронуть ближайшее окружение такого большого числа людей и поэтому, казалось бы, не должны были сказаться на том, как оценивались респондентами соответствующие годы “для себя”. Многие “вспоминали” о них, лишь отвечая на прямой вопрос о плохих событиях года. У нас нет данных, объясняющих, почему люди чаще негативно оценивают “для себя” годы, отмеченные общенациональными трагедиями. Можно лишь предположить, что ощущение горя или диффузной угрозы, существующее за рамками рациональных определений ситуации, сказывается на восприятии человеком своей личной жизни даже тогда, когда она не затронута этой бедой. Примечательно в этом отношении высказывание одного из участников ДФГ о своей реакции на известие об аварии батискафа “Приз”.

“Да, батискаф вот этот. Тоже думалось, что, как с “Курском”, не вытащат их. Я пришел домой, слышу эту информацию, перекрестился, говорю: “Ну, Господь помоги, чтоб ребята живые остались”” (ДФГ, Самара).

Если это так, то хорошие события в жизни страны тоже, вероятно, сказываются на уровне “личного” оптимизма граждан. В подтверждение этой гипотезы у нас тоже нет данных, есть лишь некоторые наблюдения, позволяющие считать это предположение не беспочвенным.

Возможно, не слишком высокие (во всяком случае, не дотягивающие до уровня 2003 г.) оценки 2005 г. определяются не только наличием плохих событий, но и отсутствием хороших. Респонденты, отвечавшие на открытый вопрос: “Какое из произошедших в России в 2005 году хороших событий Вы назвали бы событием года?” (26%), чаще всего упоминали юбилеи, праздники, фестивали, спортивные достижения – 7%. Юбилеи (в частности, самый громкий – 60-летие Победы) это, строго говоря, не события, а отражения других событий, бывших в прошлом. Событий в 2005 г. фактически не было, поэтому те, кто не считал таковыми праздники, воспроизводили ответы на вопрос о “хороших” несобытийных итогах года. Увеличение зарплат, пенсий, пособий отметили 5% опрошенных. О достижениях в экономике сказали 3% (“где-то, говорят, заводы восстанавливаются...”). Столько же респондентов вспомнили о тех или иных событиях политической жизни. Некоторые говорили также об успехах в международных делах, ссылались на заботу о людях, укрепление законности и порядка.

Участники фокус-групп, размышляя об итогах года, часто говорили, что их лично обнадеживает (либо порождает у них пессимизм) происходящее “на улице”,

с другими людьми. Работает механизм социального сравнения, который можно представить в виде следующего размышления: “если нечто (плохое или хорошее) происходит с другими людьми, такими же, как я, значит, со мной может произойти нечто подобное”.

1-й участник: Я заметила, что маленьких детей стало больше, рождаемость повышается. Это хорошо. Это очень хорошо.

2-й участник: Садики немногие возродились. Так в них предприниматели и ошиваются. В школах еще учителям не добавили, хотя обещают с этого года. И медработникам, только участковым врачам, а остальным – нет. Люди за этот год положительных эмоций немного испытали. Так же, как я. В общем, безрадостный какой-то год прошел. Радости особой не добавил.

3-й участник: Постоянно растущие цены. Это беспокоит.

4-й участник: Мне кажется, работы больше стало. Везде требуются, требуются – вот “Навигатор” наши посмотреть.

5-й участник: По сравнению с 2004 годом, в принципе, никаких изменений.

Модератор: Ни в лучшую, ни в худшую сторону?

5-й участник: Нет. Все так же проскрипело” (ДФГ, Новосибирск).

Когда надежды не сбываются

Оценки (положительные или отрицательные) какого-либо события или череды событий, произошедших за какой-то отрезок времени, зависят от точки отсчета. Такой точкой может быть исходное состояние, и тогда оценивается динамика событий относительно этого состояния. Точкой отсчета для оценки успехов Советского Союза был, как известно, 1913 год. Для современной России точкой отсчета является 2000 год. Население связывало с приходом к власти нового президента надежды на окончание “смутного времени” – периода социальной и экономической нестабильности. Желание быстрых изменений к лучшему породило завышенные ожидания и быстрые разочарования. Именно поэтому в конце 2001 года, как видно из приведенной ниже таблицы, была самой большой доля тех, чьи надежды не оправдались в уходящем году, и самой маленькой – доля тех, кто от этого года ничего не ждал (табл. 6).

Опрос, проведенный в конце 2005 г., зафиксировал существенный рост по сравнению с 2004 г. числа тех, кто уверяет, что не ожидал от уходящего года ничего хорошего. Доля тех, чьи хорошие ожидания оправдались, осталась практически неизменной – 16%. Позитивным сдвигом можно было бы считать значительное уменьшение доли респондентов, чьи надежды и мечты не сбылись. Но ведь они перешли в группу тех, кто перестал на что-либо надеяться, а не тех, чьи ожидания оправдались.

Естественным является вопрос: что лучше – когда надежды многих людей не сбываются (ситуация конца 2001 года) или когда люди ни на что не надеются

Табл. 6. Припомните, пожалуйста, что хорошего Вы ожидали от ... года для России, и оправдались или не оправдались Ваши ожидания? *

% от групп (по столбцам)

	2001	2003	2004	2005
Ничего не ожидал(-а)	15	28	25	39
Оправдались	22	23	16	16
Не оправдались	54	39	50	39
Затрудняюсь ответить	9	10	8	9
❖ В 2000 и в 2002 годах вопросы об ожиданиях хорошего и плохого в жизни страны не задавались.				

(ситуация конца 2005 года)? Или плохи оба варианта? Для того чтобы разобраться в этом, обратимся к понятию “относительная депривация”.

Когда аналитики говорят об относительной депривации как о механизме, запускаящем процессы социальной нестабильности, они имеют в виду не только материальные условия, но и другие элементы качества жизни. Понятие “относительная депривация” используют, во-первых, для того, чтобы описать ситуацию, при которой люди утрачивают необходимые ресурсы и лишаются возможности поддерживать привычный образ жизни. Этот тип относительной депривации можно обозначить как “депривацию жизненных стандартов”. Кризис конца 80-х – начала 90-х годов породил в основном именно эту форму депривации.

Вторая ситуация, провоцирующая развитие синдрома, складывается тогда, когда формируются новые жизненные стандарты, повышенные притязания и надежды, но люди не обладают достаточными ресурсами для реализации своих претензий. Этот тип можно назвать “депривацией надежд”. Самым убедительным исследованием на эту тему является исследование В. Магуна, который показал, что у нового поколения юношей и девушек в первой половине 90-х годов устойчиво росли жизненные притязания, связанные с тремя компонентами их будущего социального статуса: властью, престижем и богатством. В. Магун говорит даже о “революции возросших притязаний” [Магун В. 1996. С. 29–48]. Он объясняет рост притязаний появлением новых возможностей для имущественной и социальной мобильности. Известно, что высокий уровень притязаний стимулирует активность. Поэтому высокие притязания считаются позитивным фактором развития общества. Но возросшие ожидания повышают риск разочарований и фрустраций, чреватых, помимо прочего, социальными конфликтами*.

Третья форма относительной депривации возникает тогда, когда надежды на первом этапе начинают оправдываться, но в дальнейшем реальность все более расходится с ожиданиями: темпы прироста ресурсов замедляются, тогда как претензии продолжают расти. Это тип “депривации ожидаемого темпа изменений”. Похоже, в конце 2005 года мы начинаем наблюдать развитие именно такого феномена.

В 2005 году несколько лучше, по сравнению с 2004 годом, выглядела и картина ретроспективных опасений: доля тех, кто сказал, что их страхи относительно ситуации в России подтвердились, оказалась существенно – практически вдвое – меньше (39% и 20%). Выросла больше чем на треть – с 30 до 49% – и доля тех, кто говорил, что ничего не опасался (табл. 7).

Конечно, утверждения об оправдавшихся хороших или плохих ожиданиях делаются задним числом, после того как произошли (или не произошли) какие-то

* Это обстоятельство подчеркивает В. Магун, ссылаясь на многочисленные зарубежные исследования. В них, в частности, речь идет о том, что общественным беспорядкам обычно предшествовали процессы быстрой модернизации и связанный с ними рост материальных притязаний.

значительные положительные или негативные события. Смутное беспокойство или тревога забывается, если не происходит плохого события, и подкрепляется, если такое событие происходит. С этой точки зрения данные 2004 года показывают значительный рост плохих ретроспективных ожиданий.

Факт такого “подкрепления” оценок можно проиллюстрировать данными *таблицы 8*. Как видим, те, кто дает уходящему году “для России” позитивные оценки, чаще утверждают, что их хорошие ожидания оправдались, а плохие – нет. Те же, кто дает плохие оценки, чаще говорят о несбывшихся надеждах и подтвердившихся опасениях, приписывая себе предвидение, что год будет плохим (по принципу “я так и знал”).

Сравнение приведенных данных с аналогичными за прошлый год позволяет сделать вывод о некотором росте оптимизма и снижении тревожности. Но основная доля оценок, как мы видим, приходится на тех, кто ничего не ждал, ничего не опасался и не заметил в стране каких-то существенных перемен ни к худшему, ни к лучшему. Можно сказать поэтому, что настроения россиян в конце 2005 года были ближе к тому, что мы называли “депривацией ожидаемого темпа изменений”. На “языке улицы” это означает примерно следующее: “У нас нет плохих новостей, но хороших тоже маловато”.

Ресурс оптимизма

Подтверждает наличие феномена “депривации ожидаемого темпа изменений” динамика ответов на вопросы: “Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?” и “А как Вы думаете-

Табл. 7. Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились? % от групп (по столбцам)

	2001	2003	2004	2005
Ничего не опасался(-лась)	24	36	30	49
Подтвердились	29	25	39	20
Не подтвердились	34	25	17	13
Затрудняюсь ответить	13	14	14	17

Табл. 8 % от групп (по столбцам)

	Население	Считают, что для России 2005 год по сравнению с 2004 годом был			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	28	38	17	17
Что хорошего Вы ожидали от 2005 года для России, и оправдались или не оправдались Ваши ожидания?					
Ничего не ожидал(-а)	39	29	43	41	46
Оправдались	16	28	11	14	10
Не оправдались	36	32	38	42	29
Затрудняюсь ответить	9	10	8	3	15
Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились?					
Ничего не опасался(-лась)	49	52	50	39	54
Подтвердились	20	12	20	40	17
Не подтвердились	13	20	12	10	9
Затрудняюсь ответить	17	16	18	12	21

У нас нет плохих новостей, но хороших тоже маловато

Всплеск ожиданий позитивных перемен в России наблюдался в конце 2000 года. Но уже на следующий год они стали заметно более скромными и остаются в течение пяти лет примерно на одном уровне

те, наступающий 2006 год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий 2005 год?»

Долю тех, кто уверен, что лично для него 2006 год будет лучше, можно считать такой же, как и в прошлом году (табл. 9). Несколько увеличилось (с 27% до 32%) число тех, кто уверен, что наступающий год для них будет таким же, а пессимистов, полагающих, что 2006 год будет хуже, стало немного меньше (было – 14%, стало – 10%). Динамика оценок, как видим, не слишком выразительна. Но если обратить внимание на соотношение доли тех, кто надеется на лучшее для себя, и доли тех, кто ожидает худшего, заметим, что это соотношение претерпело позитивные изменения по сравнению с 2004 годом, хотя и “не дотягивает” до показателя 2003-го.

Данные об ожиданиях перемен в 2006 г. показывают: как и ранее, молодые люди чаще (56%), чем россияне в среднем, считают, что 2006 год будет лично для них лучше 2005-го. Некоторый рост оптимизма по сравнению с 2004 годом заметен среди лиц с высшим образованием (41%) и жителей больших городов (43%).

О том, что следующий год будет таким же либо хуже, чаще говорят люди в возрасте от 55 лет (42% и 16% соответственно).

Динамика ожиданий, касающихся перспектив России в целом, соответствует динамике ожиданий “для себя”. Всплеск ожиданий позитивных перемен в России наблюдался в конце 2000 года. Но уже на следующий год они стали заметно более скромными и остаются в течение пяти лет примерно на одном уровне. В 2005 г. доля тех, кто ожидает лучшего для России, осталась приблизительно такой же, как и в 2004-м, но доля ожидающих худшего уменьшилась на 5 пп. Так же, как и для себя лично, для России в 2005 г. респонденты ждут перемен к лучшему существенно чаще, чем к худшему. По соотношению позитивных и негативных ожиданий 2005 год лучше предыдущего, но хуже всех других за последние пять лет (табл. 10).

Обратим внимание на то, что оптимистичных прогнозов “для себя лично” больше, чем “для страны” (36% и 30% соответственно). Это значит, что часть граждан уверены в своих силах, в том, что они смогут остаться “на плаву” или даже улучшить свою жизнь, несмотря на возможное ухудшение ситуации в стране. Большая же часть тех, кто говорит, что в стране дела пойдут хуже, одновременно прогнозируют и ухудшение личной ситуации. А те, кто рассчитывает, что для России наступаю-

Табл. 9. Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?

% от групп (по столбцам)

Наступающий год будет...	2000	2001	2002	2003	2004	2005
...лучше	46	36	38	39	37	36
...таким же	24	28	27	27	27	32
...хуже	11	7	11	6	14	10
Затрудняюсь ответить	20	29	24	28	22	22
Соотношение оценок лучше/хуже	4,1	5,1	3,5	6,5	2,6	3,6

Табл. 10. А как Вы думаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?

% от групп (по столбцам)

Наступающий год будет...	2000	2001	2002	2003	2004	2005
...лучше	47	31	33	33	27	30
...таким же	18	27	25	27	29	29
...хуже	11	10	11	5	17	12
Затрудняюсь ответить	24	31	31	35	27	29
Соотношение оценок лучше/хуже	4,3	3,1	3	6,6	1,5	2,5

Табл. 11

% от групп (по столбцам)

	Населе- ние	Считают, что для России 2006 год по сравнению с 2005 годом будет			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	30	29	12	29
Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?					
Лучше	36	73	21	13	21
Таким же	32	14	61	24	24
Хуже	10	2	7	50	6
Затрудняюсь ответить	22	11	12	13	49

щий год будет лучше, ждут того же и для себя лично (табл. 11). Те респонденты, чья жизненная ситуация, по их прогнозам, не изменится, предрекают стабильность и для страны.

Мы видим, что доминанта высказываний о себе и о стране – “я такой, как все”. В общении с интервьюером – чужим человеком (возможно, представителем каких-то влиятельных структур) – люди стараются придерживаться “общепринятых” норм. Обратим внимание: высказывания типа “в стране будет лучше, а у меня хуже” и “в стране будет хуже, а у меня – лучше” редки. Такая “социальная мимикрия” особенно очевидна в ситуации прогноза. Говорить, что год будет для меня хуже, когда всем будет хорошо или “так же” – значит накликать беду. Говорить, что в личной жизни непременно наступят какие-то хорошие события – на неблагоприятном общенациональном фоне, – значит показаться нескромным или “спугнуть удачу”*. Отвечавшие на открытый вопрос “Почему Вы думаете, что для России 2006 год будет лучше/хуже 2005 года?” чаще всего обосновывали свою точку зрения соображениями материального свойства: улучшается/ухудшается экономическая ситуация; будут повышены зарплаты и пенсии/вырастут цены и т.п. [Шмерлина И. 2005.].

Это означает, что материальные условия жизни остаются главной заботой россиян. Материалы ДФГ показывают, что повседневные заботы людей в начале наступившего года связаны с работой жилищно-коммунальных служб, очередным повышением цен на услуги ЖКХ в связи с реформами в этой сфере. Но когда речь заходит о перспективах страны, вновь возникают проблемы, актуальные и пять лет назад: 1 – безопасность; 2 – развитие экономики, главным образом высокотехнологичного, наукоемкого производства; 3 – эффективность государственного управления; 4 – развитие институтов гражданского общества. Некоторые участники фокус-групп говорили о том, что решение экономических проблем страны связано с консолидацией общества. Они сетовали на апатию, пассивность людей, которые не могут объединиться, чтобы заявить о своих претензиях властям.

1-й участник: *Сейчас Чубайс еще отключит электричество, когда мороз.*

2-й участник: *И на птицеферме выключит, вредитель.*

3-й участник: *Уже объявили, что повышение опять коммунальных услуг, транспорта, а зарплата стоит на месте. Опять начинаешь выживать. Только приспособишься чуть-чуть – планку повышают.*

4-й участник: *Самое главное – не было бы никаких терактов, таких очень сильных.*

2-й участник: *Да, это самое главное.*

* Известно, что, например, обсуждение ожидаемого рождения малыша в семье – это интимное дело, в котором не приветствуется участие посторонних. Исключение – ситуации, когда ясно, что какое-либо событие непременно завершится благополучно (например, закончится обучение в вузе).

Материальные условия жизни остаются главной заботой россиян

5-й участник: Заводы, фабрики останавливаются, практически это те специалисты, которые... уходят в эти коммерческие структуры. Поэтому я считаю, что у нас не будет клучишему идти ничего, пока не будем свою продукцию делать сами.

2-й участник: Надо создавать политическую систему.

3-й участник: И законы чтобы действовали.

5-й участник: Надо... создавать гражданское общество" (ДФГ, Москва).

"1-й участник: Я посмотрю после Нового года, когда квитанции получим.

2-й участник: Чубайс сказал, что отключит Москву, я сама слышала. А потом сказал: "Чтобы этого не было, давайте деньги".

1-й участник: "А потом, – говорит, – лампочка погаснет". Но никто ж не знает...

3-й участник: Вот я про завод скажу. Вот ЗИЛ – его уже практически нет, наверное, скоро закроют.

1-й участник: Никаких таких товаров с надписью: "Made in Russia" вы не увидите новых. Будут качать и вывозить вовсю. Страна на вывоз. Никаких новых технологий, никаких новых предприятий, ничего. Политика одна и та же.

4-й участник: Хотелось бы, чтобы были перемены. Чтобы народу все-таки открылись глаза на Жириновского, на Хакамаду, на СПС открылись глаза.

3-й участник: Жириновского давно уже большинство раскусило, Хакамаду вообще я не помню, когда видел последний раз. Мы на заводе тоже это все обсуждаем. То есть для людей это важно.

2-й участник: Можно я скажу? Вот у нас беда в том, что мы вот так только все обсуждаем.

1-й участник: А потом начинаешь такого человека спрашивать: "Ты на выборы ходил?" – он говорит: "Да что там делать?"

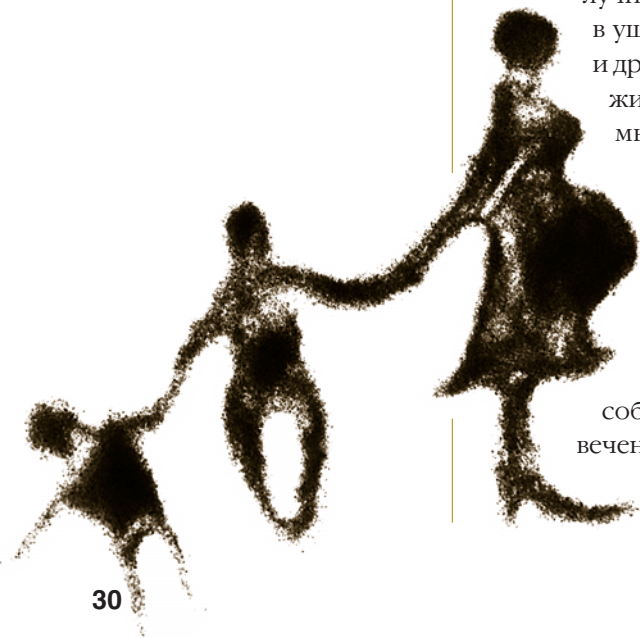
3-й участник: Что мы можем, скажите?..

2-й участник: Вот как во Франции, вышли бы на улицу. У нас почему профсоюзов нет? А у нас профсоюзов нет, кстати.

1-й участник: Сказал Высоцкий: "Настоящих буйных мало, вот и нету вожakov" (ДФГ, Самара).

Заключение

За последний год несколько вырос оптимизм и снизился уровень тревожности россиян. Но общая ситуация в стране хотя и выглядит более или менее благополучной, не воспринимается как устойчивая. Плохих событий в России в ушедшем году было немного. Но и хорошие были в дефиците. И те, и другие существенно влияют на оценки гражданами своей собственной жизни, даже если они происходят с незнакомыми людьми. Механизмы социального сравнения работают, когда люди пытаются ответить на вопрос: "Может ли нечто, что произошло с другими, произойти и со мной?" Именно на этот вопрос отвечает, если говорить о позитивном сценарии жизни, вечный сюжет о Золушке, трансформированный, например, в идею "американской мечты" и связанную с ней индустрию. В нашей стране и жизнь, и идеологемы, представляемые СМИ, предлагают обществу в большом количестве негативные сценарии, и люди вынуждены признавать, что плохие события, случившиеся с другими (обманутые покупатели жилья, изувеченные солдаты, жертвы преступников), вполне могут случиться и с ними. Пожалуй, достойно удивления, что в такой ситуации в стране вообще есть оптимисты.

Можно допустить, что поводом для некоторого осторожного оптимизма могли стать национальные проекты, объявленные под конец 2005 года. Они лишь вскользь упоминаются на фокус-группах, и потому не стали для нас объектом отдельного анализа. Люди еще не увидели их практической реализации, они остались “на обочине” оценок прошлого года и прогнозов на будущее.

В последние годы, если судить по ответам на открытые вопросы и материалам фокус-групп, не произошло заметных изменений в стандартах качества жизни, которые влияют на оценки и прогнозы. Эти стандарты предполагают отдельное жилье, возможность получать своевременное лечение и давать образование детям, ежегодный отдых. Немаловажно, что в стандарт “хорошей жизни” входит соответствующая специальности и квалификации человека работа, которая все это обеспечивает. Наши исследования, посвященные “среднему классу”, “работающим бедным” и “челнокам”^{*}, показывают, что жизненные сценарии, предполагающие материальное благополучие ценой потери квалификации и отказа от профессии, как правило, не считаются удачными. И данные массовых опросов, и материалы фокус-групп свидетельствуют, что сохраняется, хотя и в менее острой форме, чем в предыдущие годы, проблема низкой востребованности квалифицированного труда. Труд, соответствующий квалификации, и достойная его оплата связываются в размышлениях респондентов с развитием высокотехнологичного производства, отказом от преимущественно сырьевой ориентации экономики.

Оценки личной жизни и жизни страны учитывают не только вектор, но и темпы изменений. Если говорить о материальных условиях жизни, то индикаторами темпов изменений могут быть принципиальная возможность покупки какого-то имущества (квартиры, машины) и количество времени, необходимого для зарабатывания соответствующих средств. Наглядными показателями темпов перемен в жизни страны застойных времен были “объекты долгостроя” – поросшие деревьями бетонные колоссы, начатые и брошенные теми, кто “осваивал” государственные деньги. Для последнего времени индикаторами темпов и вектора перемен могли бы быть “великие стройки капитализма” (например, порт в Усть-Луге).

Нематериальные условия жизни предусматривают – для высокоресурсных групп населения – возможность влиять на события собственной жизни и жизни страны. Участники фокус-групп сетовали на низкую социальную активность людей. Но, если судить по снижению электоральной активности населения в последние годы, все больше россиян сомневаются в том, что у них есть возможность влиять на судьбу своей страны. ■

Литература

- Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994–2001). // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.
- Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. // Социологический журнал. 1996. № 3–4.
- Россия в цифрах. Официальное издание Росстата. М., 2005.
- Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. М.: ИИЦ “Статистика России”, 2003.
- Шмерлина И. Предновогодние прогнозы – вчерашние и сегодняшние. // Доминанты. Поле мнений. 2005. № 51.

^{*} Климова С. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 7. Климова С. Работающие бедные в России: кто они и где ищут выход // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 19–21. Климова С. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // Социальная реальность. 2006. № 2. С. 26–41.

За последний год несколько вырос оптимизм и снизился уровень тревожности россиян. Но общая ситуация в стране хотя и выглядит более или менее благополучной, не воспринимается как устойчивая

Предупреждение

В конце октября 2005 года состоялось заседание Совета по науке и образованию при президенте РФ. В ходе подготовки к нему собирались рабочие группы, проходили обсуждения, многочисленные эксперты представили свои материалы. Мне довелось поучаствовать в нескольких такого рода дискуссиях, и самое сильное впечатление произвел на меня тот факт, что спектр затрагивавшихся вопросов был чрезмерно широк. Это понятно: за что ни возьмешься – море проблем и трудностей, но, как мне показалось, среди множества важных проблем должна быть выделена одна самая-самая важная – проблема-маяк, проблема высшего приоритета. Свои соображения на этот счет я изложил в экспертной записке, предложив в качестве таковой проблему школы и школьного учителя. Я полагаю (и полагаю), что именно она – ключевая во всех смыслах: в содержательном, социальном, политическом, символическом и т. д. Так как эксперт – лицо не слишком ответственное, он может позволить себе не только высказывать дискуссионные и спорные соображения, но и публиковать их, если надеется, что они окажутся полезными в будущем.

А. Ослон

экспертная записка

“Хорошая школа” – ключевая социальная проблема

Школа – главная стратегическая проблема

Формирование личности происходит именно в школьные годы, то есть в возрасте от 7 до 17 лет.

Это период приобщения ребенка к общепринятым в культуре знаниям, и все, что усвоено в этот период, на всю последующую жизнь определяет “картину мира”, становится ее основой.

Дальнейшее постижение мира, усвоение знаний, приобщение к социуму и т. д. – все это конструкции, возводимые на заложенном школой фундаменте.

В школьном базисе содержится основной свод рецептурного знания, к которому человек обращается всю свою жизнь, добавляя к нему приобретаемый опыт, но, по большому счету, не подвергая ревизии сам базис.

В школьные годы формируются все виды здоровья – умственное, духовное, нравственное, житейское, физическое и т. д. – как следствие полученных представлений о тех “мирах”, в которых взрослому человеку предстоит жить в дальнейшем, в том числе мирах знаний, идей, устремлений, общественного устройства, законов и правил, межличностных коммуникаций, психологических стрессов, физических нагрузок и т. д., и т. п.

Все беды, происходящие от дикости, ригидности, некомпетентности, непригодности к жизни множества наших соотечественников, своими корнями

уходят в школу, где их не приобщили к цивилизации, не приучили к мышлению, не дали знаний, не научили жить в этом мире в согласии с другими и с собой.

Все последующие жизненные (социальный опыт) и трудовые (профессиональный опыт) надстройки становятся фиктивными, если они выстраиваются над шатким школьным фундаментом. Школа должна прививать основные навыки, помогающие в дальнейшем жить и работать. Если человек не приспособлен к жизни и не умеет работать – значит у него была плохая школа.

Школьное образование получают ВСЕ. Следовательно, проблема ХОРОШЕЙ ШКОЛЫ – тотальна.

Школьное образование определяет ВСЮ последующую жизнь. Следовательно, проблема ХОРОШЕЙ ШКОЛЫ – наиважнейшая, и именно она должна быть поставлена во главу угла.

Что такое “хорошая школа”?

Этот вопрос – “Что такое “хорошая школа”?” – был задан в ходе одного из опросов населения*. Респондентам было предложено самим дать два-три определения. 78% участников опроса высказали свои суждения, и вот как эти суждения сгруппировались (сумма превышает 100%, так как каждый респондент мог дать несколько ответов).

	% от числа опрошенных
Группа 1. “Знания” (школа как институт передачи знаний)	
Хорошие, квалифицированные учителя	34
Хорошее образование, крепкие знания	19
Специальные знания, подготовка к вузу	3
Всего	57
Группа 2. “Социальный опыт” (школа как институт формирования личности)	
Внимательное отношение к детям	12
Дисциплина и порядок в школе	7
Хорошая воспитательная работа	5
Формирование интереса к учебе	4
Организация досуга и развития школьников	4
Хорошие отношения между учителями и учениками	3
Хорошая организация учебного процесса	3
Хорошая психологическая обстановка в школе	3
Всего	41
Группа 3. “Школьная повседневность” (школа как инфраструктура)	
Материально-техническая оснащенность	14
Благоустроенность, чистота помещений	6
Минимум денежных затрат родителей	5
Хорошее питание школьников	4
Достойная зарплата учителей	2
Всего	31

* Общероссийский опрос населения 23–24 августа 2004 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Вспомните, пожалуйста, Ваши школьные годы: был ли у Вас учитель, который повлиял на Ваши взгляды, убеждения, которого Вы могли бы назвать "учителем жизни", или такого учителя не было?

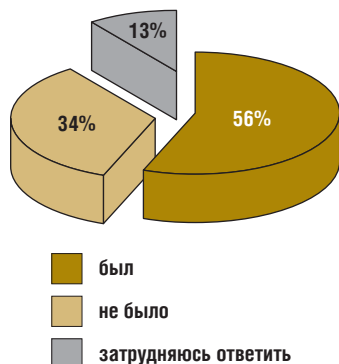

Рис. 1

Как Вы считаете, а в принципе учителя должны или не должны, помимо преподавания предмета, еще и формировать у детей взгляды на жизнь?

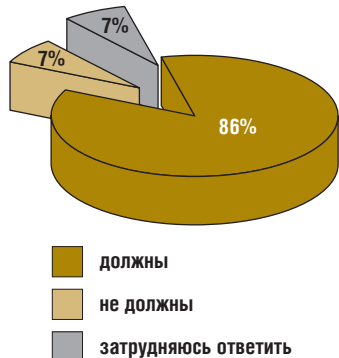

Рис. 2

Как Вы думаете, сейчас профессия школьного учителя привлекательна или непривлекательна?

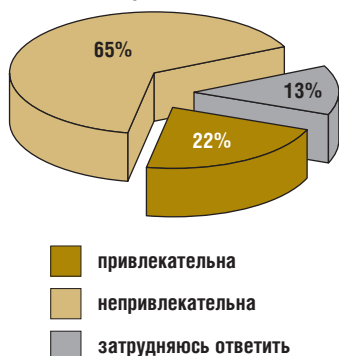

Рис. 3

Как видим, люди продемонстрировали здравомыслие: школа в первую очередь должна давать своим питомцам знания, но этим ее функции не исчерпываются.

Вторая по объему группа высказываний указывает на то, что функцией школы является не только "внедрение" обязательных знаний, но и передача житейского опыта. Причем не только дидактическим способом, но и на примере реальных межличностных отношений (в том числе – на примере отношения к детям в школе), которые снабдили бы школьников социально-психологическими образцами, пригодными к применению в будущей взрослой жизни.

Третья группа представлений о "хорошей школе" связана с устройством школьной повседневности. Люди понимают, что сама школа является уроком (и, может быть, самым главным), объясняющим детям, как устроена жизнь. Действительно, как могут ученики грязной, бедной школы, в которой их обучают в условиях беспорядка озлобленные и нервные учителя, после окончания школы строить другой мир – чистый, удобный, упорядоченный, доброжелательный? Скорее всего, они будут воспроизводить то, что видели в школе.

Школьный учитель формирует будущее страны

Престиж профессии учителя

Фигура учителя является в школе центральной не только потому, что он, собственно, учит, но и потому, что он оказывает значительное влияние на формирование личности ученика. Два вопроса, заданные в ходе общероссийского опроса 1–2 октября 2005 года, наглядно иллюстрируют этот тезис (рис. 1, 2).

Однако в современном российском обществе, судя по данным того же опроса, профессия учителя имеет низкий престиж (рис. 3).

Явное противоречие между мнениями об "идеальной роли" учителя и реальным престижем профессии объясняется социальными факторами.

Во-первых, стало стереотипным представление о "бюджетниках", то есть об учителях и врачах, как о социальных аутсайдерах, обделенных вниманием государства, лишенных возможности зарабатывать, из-за стесненности в средствах постоянно находящихся в состоянии стресса.

Во-вторых, в 90-е годы учителя оказались вместе со всем населением в совершенно новых обстоятельствах и должны были искать способы адаптации к ним. Сложилось так, что в этих условиях они потеряли авторитет, в советские времена позволявший "учить жизни" как учеников, так и их родителей. Очевидная неадаптированность большей части учителей к новым условиям привела к тому, что в обществе закрепилось представление: "как они могут научить жить хорошо, если сами живут плохо".

В-третьих, в обстоятельствах социальных потрясений всегда возникает запрос на силу, энергию, уверенность. Если бы такого рода импульсы исходили от учительского корпуса... Но его социально-демографический состав (подавляющая часть – женщины, в основном среднего и старшего возраста) таков, что об этом не может быть и речи.

Материальное положение учителей

Опросы показывают, что среди населения довольно широко распространено мнение об учителях как о депривированной социальной группе (рис. 4).

Так как материальное положение учителей – чрезвычайно острая проблема, то доминирует мнение, что повышение зарплаты резко изменит социальный статус учителя и эта профессия снова станет привлекательной (рис. 5, 6).

Можно согласиться с тем, что фактор материального положения учителей сейчас является наиболее значимым, и без серьезных подвижек в этом направлении никакие иные вопросы решать невозможно.

Но, вместе с тем, с точки зрения будущего страны гораздо важнее, кто и чему учит наших детей, насколько авторитетны учителя и в какой мере они могут помочь своим ученикам подготовиться к полноценной взрослой жизни.

Материальные проблемы учителей затмевают все, и в силу этого поставленные здесь вопросы как бы не относятся к первоочередным. Но стратегически они гораздо более важны, и их значительно сложнее разрешить. Они станут актуальными после того как материальное положение учителей улучшится, но готовиться к их решению надо заранее, так как на это потребуется много времени и сил.

Стратегическая задача – радикальное обновление состава и качества учительского корпуса

Система обновления учительских знаний. Социальная динамика приводит к тому, что знания устаревают. Это касается как специальных умений (профессиональная компетентность), так и социальных знаний (житейская компетентность).

Повышение квалификации учителей должно рассматриваться как ключевая проблема. Осознание ее важности должно пронизывать весь учительский корпус, будоражить его, стимулировать спрос на новые профессиональные и мировоззренческие знания.

Система повышения квалификации нуждается в реформировании и повышении статуса. В этой системе должны работать специалисты и методисты высшего класса, она должна включать подсистему подготовки такого рода специалистов – это *учителя учителей*.

Особое значение имеет подсистема подготовки директоров школ, которые в новых условиях должны быть современными, эффективными менеджерами.

Базовое образование молодых учителей. Чтобы состав учительского корпуса действительно обновился, чтобы в школе стало существенно больше светлых голов, энтузиастов, чтобы в учителя шли мужчины, необходимо разработать комплекс мер как экономического, так и политического характера.

К экономическим относятся *условия функционирования вузов, выпускающих учителей*, профессиональный состав их преподавателей, оснащение и т. д.

К политическим – *система обязательств и льгот для выпускников-учителей*. Например, льготы по службе в армии с одновременной обязательной отработкой скольких-то лет в школе (так в орбите школьного образования окажется больше мужчин).

Жизненные перспективы учителей. Нужны механизмы создания жизненных перспектив для учителей – как в плане материальном, так и в плане социального признания.

Для этого *оплата труда* должна включать существенные надбавки за профессиональные успехи, ученые степени, награды, почетные звания, публикации, творческие инновации и т. д.

Наряду с государственными органами в оценке работы учителей должно участвовать *учительское сообщество*. Необходимы учительские советы (союзы), объединяющие наиболее компетентных и опытных учителей. Они должны, во-первых, следить за общим уровнем квалификации учительского корпуса и, во-вторых, участвовать в выявлении и поощрении лучших учителей.

Повышение социального статуса учителей. Нужна *специальная программа*, включающая социокультурные, масс-медийные и политические меры поддержки процессов повышения авторитета, престижа учителя.

Как Вам кажется, учителя в целом живут лучше большинства россиян, хуже или так же, как большинство россиян?

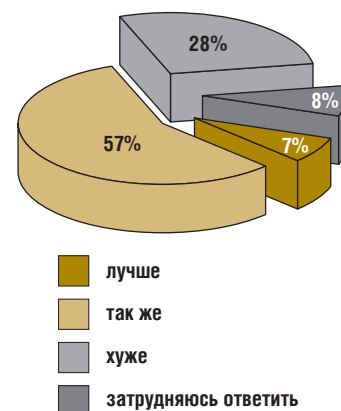

Рис. 4

По Вашему мнению, какой сегодня должна быть зарплата учителя?

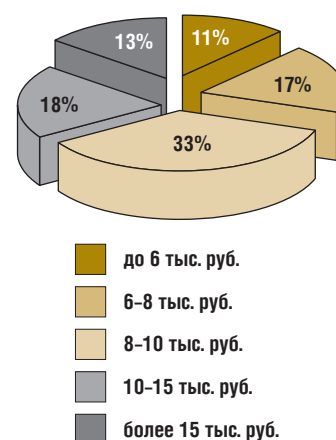

Рис. 5

Как Вы думаете, после повышения зарплаты работа учителя станет или не станет более привлекательной?

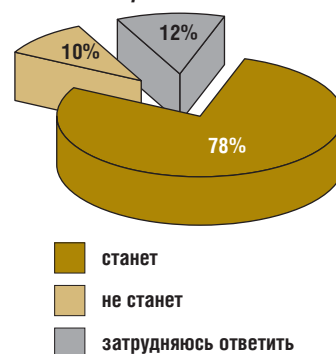

Рис. 6

Школа задает образцы социального опыта

Социальный аспект школьного образования

Когда говорят, что задача школы – дать ученикам необходимый минимум знаний, то обычно имеют в виду процесс “перекачки” знаний из учебников в “головы” школьников при помощи и под контролем учителя. Это, однако, не единственная и, возможно, не главная педагогическая функция школы.

В школьные годы происходит “перекачка” в “головы” учеников еще и житейского опыта. В этом процессе участвуют буквально все обитатели школы – от директора до уборщицы, от старшеклассников до первоклашек. Во всех школьных ситуациях все (включая взрослых) друг друга учат, то есть передают, получают, модифицируют и снова передают типовой опыт мышления и поведения в этих ситуациях.

Кроме того, “закачка” опыта происходит и “сама по себе”, когда школьники впитывают социальное устройство школьного мира, где, чтобы “выжить”, надо освоить множество ролей в незримых структурах доминирования/подчинения, сотрудничества/соперничества, лидерства/аутсайдерства, надо научиться применять множество повседневных коммуникативных тактик – искренности/лицемерия, доверия/недоверия, силы/слабости, дружбы/вражды, усвоить правила, определяющие нормальное/девиантное поведение, научиться распознавать, адекватно оценивать типовые ситуации и выбирать для них оптимальные поведенческие стратегии.

Социальное образование, получаемое детьми в школе, в семье, во дворе, “из телевизора”, всегда сопровождается формированием представлений о внешнем – внешкольном – мире. Все это впитывается и запечатлевается, так как данный отрезок жизни рассматривается как своего рода репетиция будущей жизни в других социальных структурах, куда каждый школьник попадет на следующих этапах своей биографии. Осваивая свой первый в жизни – школьный – мир, ребенок приобретает опыт, используя который в будущей жизни, он будет осваивать иные социальные миры.

Указанные моменты имеют решающее значение для родителей, когда они говорят о “хорошей” и “плохой” школе. Дело не в том, воспитывают или не воспитывают учителя детей в данной школе, – речь скорее идет о “духе” школы, которым заражаются школьники, так как в дальнейшем они всю жизнь так или иначе будут этот дух воспроизводить.

Этот – социальный – аспект школьного образования обычно упускается теми, кто управляет отраслью образования, занимается ее развитием. Причины понятны: гуманитарные соображения о социализирующей роли школы невозможно перевести на язык финансового планирования и адресных поручений с надлежащим контролем их исполнения.

Тем не менее необходимо поднимать эти вопросы на политическом уровне – хотя бы для того, чтобы общество осознавало: они актуальны для властных структур. Уже это – *фокусировка внимания на социальных аспектах школьного образования* – даст положительный эффект.

В школе должны быть предметы по социальным умениям жить

Социальный аспект школьного образования можно и нужно рассматривать как задачу, решаемую посредством ряда вполне конкретных мер: необходима *разработка методик, предметных планов, учебников, а также специальная подготовка учителей-предметников* по этому направлению. Такого рода программа поможет, кроме решения образовательных задач, также социальной адаптации учителей и “гармонизации школьного духа”.

Есть два основных фактора, определяющих нынешнее состояние социального аспекта образования в школе. Во-первых, объективный фактор – учителя ощущают себя социально обездоленными, они нервные, желчные, скептически настроенные. Во-вторых, субъективный фактор – отсутствие в учительских головах ясной “картины мира”, подлежащей передаче в “головы” учеников. И то, и другое – правда. С первым фактором ясно – с ним можно справиться через хозяйственный подъем отрасли образования. Со вторым фактором сложнее.

Часто высказывается мнение, что “сумбур в головах” проистекает из отсутствия жестких идеологических и мировоззренческих конструкций, таких, какие существовали в советские времена. Действительно, идеология тогда была тотальной, и она скрепляла советское общество подобно тому, как панцирь краба обеспечивает целостность и автономность организма.

Вообще, панцирь выполняет ту же роль, что и позвоночник у животных. Но если панцирь охватывает организм снаружи и подвержен внешним воздействиям, то позвоночник, как стержень, “нанизывает” на себя организм, обеспечивает его скрепление, но и защищен этим организмом.

“Панцирь” советской идеологии, как и любой панцирь, был отвердевшим и неадаптивным, не выдержал “внешних нагрузок” и развалился. Социальное тело, ранее скрепленное панцирем идеологии, распалось, а советская общность превратилась в множество отдельных – атомизированных – людей, находящихся в основном в состоянии растерянности.

Иное дело – новое поколение, вступившее в жизнь в последние 15 лет. У его представителей изначально не было “панциря”, и они (часть из них) волей-неволей стали развивать свой “позвоночник”. Иными словами, их адаптационная способность объясняется переносом “центра контроля биографии” из внешней среды во внутреннюю. Их отличает готовность и способность управлять жизненными ситуациями, в отличие от советских людей, которыми в значительной мере управляли государственные и идеологические инстанции.

Людям, сформировавшимся в советское время, внешняя скрепляющая идеологическая и управляющая конструкция очень нужна, и их практически невозможно в этом отношении переделать (в том числе, кстати, и учителей старшего возраста). Но сегодняшних школьников надо обучать жизни не с “панцирем”, а с “позвоночником”.

Отсюда вывод: *школа должна учить навыкам адаптации*, умению сохранять душевное равновесие, она должна давать знания о самостоятельном управлении жизненными ситуациями, обеспечивать лабораторный опыт собственного проектирования биографии, чтобы во взрослой жизни бывшие школьники не останавливались в недоумении перед препятствиями, а сами находили пути их преодоления, не ожидая рецептов извне.

Школьников надо обучать “выживанию” – но не в экстремальных физических обстоятельствах, а в тех неизвестных сейчас социальных условиях, в которых они окажутся.

Значимость школьной повседневности

Школьная повседневность как фактор образования

Общепотребительная лексика зачастую задает жесткие стереотипы мышления, прокладывает своего рода рельсы, определяющие сцепление умозаключений.

Именно так происходит с понятием “школа”, которое сцеплено с понятием “школьное образование”, далее следуют “школьные знания”, “обучение”, “урок”, “учитель” и т. д.

Где-то рядом находятся обычно ассоциирующиеся с “обучением” понятия “воспитание”, “личностное развитие” и т. д.

*Школа должна учить
навыкам адаптации,
чтобы во взрослой
жизни бывшие
школьники
не останавливались
в недоумении перед
препятствиями, а сами
находили пути
их преодоления,
не ожидая рецептов
извне*

При несовпадении
“урока учителя”
и “урока реальности”
школьник попадает
в ситуацию
когнитивного
диссонанса, он должен
его преодолеть
и восстановить
целостное понимание

Но при таком привычном ходе мысли в стороне остается материальный аспект, то есть “здание школы”, “классные комнаты”, “коридоры”, “туалеты” и т. д. Все это как бы относится к хозяйству и не связывается с понятием “школьное образование”.

Особенность взрослого мышления в том, что оно способно разделить целостность на аспекты и, рассуждая об одном из них, абстрагироваться от других. Но школа существует не для взрослых, а для детей. Детское восприятие – всегда целостное, синкретичное. Дети не могут, например, отделить урок, на котором учитель говорит правильные слова о чистоте и гигиене, от той пыли и грязи, с которой они сталкиваются в школьной реальности.

При несовпадении “урока учителя” и “урока реальности” школьник попадает в ситуацию когнитивного диссонанса, недоумения, нестерпимого разрыва, ему требуется этот разрыв преодолеть и восстановить целостное понимание. Результат этого процесса – вывод об иллюзорности “урока учителя” по сравнению с “уроком реальности”, особенно если это происходит в обстановке убогой и запущенной школьной инфраструктуры.

Таким образом, устройство школьной повседневности оказывается важнейшим фактором образования – не менее значимым, чем содержание учебников, квалификация учителей и оснащенность школьных классов и лабораторий.

Этот фактор является решающим для приобщения школьников к материальной культуре, по отношению к которой они могут вырастать либо в “цивилизованных людей”, либо в “варваров”.

Правильнее говорить не о “реформе школьного образования”, а о создании и реализации “новой модели школы”, имея при этом в виду все разновидности преподаваемых школой уроков:

- и получение знаний (умозрительные, интеллектуальные уроки);
- и приобретение житейского опыта (уроки взаимоотношений между людьми и образцы отношения к людям);
- и усвоение навыков обустройства повседневной жизни (воочию наблюдаемые уроки устройства школьной инфраструктуры).

Социальное спонсорство – путь к материальной поддержке школьной инфраструктуры

К наиболее значимым элементам школьной повседневности следует отнести следующие.

Условия физической и эстетической комфортности – конструктивные решения школьного здания, помещений, построек, участка, дизайн основных и вспомогательных помещений, мебели, оборудования, оснащения и т. д.

Техническое оснащение процесса обучения – лабораторное, компьютерное, учебно-методическое, офисное и прочее оборудование.

Условия питания – оборудование, дизайн школьных столовых, организация приема пищи, ее состав и качество, доступность и возможность выбора.

Условия физического развития – физкультурно-оздоровительные и спортивные помещения, оборудование, организация и доступность занятий.

Условия медицинского обслуживания – оснащение и качество мониторинга здоровья и экстренной помощи, регулярность осмотров, проверок, тестирования, квалифицированный персонал. И прочее.

Все указанные элементы инфраструктуры (список заведомо неполный) требуют значительных вложений. Следовательно, в разговоре на эту тему на первый план выступает необходимость изыскать финансовые ресурсы.

Государство ни сейчас, ни в обозримом будущем не сможет взять на себя полноценное материальное, финансовое обеспечение школьной повседневности.

Опыт советской эпохи показывает, что государство может декларировать благие намерения по отношению ко всей школьной системе, но в лучшем случае оно способно содержать только небольшую часть “элитных” школ.

В условиях рыночной экономики можно и нужно искать иные пути мобилизации ресурсов для создания современной школьной инфраструктуры, прежде всего – стимулируя социальную ответственность бизнеса.

Как учит Адам Смит, эгоцентризм человека, и особенно бизнесмена, преодолеть нельзя. Тем не менее разумный социальный порядок возможен, если законы и правила общества таковы, что жадность и себялюбие экономических субъектов частично (!) направлены на общее благо. Это означает, что если бизнесмена поставить в условия, когда ему делать что-то общественно-полезное ВЫГОДНЕЕ, чем не делать, то он с удовольствием (или без удовольствия) будет это делать.

Опыт западных стран показывает, как легко можно изымать деньги из бизнеса на социальные действия, если правильно, сочетая “кнут” и “пряник”, организовать материальное (выгода) и моральное (почет) оправдание этого изъятия.

В силу того что совершенствование школьного образования, то есть реализация модели “хорошей школы”, имеет для будущего страны абсолютный приоритет, следует придать этому направлению характер НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА. Это означает, что могут быть объявлены особые экономические условия для принудительного спонсирования развития школьной инфраструктуры.

На поверхности лежит идея требования к бизнес-предприятиям, “богатство” которых выше какого-то уровня, заключать договоры на финансирование школьной инфраструктуры.

При этом затраты по таким договорам могут исключаться из налогооблагаемой базы и относиться к разделу “социальных расходов”, которые, в отличие от “накладных расходов”, направлены не на собственные офис и персонал, а на “школьный офис”, в котором подрастает будущий “персонал” страны.

Речь идет не только о рационально организованном спонсировании школ, но и о придании связям “предприятие – школа” давно забытого характера шефских отношений. Такие связи нужны не только для ресурсной поддержки, но и для расширения контактов школ (как учеников, так и учителей) с внешним реальным миром.

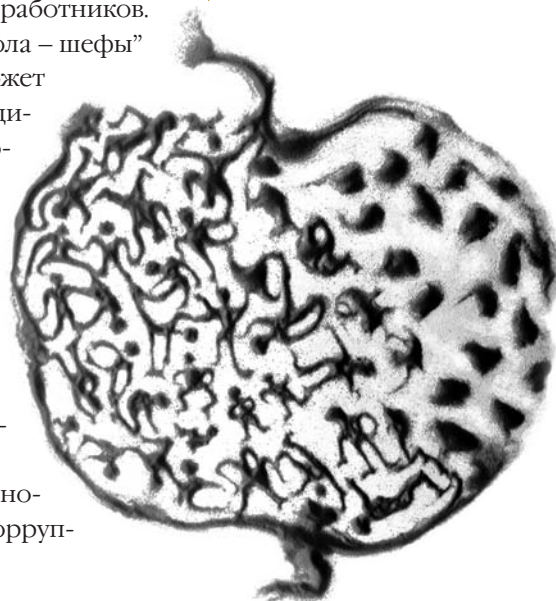
Предприятия-шефы могут не только помогать подшефным школам, но и способствовать их профилированию по своим направлениям, поддерживать проекты типа “Алло! Мы ищем таланты!”, способствовать дальнейшему образованию наиболее способных школьников и рассматривать их как своих будущих работников.

К процессам установления и поддержки взаимосвязей типа “школа – шефы” должны привлекаться общественные организации (это для них может оказаться по-своему выгодно при должной организации информационного освещения в масс-медиа). Так, например, к такой работе могут быть подключены РСПП, “Опора”, “Деловая Россия”.

Ясно, что импульс к созданию условий для социального спонсорства школьной инфраструктуры может быть задан только с самого верхнего властного уровня. Речь идет о значимом политическом решении.

Представляется абсолютно необходимым законодательное оформление механизмов взаимодействия реальной экономики и школы, так как проект такого рода имеет смысл не как кратковременная кампания, а как очень серьезное дело на много лет.

Следует отметить, что предлагаемый механизм, как и любой экономический механизм, создает условия для коррупции, хотя его “коррупционная емкость” не слишком велика.

Здесь, кстати, возникает некоторое психологически важное обстоятельство. Дело в том, что учителя-хозяйственники чувствуют себя социально обделенными еще и потому, что через них не идут сколько-нибудь заметные финансовые потоки. Эта часть социального недовольства обусловлена обидой на несправедливое устройство жизни: "им можно – а нам?" В этом – одна из причин, почему в школьной системе не осталось энергичных людей с предпринимательской жилкой, которая в современной России, к сожалению, тесно связана с возможностью махинаций.

Образование – ценность, школа – аутсайдер

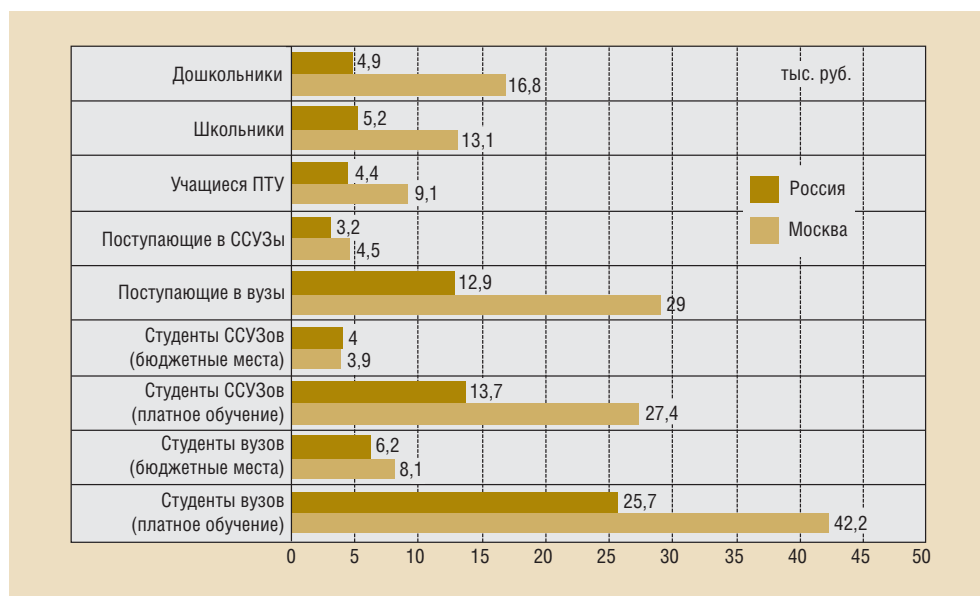
Хорошо известно, насколько выросла значимость образования в современной России, – об этом говорят хотя бы конкурсы в вузы. Но следует еще раз отметить, что образование превратилось в ЦЕННОСТЬ, исходя из которой большая часть населения выстраивает свои жизненные стратегии. Это связано в первую очередь с широко распространенным представлением о том, что хорошее образование – главный залог жизненного успеха, социальной мобильности, будущей конкурентоспособности на рынке труда.

Это вызов времени, но школа пока ему не отвечает.

Судя по полученным нами данным, три четверти наших сограждан (74%) полагают, что сегодня важно иметь высшее образование, причем в возрастной группе до 35 лет эта доля еще выше – 80%*.

С суждением "сегодня для молодежи важнее прежде всего получить образование" согласны 63% россиян, в то время как 24% полагают, что "для молодежи важнее как можно раньше начать работать и зарабатывать деньги".

Почти в половине (45%) семей, имеющих детей школьного возраста, родители выражают готовность пойти на значительные денежные траты ради того, чтобы дать детям высшее образование. И это не просто слова – по данным специальных исследований ФОМа и ГУ–ВШЭ, в 2003–2004 учебном году суммарные затраты семей на образование составили 326 млрд. руб. Впечатляют также и удельные затраты на образование в семьях, имеющих ребенка в возрасте от 4 до 22 лет (включая теневые расходы):

* Мониторинг экономики образования (МЭО) проведен совместно с Высшей школой экономики. Общероссийский опрос 9000 домохозяйств проводился в сентябре 2003 года.

В этих условиях школа, по мнению россиян, не соответствует современным требованиям: считают, что сегодня качество школьного образования хуже, чем в советское время, 46% опрошенных, что оно лучше – 19%, что такое же – 15%.

Это не ностальгия – это сопоставительная оценка настоящего и недавнего прошлого, когда школа значительно эффективнее играла свою (пусть во многом иную) социальную роль.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Карл Маркс и россияне

Еще полтора десятилетия назад вопрос “Вы знаете, слышали или слышите сейчас впервые имя «Карл Маркс»?” мог показаться бессмысленным. Сейчас он таким уже не выглядит. Каковы же представления россиян о Марксе и марксизме в наши дни, когда давление идеологии и общего социалистического контекста осталось в прошлом?

Согласно данным опроса, проведенного примерно год назад, имя Карла Маркса хорошо знакомо пусть не подавляющему, но все-таки большинству современных россиян: 57% определенно знают, кто этот человек. Примерно треть – 35% – сказали, что им “приходилось слышать” это имя, и только 6% впервые услышали его от интервьюера. Ответы людей на открытый вопрос о том, кто такой Карл Маркс, позволяют говорить о нескольких тематических областях, из которых черпаются объяснительные схемы и интерпретации. Во-первых, это ассоциации с наукой и научной деятельностью – представление о Марксе как об ученом (философе, экономисте), теоретике, авторе книг, трактатов и т. д. Такой мотив встречается в высказываниях примерно 32% респондентов. Во-вторых, это представления о политической деятельности Маркса и, безусловно, о его роли в создании политической идеологии, маркированной его именем (этот мотив проявился в суждениях 26–28% опрошенных). В-третьих, распространенными оказываются ассоциации с революцией и революционным движением (11%). И еще одна, четвертая, область ассоциативных связей – имена других исторических фигур: В. Ленин, И. Сталин и, разумеется, Ф. Энгельс (в сумме 8% опрошен-

ных объясняли, кто такой Маркс, соединяя его имя с именем кого-либо из этих исторических деятелей).

Респондентов спросили, кем прежде всего представляется им Маркс: ученым или политиком, революционером. Первую позицию заняли 25% опрошенных, вторую – 52%. Как показывают данные опроса, эти различия в суждениях определяются в значительной мере тем, приходилось ли человеку читать какие-либо работы Маркса. Так, мнения тех, у кого подобный опыт есть (а таковых 26%), разделились почти поровну: 43% считают его прежде всего ученым, 49% – политическим деятелем. А вот те, кто не читал никаких сочинений Маркса (64%), редко характеризуют его как ученого (21%) и втрое чаще называют политиком и революционером (60%).

По признанию почти половины опрошенных россиян (46%), им не вполне понятно, что такое марксизм и в чем состоят его ключевые идеи. Примерно треть респондентов (35%) утверждают, что суть марксизма им более или менее ясна. Чаще других этот вариант

ответа выбирали не только люди старшего и среднего возрастов (41% и 42% соответственно), но и респонденты с высшим или средним специальным образованием (66% и 42%). А вот среди молодых людей – в возрасте до 35 лет, а также среди россиян со средним и с неполным средним образованием заметно больше тех, кто признавался в отсутствии у них отчетливых представлений о марксизме (56%, 53%, 58% соответственно).

В связи с этим вполне объяснимы выглядят ответы респондентов на вопрос об их отношении к марксизму: 58% заявили о безразличии к нему, 19% – о своей положительной и 7% – об отрицательной оценке этой идеологии и политической теории.

* Общероссийский опрос населения 23–24 апреля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Иван Климов

*“И чужие священные камни,
кроме нас, не оплатят никто”.*

Юрий Кузнецов

В конце октября–ноябре 2005 г. Франция пережила бурные социальные потрясения. Насильственные акции прокатились по всей стране. Очаги беспорядков были зафиксированы в Дании, Бельгии, Германии. У экспертов есть основания считать эти события общеевропейскими по характеру и полагать, что прекращение поджогов и погромов не привело к наступлению социального мира в Европе. Глубинные причины осенних беспорядков остались, а значит – осталась потенциальная вероятность новых потрясений.

Исследование, предметом которого были особенности восприятия событий во Франции российскими гражданами, проводилось в самый их разгар (фокус-группы – 8 ноября*, массовый опрос** – 12–13 ноября 2005 года), когда у экспертов и политиков не было ясных представлений ни о причинах и сути происходящего, ни, тем более, о дальнейшем ходе и последствиях волнений.

И. Шмерлина

Осенние беспорядки во Франции: российский фокус восприятия

Большинство россиян (84%) на момент опроса были в той или иной мере осведомлены о событиях во Франции.

Материалы фокус-групп показали, что россияне знают о поджогах и погромах во Франции, но относятся к этому отстраненно, без особого интереса.

“Послушала, как говорится, приняла к сведению, что там творится, но не так, чтобы душа болела, переживала. В основном переживаю за Россию, что у нас творится” (ДФГ, Воронеж).

“Нет, я так видел вчера по телевизору: чего-то там подожгли, там чего-то взорвали, но мне это как-то параллельно... Главное, чтобы у меня во дворе ничего не горело... Чего мне за Францию переживать?” (ДФГ, Москва).

Складывается впечатление, что сегодня россиянам несвойственны искренняя заинтересованность и личное сопереживание проблемам и потрясениям внешнего мира, сопоставимые, например, с реакцией советского общества на чилийские события 1973 года. Восприятие любой внешней информации определяется степенью ее близости к житейской реальности: волнует лишь то, что имеет непосред-

* Дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

** Общероссийский опрос населения 12–13 ноября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

ственную связь с проблемами повседневной жизни.

Анализ материалов ДФГ показывает, как быстро разговор о тех или иных событиях внешнего мира “сворачивает” к обсуждению чисто российских сюжетов, имеющих отдаленное отношение (или вообще не имеющих отношения) к заявленной теме беседы. Показательны в этом смысле материалы фокус-групп, посвященных обсуждению такой общечеловеческой и, казалось бы, волнующей темы, как катастрофы, аварии и всевозможные природные бедствия (август 2002 года). Эти материалы дают почти гротескную иллюстрацию специфической сфокусированности сознания людей, которые зачастую воспринимают глобальные катаклизмы, наводнения, пожары, крушения самолетов, угрозу ядерной войны и прочие беды всего лишь как повод вспомнить о проблемах повседневной жизни*.

“Я глобально сказать ничего не могу. Но вообще, конечно, жизнь очень страшная стала у нас. Выйти невозможно совершенно. Куда бы ни пошел, сказать лишнее слово боишься. Рядом у нас школы две, и что они творят, это я даже не знаю! Колотся прямо в открытую!” (ДФГ, Новосибирск).

“Все страшно, нет ничего у нас хорошего абсолютно... Я слышал местные новости, что наши энергетики собираются повысить на 15–20% электроэнергию. Это сразу рост цен – а куда еще? А зарплата на той же планке. Везде страшно. И система здравоохранения – что хорошего? Ничего хорошего. При такой зарплате операцию сделать – 20 тысяч” (ДФГ, Новосибирск).

Обсуждение французских событий на фокус-группах также с самого начала превращалось в разговор о российских проблемах, и модератору приходилось прилагать усилия, чтобы направить его в нужное русло.

Модератор: *...Что происходит во Франции?*

1-й участник: *Очередная революция...*

2-й участник: *Да какая там революция? Голодный бунт...*

Модератор: *Какие еще варианты?*

2-й участник: *У нас гастарбайтеры понаехали, цены перебили. Наши в итоге сидят без работы, потому что не берут.*

Модератор: *Подождите, мы говорим про Францию, не про наших.*

2-й участник: *И во Франции то же самое. Там они согласны работать за меньшую сумму, им ее хватает. Французу среднему этой суммы не хватает. Отсюда, в общем-то, и весь конфликт”* (ДФГ, Москва).

Откровенное, отчасти даже демонстративное безразличие к социальным катаклизмам, происходящим в одной из наиболее близких России европейских стран,

* См.: Кертман ГЛ. Катастрофы и бедствия глазами россиян: локальные причины глобальных катаклизмов // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2002. № 32.

Сегодня россиянам несвойственны искренняя заинтересованность и личное сопереживание проблемам и потрясениям внешнего мира, сопоставимые с реакцией советского общества, например, на чилийские события 1973 года. Восприятие любой внешней информации определяется степенью ее близости к житейской реальности: волнует лишь то, что имеет непосредственную связь с проблемами повседневной жизни

несколько шокирует. Вместе с тем данный феномен заслуживает не столько моральных оценок, сколько изучения. Присущие когда-то советским людям чувство “вселенской перспективы”, эмоциональная вовлеченность в события далекого внешнего мира, о котором основная масса граждан имела самые смутные и отчасти утопические представления, были в значительной степени “искусственными”, порожденными идеологической индоктринацией. В этом было много наивного, смешного, трогательного и раздражающего. Но в этой позиции была и притягательная сторона – некая приподнятость над сиюминутным житейским интересом, то чувство сопричастности человечеству, к которому призывают великие религии и идеологии.

Утопии разрушены, и восприятие внешнего мира стало более реалистичным и житейски приземленным. Это нормально и естественно. Человек эволюционно “сфокусирован” на ближайшую перспективу взаимодействия; глубокие эмоциональные переживания по поводу событий, отдаленных от него в пространстве и во времени, неорганичны его природе. Вместе с тем тот оттенок цинизма, который появился у россиян по отношению к проблемам других стран и народов, настораживает. Отчасти этот цинизм можно объяснить неким “психологическим откатом”, реакцией на искусственно поддерживавшуюся высокую “идейность” чувств и стремлений, которая культивировалась в советском обществе. Отчасти здесь заметна проекция новой, буржуазно-обывательской идеологии, не более, на наш взгляд, привлекательной, нежели утопизм советского периода. Данный сюжет, несомненно, требует отдельного глубокого анализа; материалы настоящего исследования позволяют лишь сформулировать некие общие гипотезы относительно тех изменений, которые происходят в идейно-ценностной структуре российского массового сознания.

Возвращаясь к данным опроса, отметим, что они также дают основания для предположения об отстраненном восприятии россиянами “чужих” проблем. Так, отвечая на открытый вопрос о причинах беспорядков во Франции, лишь 5% респондентов указали на специфические – экономические, социальные, политические – проблемы мигрантов. Гораздо чаще при ответе на этот вопрос люди ориентировались на самые общие представления о возможных основаниях социального протеста и называли в качестве таковых бедность, безработицу, отсутствие жилья, недоступность образования и даже голод (“народ изголодался”) – 16%, социальную несправедливость и неравенство (“люди больше не могут терпеть бесправия”) – 6%. Некоторые предположили, что участниками беспорядков движет “какое-то несогласие с властями”, “недовольство людей политическим строем”, – 7%; 5% высказали мнение о немотивированном характере беспорядков, которые, по их мнению, устроила молодежь или хулиганы, желающие таким образом поразвлечься (“скучно, надо спустить стресс”; “слишком хорошо живут”). На ДФГ вопрос о причинах, вызвавших беспорядки, получил, как будет показано ниже, более развернутое освещение.

В массовых представлениях об участниках беспорядков преобладает достаточно размытый образ “чужака”: “больше неместный народ”; “приезжие”; “чужестранцы”; “люди других национальностей” – в таком ключе, отвечая на соответствующий открытый вопрос*, высказались 17% опрошенных. Более конкретные харак-

* Открытый вопрос: “Как Вы думаете, кто, какие люди участвуют в массовых беспорядках во Франции?”.

теристики этот образ чужеземца получил в ответах 11% респондентов, которые указывали на выходцев из арабских стран, стран Азии и Африки, а также (в 4% случаев) – на мусульман и исламистов. Довольно часто люди относили участников беспорядков к определенным социальным группам: молодежи, студентам (16%), обездоленным слоям общества (10%), безработным (5%). Иногда респонденты квалифицировали участников волнений с морально-правовой стороны – как лентяев, бездельников, неадекватных, плохих людей (6%), вандалов, бандитов, “криминальных людей” (4%).

По версии участников ДФГ, типичным участником беспорядков является молодой человек в возрасте от 18 до 25 лет, с низким социальным статусом, иммигрант, араб, маргинал, “шпана-недоучка”, не желающий работать.

“Ну, как, понаехали иммигранты, которые работать не хотят, однако хотят получать пособия и просят не беспокоить их со своими законами, французскими в частности. То же самое и у нас – понаехали всякие разные” (ДФГ, Воронеж).

“Маргинальные, есть такой термин, то есть как бы в подвешенном состоянии, он еще не состоялся как человек. Может быть, школу кончил, а нигде не поступил, либо работает, но грузчиком, где-то перебивается с хлеба на воду” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В ходе массового опроса большинство респондентов (55%) высказали предположение, что действия участников волнений координируются и направляются из единого центра. Лишь 14% опрошенных расценили происходящее во Франции как стихийные, неорганизованные акции.

Обсуждение данной проблемы на ДФГ позволило выявить аргументацию сторонников обеих точек зрения, а также спектр существующих представлений о характере волнений. Прозвучали четыре разных интерпретации происходящего во Франции: 1) немотивированное хулиганство; 2) стихийный бунт, имеющий под собой определенную социальную подоплеку и мотивацию; 3) революция; 4) заранее спланированная организованная акция, преследующая цели конкретных групп. Очевидно, что эти версии в совокупности дают нестрогий континуум в понимании природы происходящих во Франции событий.

Отметим: материалы ДФГ свидетельствуют о достаточно высоком уровне компетентности людей в обсуждавшихся вопросах, что, казалось бы, противоречит сформулированному выше выводу об отстраненном восприятии произошедшего россиянами. В действительности противоречия здесь нет: наличие некоторого уровня информированности еще не свидетельствует о личностной вовлеченности в события. Люди, живущие в плотном масс-медийном мире, несомненно, вбирают в себя разнообразную информацию о происходящем как вблизи, так и вдали от них. Получаемая информация подвергается когнитивной переработке, в которой участвуют заранее выработанные схемы восприятия – клише, позволяющие быстро и “экономично” реагировать на новые данные. Эти процессы не сопровождаются, как правило, активной рефлексивной работой, подобной той, которая требуется от участников дискуссионных фокус-групп. ДФГ актуализируют информацию, ранее усвоенную человеком, переводят ее в плоскость осмысленных и аргументируемых суждений. Фактически ДФГ представляют собой своего рода исследовательскую лабораторию, которая позволяет увидеть, как люди при оценке тех или иных событий мобилизуют “теоретические” конструкты, имеющиеся в их интеллектуальном багаже. Подчеркнем, что все это имеет отношение к когнитивным механизмам восприятия, переработки и актуализации информации и не имеет непосредственной связи с ценностными установками сознания.

При оценке тех или
иных внешних событий
люди мобилизуют
“теоретические” конст-
рукты, имеющиеся
в их интеллек-
туальном багаже.
Это не имеет
непосредственной
связи с ценностными
установками сознания

Представление, что события во Франции носят характер организованной акции, базируется на общем впечатлении от масштабности процесса, которая, по мнению участников, и доказывает, что он кем-то “срежиссирован”.

“Я думаю, такая толпа случайно, спонтанно не может собраться. Это запланировано” (ДФГ, Воронеж).

“...Скорее всего, организованное, потому что слишком целенаправленно двигается... Это может быть, конечно, подражание. Но, по-моему, это как раз таки спланированное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Обсуждая тему спонтанности либо, напротив, организованности волнений, участники фокус-групп фактически отвечали на три вопроса.

Протекают ли эти события как абсолютно хаотический процесс или в них есть элемент внешней или внутренней организации (самоорганизации)?

События начались спонтанно или они представляют собой заранее спланированную серию акций, преследующую интересы неких групп и имеющую определенные цели?

Кто может получить выгоду от европейских беспорядков и, соответственно, кто мог бы выступить в качестве их организатора?

Дилемма “хаос или организованность” получала на ДФГ преимущественно компромиссное решение. Респонденты говорили, что беспорядки, вспыхнувшие стихийно и носившие поначалу неорганизованный характер, быстро приобрели определенную согласованность и связанность. Некоторые объясняли это внутренними факторами – процессами самоорганизации, вызванными необходимостью координировать действия. По мнению других, к событиям могли подключиться некие внешние силы, заинтересованные в социальной дестабилизации.

“...В каждом коллективе есть лидер. Даже если стихийно что-то начнется, то человек со своей харизмой может сделать так, как нужно ему, и люди за ним пойдут...” (ДФГ, Воронеж).

“Изначально возникло стихийно. А перебросилось в другие города – это уже явно, что это спланировано. То есть явно, что кто-то за этим стоит. Кто – трудно сказать, но просто так ничего не бывает...” (ДФГ, Воронеж).

О том, кто мог бы возглавить или инициировать подобные акции, участники ДФГ имеют смутное представление. (Гипотеза, что за этими событиями могла бы стоять Аль-Каида, была быстро отмечена.) В связи с этим разговор о вероятных организаторах беспорядков быстро сбивался на предположения о возможных “бенефициариях” событий, в качестве каких-то назывались даже французские власти.

“Если бы они <французские власти> хотели, они бы, конечно, давно бы, во-первых, это все прекратили... Во-вторых, ввели бы санкции на въезд определенной категории людей... Не исключено, может, это преследуются какие-то финансовые интересы... Увеличение ассигнований на ту же оборону, на те же спецслужбы – то есть это можно будет объяснить...” (ДФГ, Москва).

Участники ДФГ не заходили так далеко, чтобы прямо обвинять французские власти в организации беспорядков, хотя в отношении французской оппозиции такое предположение фактически было сделано.

“Участник: ...Всегда в любом правительстве есть оппозиция. И как бы, может быть, даже кто-то из правительства, кто хочет переделать законы, сделать их жестче, скажет: “Вот видите, как может быть, если вот столько людей к нам понаедет, и они все будут требовать бесплатного проживания...”

Модератор: *И для этого надо погромы устраивать?*

Участник: *Нет, не для этого. А может быть, и так, чтобы показать, что может быть от слишком мягкой политики государства к иммигрантам.*

Модератор: *То есть оппозиции французского правительства может быть выгодно срежиссировать и устроить все эти события?*

Участник: *Да* (ДФГ, Воронеж).

Использование критерия “Qui prodest?” в поиске “истинных виновников” того или иного социального кризиса – распространенный логический ход обыденного дискурса. Популярность такой постановки вопроса в немалой степени обеспечена незыблемым когда-то авторитетом марксистской методологии анализа “классовых интересов”. Данный логический ход отчетливо выявила дискуссия в Санкт-Петербурге, на которой вначале был обозначен абстрактно-экономический бенефициарий французских беспорядков – доллар, а вскоре участники уже уверенно делали заключение, что непосредственным организатором беспорядков являются США. При этом моментально актуализировался еще один давний стереотип – восприятие США как виновника всех бедствий мировой цивилизации.

“1-й участник: *...Если смотреть, кому это выгодно, – это выгодно доллару.*

2-й участник: *Да, доллар сразу поднялся, а евро сейчас опускается...*

Модератор: *А если все-таки это начиналось запланированно, как вы думаете, кем это было подготовлено?*

1-й участник: *Только дядей Сэмом. Для того чтобы доллар поднялся, а евро опустить. Только им. Европейцам это не надо.*

2-й участник: *Про куриный грипп тоже на него можно сказать.*

1-й участник: *Конечно.*

3-й участник: *Конечно.*

1-й участник: *Тем более что они уже не первый раз на нас заразу бросают – в начале 20-х годов испанка была.*

4-й участник: *...Выгодно американскому капиталу.*

5-й участник: *...Естественно, кому-то хочется обладать какой-то мощной территорией... И, конечно же, хочется быть у руля и Евросоюза. Там же со всем другие деньги крутятся – не то что на уровне Штатов каких-то, это гораздо интересней – им хочется победить и здесь. Поэтому, может быть, этот комок они подтолкнули.*

Модератор: *Они – это кто?*

5-й участник: *Ну, я не знаю. Так трудно сказать – американцы...*

3-й участник: *Дядюшка Сэм* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Интерпретация французских событий как “революции” представляет собой компромисс между двумя крайними точками зрения, квалифицирующими их как немотивированные безобразия или как организованную, заранее спланированную акцию. Это еще один из конструктов, спровоцированных стереотипами советского обществоведения, когда в любом массовом проявлении недовольства “низов” было принято просматривать симптомы революции или по крайней мере революционной ситуации. Другим фактором, поддерживающим эту интерпретацию, выступают многочисленные “оранжевые”, “бархатные” и прочих оттенков “революции”, как стало принято называть любые сколько-нибудь значительные политические потрясения. Слово “революция” утратило свою понятийную строгость, превратившись в размытый концепт массового сознания. Любопытно видеть, как некоторые участники ДФГ пытались восстановить данную терминологическую конструкцию, вспоминая ленинские критерии революции и революционной ситуации.

Значительная часть “теоретических” конструктов, функционирующих в общественном сознании россиян, унаследована из советского периода истории

“1-й участник: *Очередная революция... Даже отслеживая средства массовой информации, уже многие признают, что существуют определенные силы, которые вот эти революции делают. То есть это сначала была Югославия, Украина, Грузия, теперь это стала Франция.*

2-й участник: *...Если вы все учились в институте, проходили марксизм-ленинизм, что такое революционная ситуация – верхи не могут, низы не хотят, так? Вот, низы не хотят. Сначала они были согласны.*

Модератор: *Вы... согласны с тем, что это революция?*

2-й участник: *Да. Нет, это предреволюционная ситуация.*

Модератор: *Это уже предреволюционная ситуация?*

2-й участник: *Конечно...”* (ДФГ, Москва).

Впрочем, участники ДФГ быстро отказались от подобной квалификации французских событий, обратив внимание на то, что в ходе массовых беспорядков не было выдвинуто ни одного лозунга и ни о каких более или менее ясно сформулированных целях говорить не приходится.

“1-й участник: *Я думаю, что революция – это как-то готовятся, это вот массы, ...а тут же какой-то просто беспредел.*

2-й участник: *Спонтанные какие-то вспышки.*

1-й участник: *Да, беспредел такой вот, типа хулиганства.*

2-й участник: *И не подготовлено это.*

3-й участник: *А вы знаете, насчет революции, – ...какая тут цель, вот я не вижу. Какая цель здесь?..*

1-й участник: *Нет ни митинга... Все по ночам это...*

4-й участник: *Без цели там как-то все, да.*

2-й участник: *Мотивация неясна...”* (ДФГ, Москва).

Трактовка французских беспорядков как стихийных событий получила, как было указано выше, две версии. Согласно первой, это немотивированное хулиганство бездельничающих подростков. По мнению респондентов, склоняющихся к данной точке зрения, происшедшее во Франции можно расценить как вандализм, бандитские вылазки, за которыми ничего не стоит, кроме нерастраченной энергии, молодого агрессивного задора.

“*Там, может быть, несколько человек фанатичных, а остальные – так, лишь бы сделать. То есть собралась группа, человек 10–15, – чем заняться? Да вот вчера на соседней улице сожгли машину – давайте и мы сожжем. Сожгли – и все, никаких последствий, никакого наказания*” (ДФГ, Воронеж).

“*Для них это как развлечение. Собраться толпой и пойти: мы такая сила, мы идем крушим*” (ДФГ, Воронеж).

“*...Это ни с чем таким не связано, кроме одного. На Руси это называлось раньше – показать удаль свою молодецкую. И все. Просто подурачиться. И никакой цели не ставят. Просто хотят показать, что они сами для себя. Это просто интересно: пойти куда-нибудь, что-нибудь бросить, разбить*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Вторая версия сложнее и более точно схватывает суть французских событий. Согласно этой версии, их следует расценивать как бунт, имеющий глубокие социальные причины. Немотивированная жестокость, с которой действовали участники беспорядков, громя магазины и поджигая машины ни в чем не повинных французских обывателей, вызвана, на взгляд респондентов, целым комплексом

неудовлетворенных социальных потребностей и имеет глубинные исторические, социальные, политические и культурные истоки. Как тонко заметила одна из участниц ДФГ в Санкт-Петербурге, «вирус попал в ослабленный организм».

Погромы, поджоги, агрессивные действия молодежи являются, по мнению многих респондентов, последствиями развращающей миграционной политики французских властей, позволяющей людям жить на пособие не работая, но не обеспечивающей при этом полного удовлетворения их социальных и культурных потребностей.

«Вообще, Франция – это страна, где по отношению к иммигрантам самые мягкие законы, то есть люди, которые приезжают туда, начинают этим пользоваться... То есть люди теряют всякие нормы и устои жизни...» (ДФГ, Воронеж).

«...Какой там социальный протест? Охамели. Их приструнить надо, и очень жестко приструнить... Они же не выставляют политических требований никаких, они требуют пособий. Они не требуют работы, они требуют пособий – и не трогайте нас» (ДФГ, Воронеж).

«...В любой стране есть такие люди, которые работать не хотят и никогда не будут. Они найдут тысячу причин, чтобы только не работать. И, собственно говоря, правительство нашло компромиссный вариант: «Чтобы ты не воровал, – на тебе, мы даем тебе пособие». Если человек не работает, у него голова набита всякой дрянью, потому что украсть, обворовать, убить гораздо проще, чем идти работать» (ДФГ, Воронеж).

Наконец, в ходе дискуссий была упомянута еще одна причина беспорядков, общесистемного характера: один из респондентов обратил внимание на структурные сдвиги в социально-этнической конфигурации французского общества, происходящие вследствие непродуманной миграционной политики.

«Посмотрите, люди приезжают из одного региона в другой – у них абсолютно разные культуры. ...Нельзя, чтобы иммигрантов было больше, чем 10% от коренного населения. Когда их становится больше 10%, система начинает меняться. Когда больше 30% инородных предметов в системе – система начинает изменяться необратимо. ...Если их больше 50% – система уже рушится. Во Франции, очевидно, уже перешили этот предел» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Участники фокус-групп единодушно полагают, что правительство Франции несет прямую ответственность за беспорядки. Его вина, полагают они, состоит не только в недалековидной, попустительской миграционной политике, но и в неумении быстро и грамотно остановить нарастающую волну погромов.

По мнению трети (34%) участников массового опроса, власти и правоохранительные органы Франции действовали недостаточно жестко по отношению

По мнению большинства респондентов, в России возможны массовые беспорядки, подобные французским. При этом, как правило, рисуется картина, ничего общего не имеющая со спецификой французских беспорядков

к участникам беспорядков. Около четверти респондентов (23%) сочли, что французские власти действовали не более и не менее жестко, чем следовало в такой ситуации; 4% – обвинили их в излишней жесткости, остальные затруднились с ответом.

Осуждая излишнюю мягкость, “беззубость” французского правительства, участники ДФГ выражали обеспокоенность по поводу эффективности действий собственной, российской власти в кризисных социальных ситуациях.

“Сейчас во Франции правительство показало свое беззубость и никчемность. Кстати сказать, вот у нас свершилось вот это на Дубровке – то же самое проявилось: ни эти не готовы, ни эти не готовы, все не готовы. Другими словами, государство... не держит на ключевых местах профессионалов... Пример Франции, на мой взгляд, очень показателен, потому что, ну вот смотрите, сколько терроризма возникает из-за чего? Да из-за того, что всем нам всё всё равно. Так что следующими запросто можем быть мы – у нас хватает иммигрантов” (ДФГ, Воронеж).

По мнению большинства респондентов (56%), в России подобные беспорядки возможны. Однако аргументация респондентов, придерживающихся этой точки зрения, мало связана с собственно французскими событиями – отвечая на соответствующий открытый вопрос, участники опроса чаще всего переключались на российские социально-экономические проблемы (14%), вплоть до таких специфических, как “отмена льгот”; указывали на высокий уровень недовольства населения (“народ ...находится на точке кипения”) – 11%, социальное расслоение и несправедливость (5%) и т. п. Только 6% опрошенных говорили о проблемах мигрантов – то есть пытались провести какую-то параллель между тем, что происходит во Франции, и тем, что могло бы произойти в России. Впрочем, 3% респондентов сказали, что в России события, аналогичные французским, уже происходят.

На фокус-группах проявилась схожая тенденция. Гипотетические российские беспорядки участники ДФГ обсуждали без учета специфики французских событий. Последние были не более чем поводом поговорить о чисто российских социальных проблемах, способных вызвать ту или иную форму недовольства. Респонденты, разумеется, упоминали проблему иммигрантов, но не акцентировали внимания на данной социальной группе. Внимание участников ДФГ было смещено в сторону других категорий населения, а именно – тех, кто мог бы принять участие в стихийных насильственных акциях той или иной степени осмысленности, и тех, кто имеет реальные причины для выражения социального протеста. Ни в той, ни в другой категории иммигранты не фигурируют. В этом смещении фокуса внимания проявилось определенное понимание специфики французских событий, послужившее основой для убеждения, что французская модель социального недовольства в России не будет реализована. В ходе обсуждения было высказано мнение, что сегодняшнее положение иммигрантов в России мало сопоставимо с положением их вольготно живущих французских “собратьев”.

“...У нас все-таки не будет такого количества иммигрантов, которые будут требовать или учинять некоторые безобразия, это хулиганство крупных масштабов и таких размеров, поскольку наша нищая Россия предоставит всего того, что им надо, не может” (ДФГ, Воронеж).

Коренному населению “нищей России” живется еще хуже, чем иммигрантам, – это весьма распространенное в российском обществе убеждение было артикулиро-

вано и на фокус-группах. Обсуждение возможности беспорядков на этнической основе привело участников дискуссии к парадоксальному заключению, что в России подобного рода беспорядков следует ожидать скорее не от мигрантов, а от коренного населения. Именно последнее, по мнению респондентов, страдает от чувства социальной ущемленности, провоцируемого “хозяйским поведением” иммигрантов.

“1-й участник: Это у нас больше причин на них выступить.

2-й участник: Они здесь хозяевами себя чувствуют... Это мы здесь ущемлены.

Модератор: „Исходит ли опасность сейчас или в ближайшее время для нас именно от приезжих?”

2-й участник: От приезжих – нет.

1-й участник: Нет.

3-й участник: Нет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Недовольство коренного населения засильем и раскованным поведением иммигрантов может выступить отчасти реальной почвой, отчасти поводом для выплеска немотивированной агрессии, присущей определенной части молодежи (например скинхедам, которые упоминались участниками ДФГ). Направляемые силами, заинтересованными в дестабилизации положения в стране, молодые люди могут, по мнению респондентов, устроить безобразия, сопоставимые с французскими погромами.

“У нас это <началось> гораздо раньше, чем во Франции, уже идет. Национал-социалисты, амтиловы, все эти банды, они очень мощные и хорошо сформированные. Начинается с мелких <акций>: бьют студентов, убивают. Но это уже большая группа, это уже партия, у них идея есть, они зомбированы на эту идею и ждут только сигнала собраться вместе. А там кто выше уже даст сигнал, куда идти и что делать. Это еще хуже, чем во Франции, будет. Слишком сильно у нас низкие и бедные слои молодежи, бедные кварталы, бедные города спланиваются, и у них цель есть: бей богатых, бей черных, бей инородцев – они всему причиной. Вот у них такая классовая идея есть” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...Здесь у нас всевозможные молодежные движения и скинхеды, обкурившиеся наркотой или... наигравшиеся в интернет, вылезут и скажут: “Дайте нам зрелищ”. И все, и понеслось, достаточно вот эту искру бросить, а в драках, как правило, перестают разбираться, кто прав, кто виноват, лупят всех подряд... У нас нет никакого чувства патриотизма, ребята в основном работы не имеют, однако напичканы сериалами – все хотят жить хорошо. Откуда взять хорошо? Опять же идет сериал: убей, укради, отними – и у тебя все есть, и работать не надо. Вот она, питательная среда для вот этой безнормальности, тем более, как правильно сказали, толпу всю не посадят – можно бить, крушить” (ДФГ, Воронеж).

Что касается действительно весомых и социально оправданных причин для протестных движений, то участники ДФГ видят их прежде всего в бедственном положении малообеспеченных слоев населения. Социальная обездоленность в сочетании со слабой властью – такова наиболее вероятная, по мнению людей, “пусковая модель” российских беспорядков. На этом основании было высказано предположение, что протестные акции скорее всего начнутся в российской глубинке, и французские события могут в определенной степени спровоцировать их.

Беспорядки на этнической основе в России возможны, однако, по мнению участников опроса, они могут исходить скорее не от мигрантов, а от коренного населения

“1-й участник: ...Естественно, каждый такой всплеск будет подстегивать какие-то слои и у нас к аналогичным действиям.

2-й участник: А у нас уже это есть – в периферийных городах далеких, там, где безработица, где по полгода до сих пор зарплату не выплачивают... И там начнется, все оттуда... Там все и начнется, именно на периферии. Там нет в таком количестве, как в Москве, милиции, и власти нет, и оружия такого нет. Конечно, начнут с малых городов... И они так же соберутся на автобусах, на машинах, приедут в более крупные города, и будут объединяться. И это все возможно в России, потому что, действительно, довели уже...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В то же время участники ДФГ отмечали, что социально-психологические и возрастные особенности малоимущих слоев не позволяют рассматривать их как реальную социальную базу протестных движений, сопровождающихся насильственными действиями.

“Большинство получающих очень низкую зарплату – это как минимум интеллигенция, врачи, учителя... и, как правило, такие люди за такой оппозицией, которая будет участвовать в разгромах, погромах и все прочее, они просто не пойдут, как бы они ни жили. Вот здесь я уверена даже не на 100%, а гораздо больше” (ДФГ, Воронеж).

В качестве эффективных способов предупреждения социальных беспорядков участники ДФГ называли продуманную миграционную политику, повышение уровня благосостояния населения и воспитательную работу с молодежью. Последнее предложение отражает типичное для обыденного сознания представление о механизме решения социальных проблем, в значительной степени сформированное “воспитательным пафосом” советской идеологии.

“У нас сейчас необходимо решать вопрос с молодежью. У нас молодежью никто не занимался все эти годы. Мы решали какие-то свои проблемы” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Допустим, были раньше молодежные дружины. Почему бы не устроить то же самое? Участковые наверняка знают, кто живет на их земле, наверняка есть список тех молодых людей, которые не очень благополучные, и наверняка есть те, кто благополучный. Так если благополучного выставить в более яркий свет – например, он начальник отряда?...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

По мнению 15% респондентов, в российском обществе события, подобные французским, невозможны. Доводы, которые чаще всего приводились в защиту названной позиции, можно разделить на две группы: во-первых, в России сильная власть, которая сможет в зародыше пресечь беспорядки, если таковые начнутся (3%); во-вторых, в нашей стране другие люди (при этом некоторые респонденты имели в виду, что люди в России спокойные, умные, терпеливые и т. д., а некоторые – что пассивные и ленивые; обе группы ответов составили по 2%).

Стереотипное представление о ленивом, неповоротливом русском мужике воспроизводилось и в ходе дискуссий на ДФГ.

“1-й участник: Вы знаете, у нас народ другой.

2-й участник: Ленивый.

3-й участник: В России все заканчивается разговором” (ДФГ, Москва).

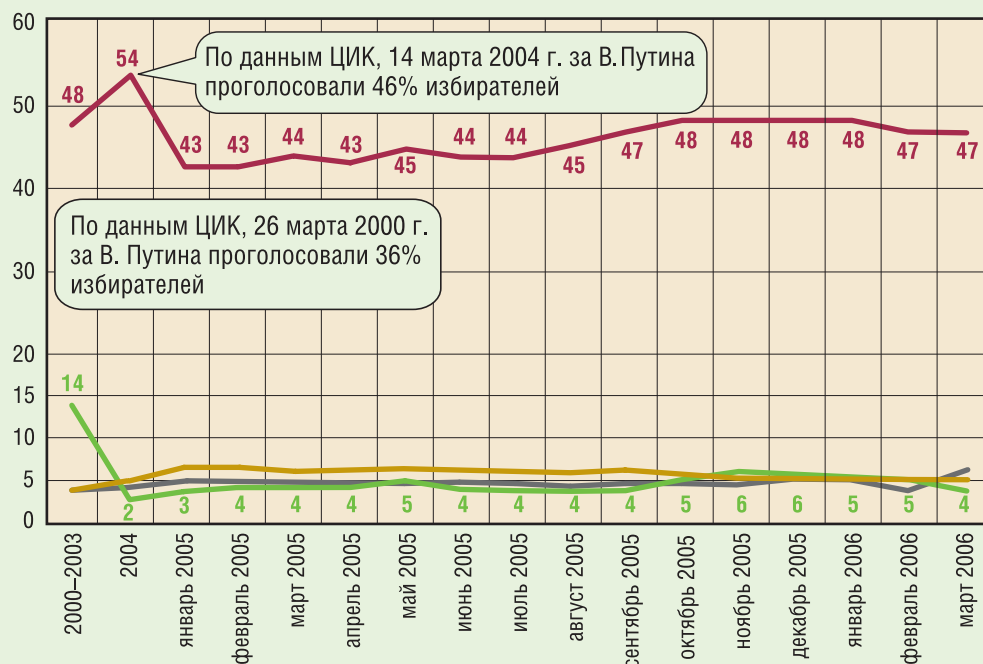
Напомним, однако: респондентов, считающих, что в России волнения, подобные французским, невозможны, почти вчетверо меньше, чем сторонников противоположной точки зрения. ■

Электоральные рейтинги

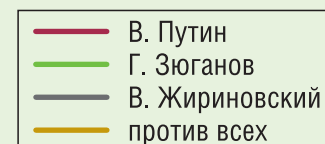
Еженедельные опросы населения. 2000–2006 годы. Выборка: 3000 человек

Данные в % от населения

Политики

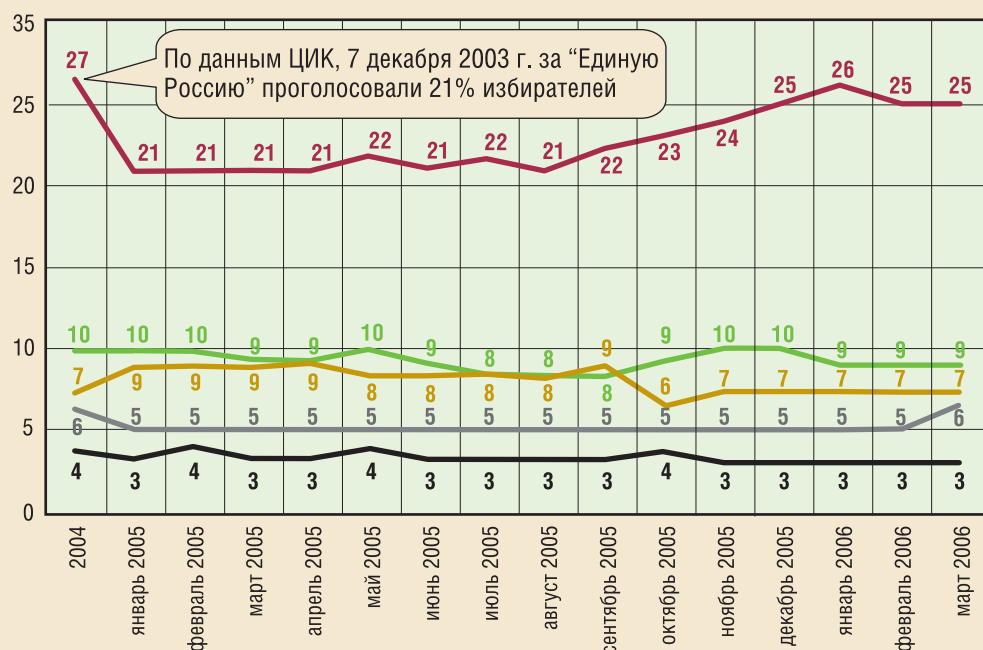

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

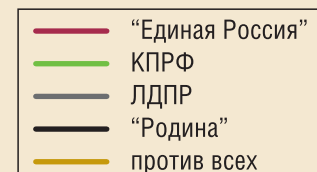

Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%.

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали? (Карточка, один ответ)

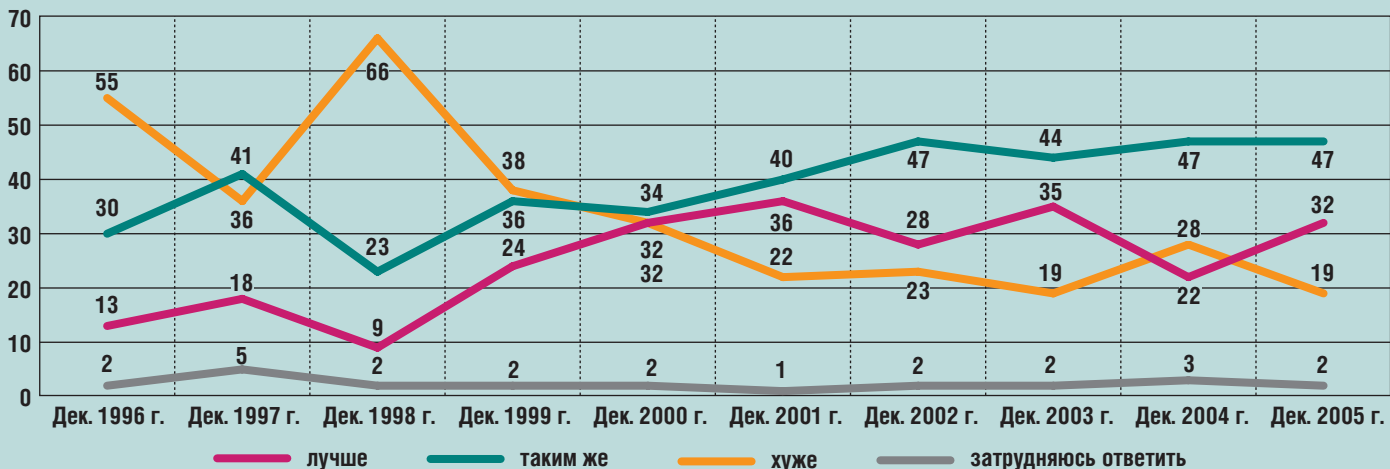
Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 3%.

Итоги года

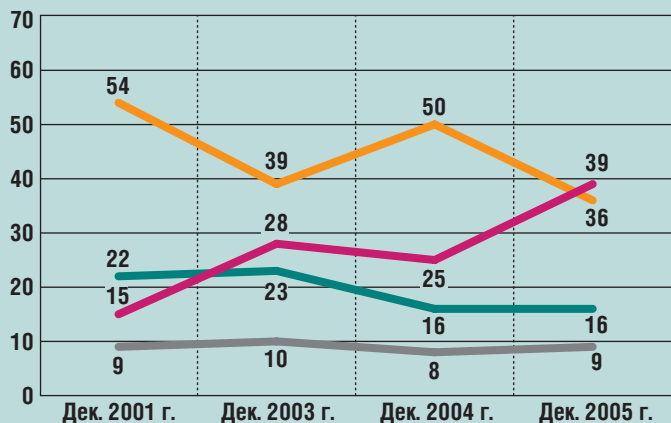
Опрос 17–18 декабря 2005 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

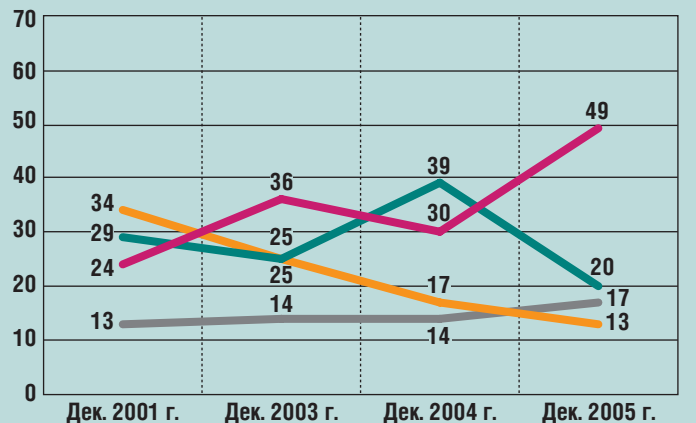
Каким для Вас лично был уходящий год – лучше, хуже или таким же, как прошедший год?

Припомните, что хорошего Вы ожидали от уходящего года для России, и скажите, оправдались или не оправдались Ваши ожидания?

Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились?

ничего не ожидал(-а)

не оправдались

оправдались

затрудняюсь ответить

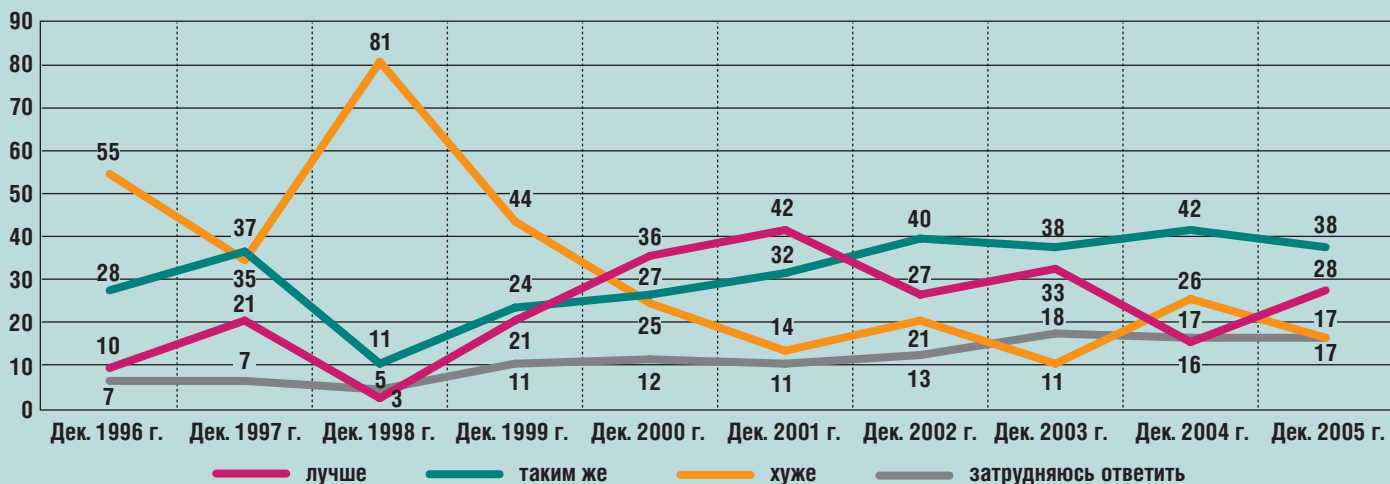
ничего не опасался(-лась)

подтвердились

не подтвердились

затрудняюсь ответить

Для России каким был уходящий год – лучше, хуже или таким же, как прошедший год?

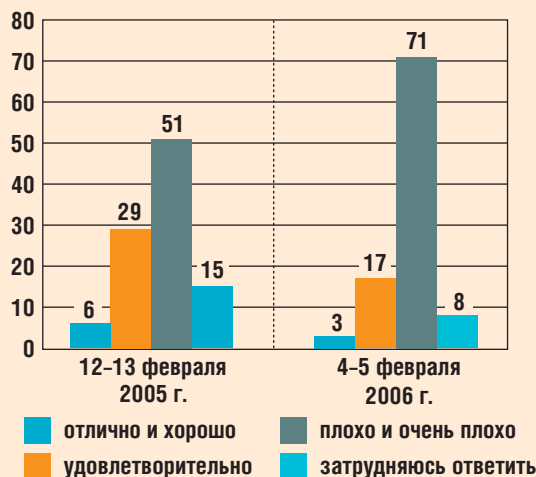

Положение дел в армии и проблема дедовщины

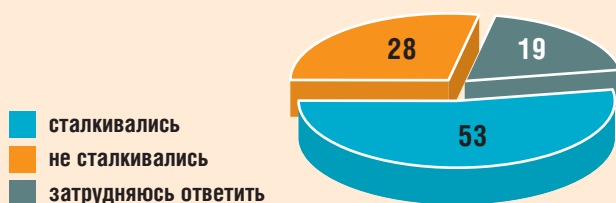
Опрос 4–5 февраля 2006 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

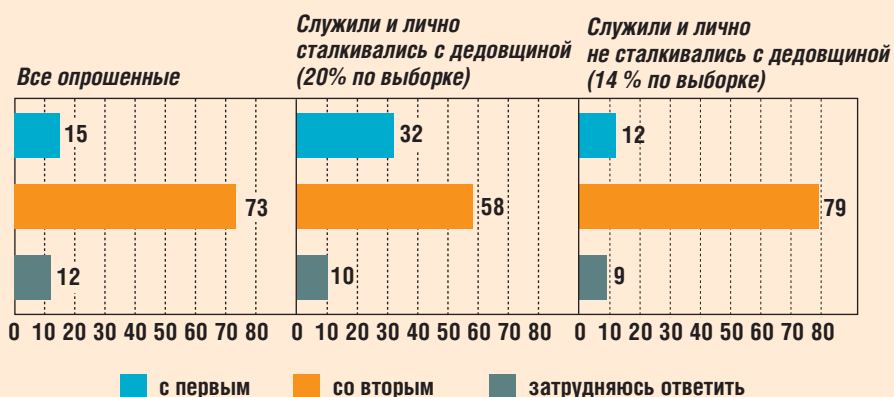
Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете положение дел в Российской армии – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

Ваши родственники, знакомые или члены их семей сталкивались или не сталкивались со случаями неуставных отношений в армии?

Одни считают, что в неуставных отношениях, в дедовщине есть как отрицательные, так и положительные стороны, другие считают, что ничего положительного в неуставных отношениях, в дедовщине нет. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?

Какие проблемы Российской армии, с Вашей точки зрения, требуют решения в первую очередь?

(Карточка, не более трех ответов)

Как Вы думаете, возможно или невозможно искоренить дедовщину в армии?

Коррупция и коррупционеры

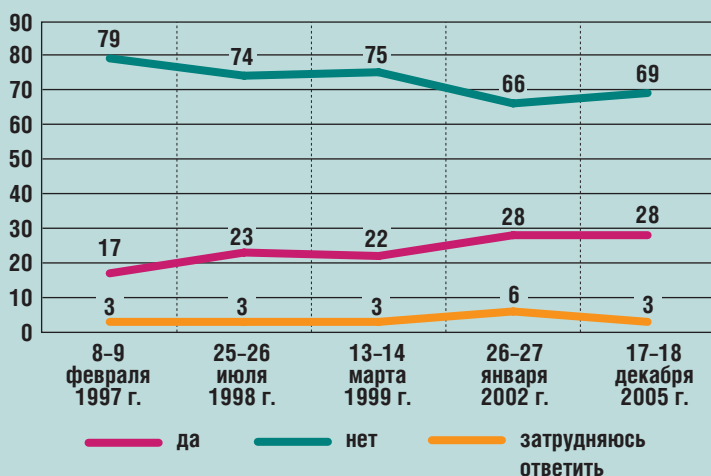
Опрос 17–18 декабря 2005 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

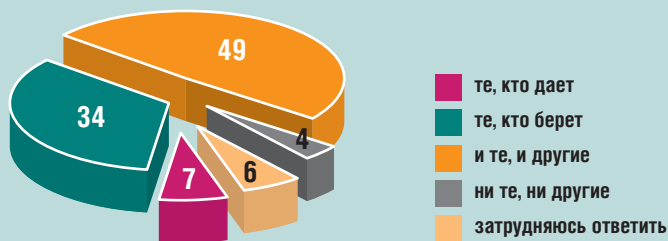
По Вашему мнению, среди должностных лиц каких служб, организаций, учреждений чаще встречается коррупция?

(Карточка. Не более трех ответов)

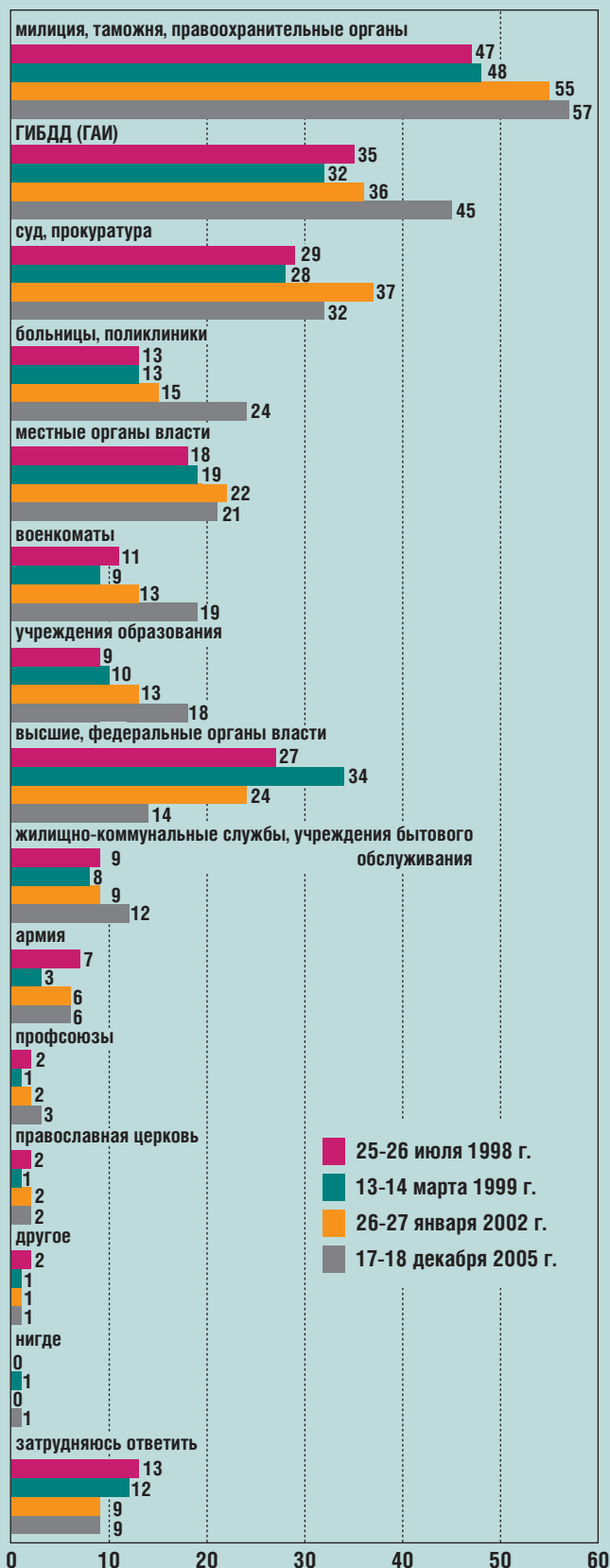
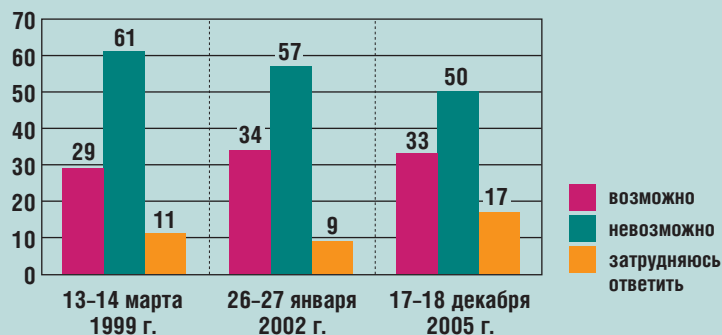
Сталкивались ли Вы лично за последние год-два с тем, что какой-нибудь государственный служащий (должностное лицо) просил или ожидал от Вас неофициальную плату, услугу за свою работу?

По Вашему мнению, кто больше виноват в существовании коррупции: те, кто дает взятки, или те, кто берет взятки? Или и те, и другие? Или ни те, ни другие?

По Вашему мнению, возможно или невозможно искоренить коррупцию в России?

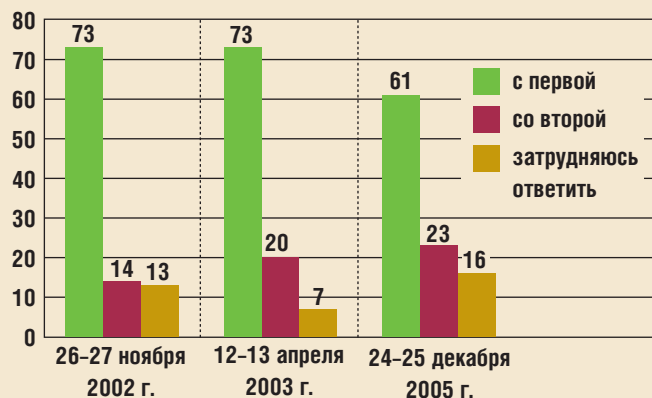

Институт выборов и электоральное поведение россиян

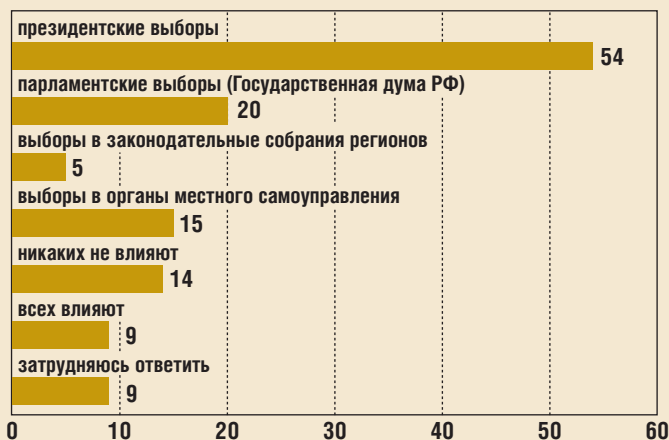
Опрос 24–25 декабря 2005 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

В стране время от времени проходят выборы. Одни считают, что выборы нужны, другие считают, что выборы не нужны. С какой точкой зрения Вы согласны – с первой или второй?

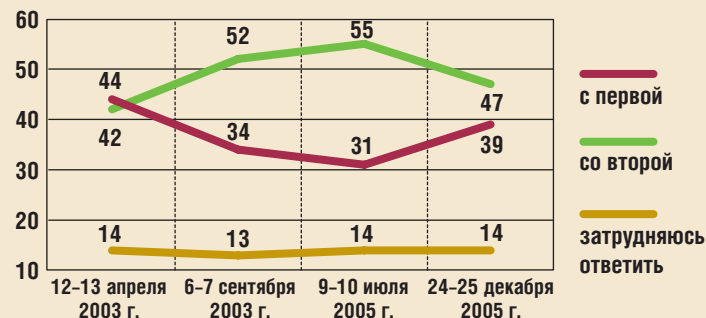
Как Вам кажется, результаты каких выборов влияют на положение дел в стране? (Карточка, любое число ответов)

А результаты каких выборов в наибольшей мере влияют на жизнь таких людей, как Вы? (Карточка, один ответ)

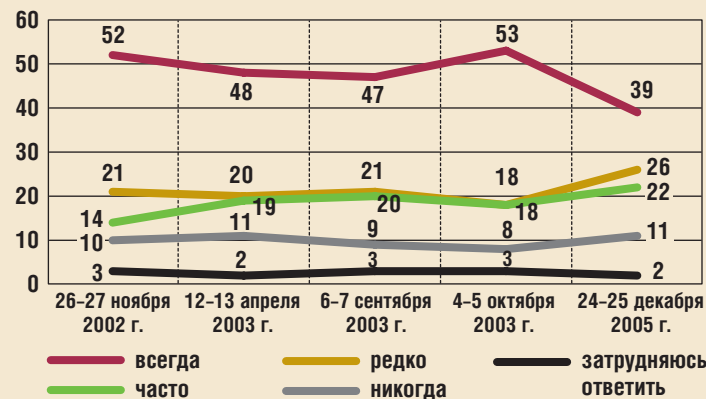
Одни считают, что результаты выборов отражают мнение народа. Другие считают, что результаты выборов не отражают мнение народа. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?

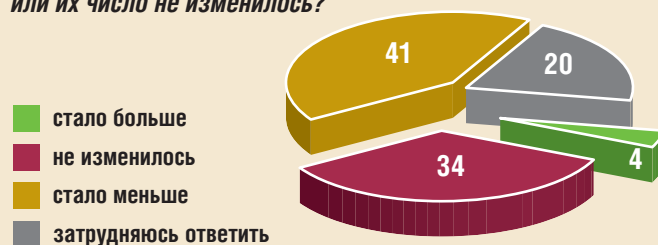
Иногда граждане недовольны действиями тех политиков, за которых они проголосовали на выборах. Как Вы считаете, в такой ситуации граждане должны в первую очередь винить себя или граждане в первую очередь должны винить политиков, за которых они проголосовали?

Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?

За последние год-два тех, кто ходит на выборы, среди ваших знакомых, родственников стало больше, меньше или их число не изменилось?

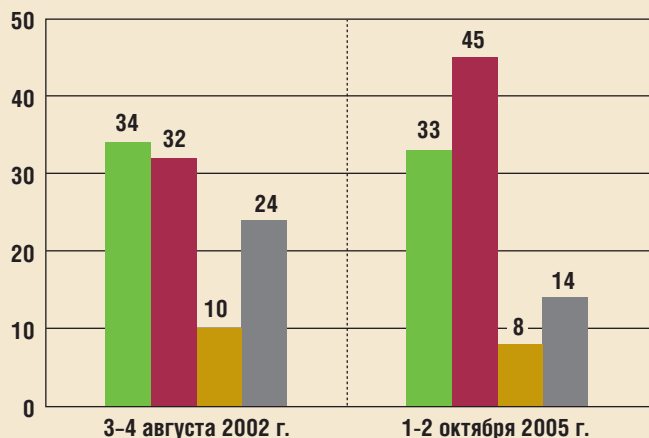

Профессия – “учитель”

Опрос 1–2 октября 2006 г. Выборка: 1500 человек

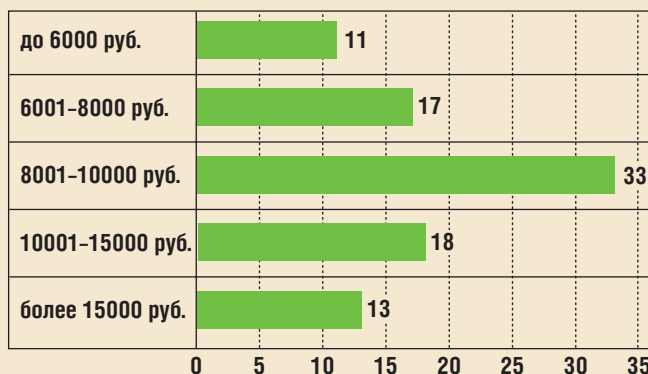
Данные в % от населения

Как, по Вашему мнению, работают сегодня учителя, как они справляются со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

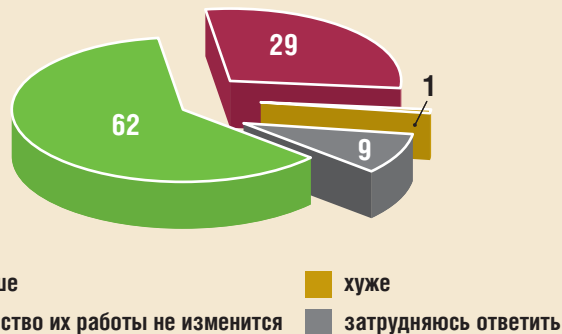

■ отлично и хорошо
■ удовлетворительно
■ плохо и очень плохо
■ затрудняюсь ответить

Недавно В. Путин поставил перед правительством задачу – повысить учителям зарплату. По Вашему мнению, какой сегодня должна быть зарплата учителя?

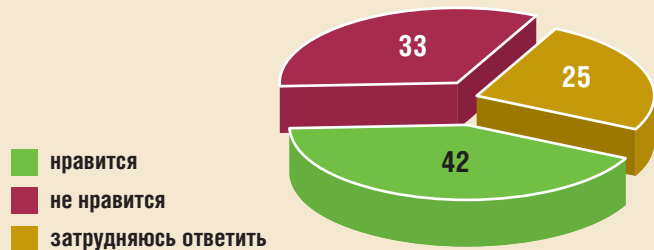

Как Вы считаете, если учителям повысят зарплату до названной Вами суммы, они станут работать лучше, хуже или качество их работы не изменится?

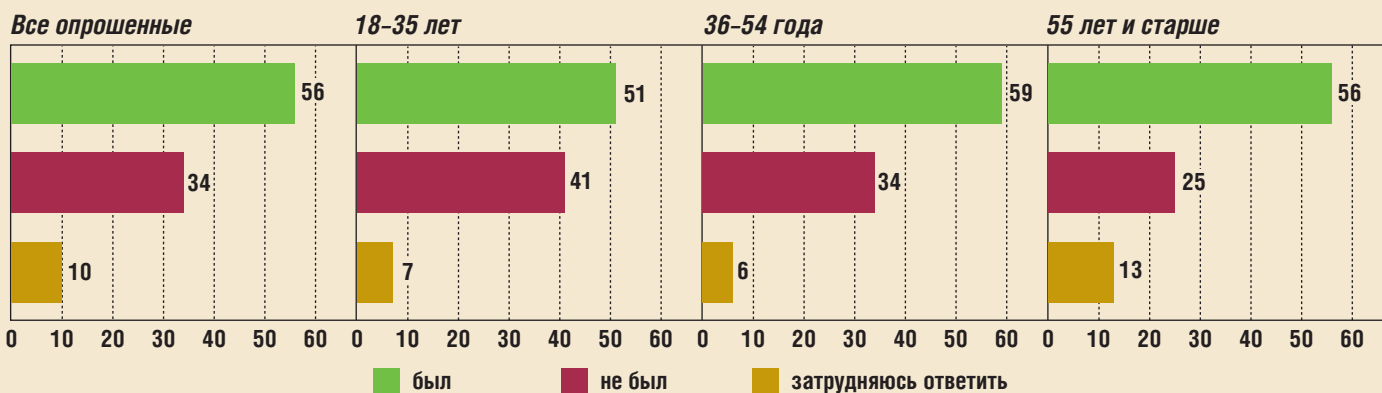
■ лучше
■ качество их работы не изменится
■ хуже
■ затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, большинству сегодняшних учителей их профессия нравится или не нравится?

■ нравится
■ не нравится
■ затрудняюсь ответить

Вспомните, пожалуйста, Ваши школьные годы: был ли у Вас учитель, который повлиял на Ваши взгляды, убеждения, которого Вы могли бы назвать “учителем жизни”, или такого учителя не было?

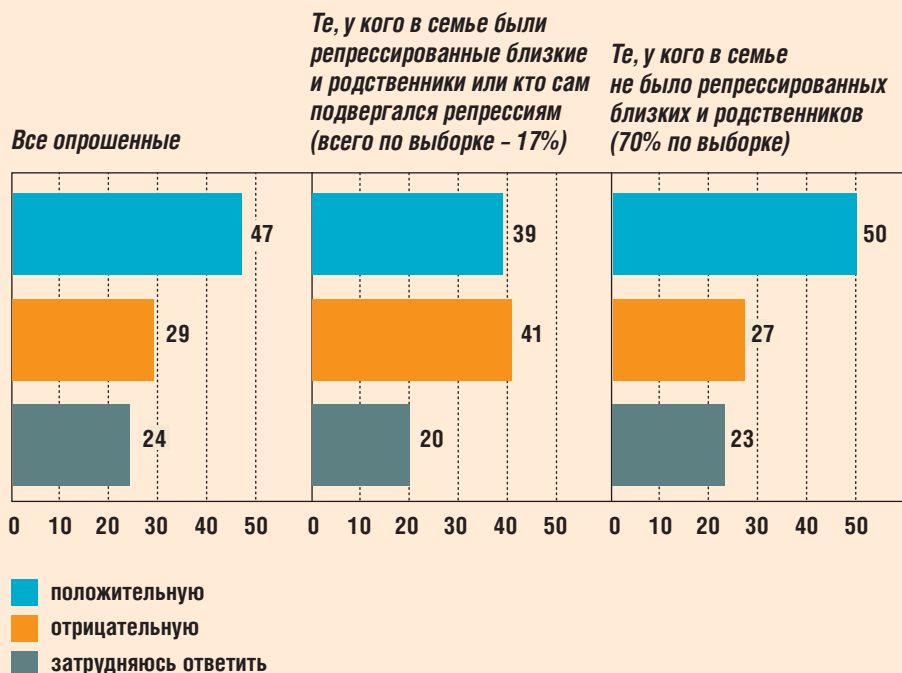
■ был
■ не был
■ затрудняюсь ответить

Отношение к И. Сталину

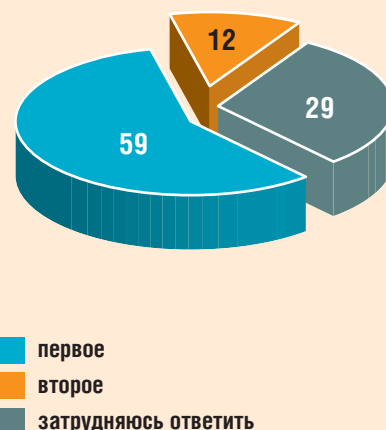
Опрос 18–19 февраля 2006 г. Выборка: 1500 человек

Данные в % от населения

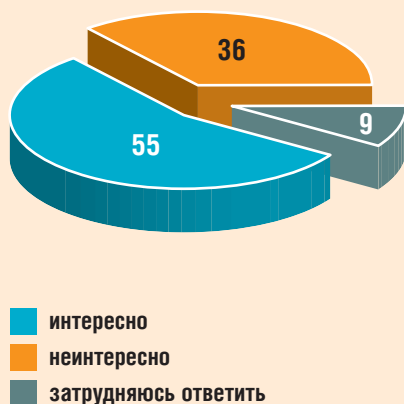
Если говорить в целом, какую роль, на Ваш взгляд, сыграл И. Сталин в истории России – положительную или отрицательную?

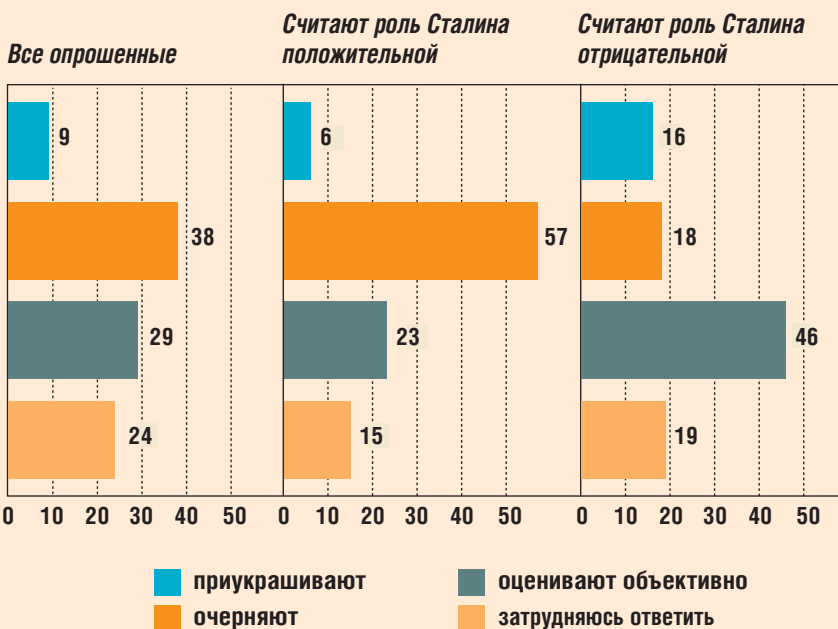
Одни считают, что в сталинские времена в лагеря и тюрьмы попадали в основном невинные люди. Другие считают, что в сталинские времена в лагеря и тюрьмы попадали в основном те, кто это заслужил. Какое мнение – первое или второе – Вам ближе?

Вам лично сегодня было бы интересно или неинтересно узнать больше о том, как жилось в стране в годы правления И. Сталина?

Как Вам кажется, сегодня И. Сталина, его деятельность чаще приукрашивают, очерняют или оценивают объективно?

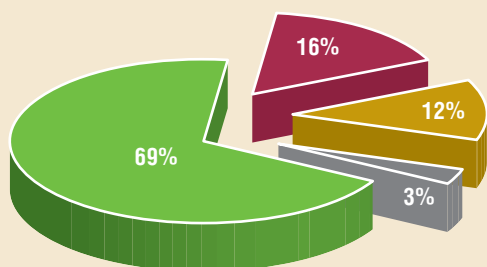
Отношение украинцев к России

Опрос в 26 регионах Украины 18 февраля – 7 марта 2006 г. Выборка: 13 398 человек

Положительно относятся к России

Как Вы сегодня относитесь к России – положительно, отрицательно или безразлично?

положительно отрицательно
безразлично затрудняюсь ответить

Доля от числа опрошенных, %

менее 53	от 73 до 89
от 53 до 67	89 и более
от 67 до 73	

Равенство/неравенство мужчин и женщин – проблема с давней социальной историей. В зависимости от социально-исторического контекста она приобретала разное звучание, но суть оставалась неизменной: можно ли признать естественным желание женщины реализовывать себя вне семьи, согласиться, что женщина обладает для этого способностями, равноценными способностям мужчины, и нужно ли предоставить ей право на равных основаниях с последним участвовать в публичной жизни.

Один из аспектов проблемы гендерного равенства, акцентируемый в наши дни, – равенство в сфере труда и занятости. Здесь гендерная асимметрия проступает особенно явно: женщины, как правило, работают в менее престижных отраслях, занимают менее оплачиваемые должности, меньше зарабатывают, медленнее продвигаются по карьерной лестнице и т. д. Считать ли это неравенством, а тем паче

Е. Вовк

Гендерная асимметрия и женские роли **в современной России**

дискриминацией, или естественно сложившимися, никого не ущемляющими различиями? Очевидно, что решение этого вопроса, как и трактовка идей гендерного равенства, будет зависеть от принятых в обществе (или отдельным человеком) представлений о природе гендерных различий и надлежащих моделях гендерного поведения; например, от приятия или отторжения постулатов о “естественном предназначении”, предопределяющих каждому из полов свою сферу самореализации и ответственности, созвучную его естеству и соразмерную природой заложенным склонностям: женщине – семью, обеспечение уюта и душевного благополучия домашних, мужчине – работу, создание общественно значимых ценностей и материальное обеспечение семьи. Трудовые права женщин – это не только вопрос о степени демократизации общества и приветствуемых моделях гендерного взаимодействия в публичном пространстве. В равной степени это вопрос об устройстве семьи – принятом распределении ролей и жесткости их закрепления.

По данной теме существует обширнейший корпус литературы, и многие рассматриваемые ниже сюжеты так или иначе перекликаются с тем, что было сказано другими исследователями. Мы, однако, не будем здесь анализировать имеющуюся литературу, а сосредоточимся на восприятии проблематики гендерного неравенства простыми россиянами.

Фонд “Общественное мнение” регулярно проводит всероссийские массовые опросы и фокус-группы, посвященные представлениям наших сограждан о положении женщины в российском обществе – как на работе, так и в семье, – и о нормативных моделях женской биографии. Ниже будут представлены данные соответствующих исследований, позволяющие судить о восприятии россиянами гендер-

ных различий и интерпретации ими гендерных неравенств в сфере занятости, а в конечном счете – о бытующих в обществе гендерных предписаниях и идеалах самореализации. Как следует из накопленных материалов, россияне, хотя и ратуют в большинстве своем за “равенство полов”, придерживаются установки на закрепление за мужчинами и женщинами определенных сфер ответственности и нередко склонны понимать гендерное равенство как сохранение соответствующих ролевых ограничений.

Вообще в обществе присутствует выраженное согласие по поводу того, что в России женщина находится в неравном и даже угнетенном положении. Так, по данным опроса 2005 года*, 61% респондентов считают, что женщинам живется тяжелее, чем мужчинам; несогласие с этой точкой зрения выразили вдвое меньше опрошенных (24% склонны думать, что мужчинам и женщинам в России живется одинаково, а 8% – что женщинам легче).

Сходная картина наблюдается в вопросах о шансах на самореализацию и на профессиональный рост: 51% опрошенных соглашались с мнением, что сегодня у мужчин больше возможностей реализовать свои способности (тот же опрос), 58% признают, что на российских предприятиях и в организациях принята практика “двойного стандарта” – у мужчин больше возможностей для продвижения по службе (опрос от 28–29 февраля 2004 г.). Альтернативных точек зрения – что возможности мужчин и женщин в плане самореализации и в плане карьеры одинаковы, – придерживаются 37% и 30% опрошенных соответственно.

Распределение мнений относительно равенства возможностей в сфере профессиональной реализации заметно варьируется в разных социально-демографических группах. О дискриминации женщин на работе чаще говорят образованные, относительно обеспеченные респонденты, жители мегаполисов и крупных городов. Жители сел, малообеспеченные граждане, люди с менее высоким уровнем образования, напротив, чаще говорят о ситуации гендерного равенства (а в ответах на открытые вопросы и в материалах фокус-групп встречаются даже утверждения о привилегированном положении женщин на службе).

Скорее всего, это различие – отражение разных производственных ситуаций, сложившихся в сфере высококвалифицированного труда, с одной стороны, и сфере низкоквалифицированного труда – с другой. В сфере высококвалифицирован-

* Общероссийский опрос населения 26–27 февраля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

ного труда существует больше возможностей для карьерного продвижения и профессионального роста, гендерные производственные роли закреплены не очень четко. Соответственно, более вероятно “гендерная конкуренция” (и, как одно из сопутствующих ей явлений, – наличие “стеклянного потолка” для карьеры женщин). Кроме того, можно предположить, что при декларируемом равенстве возможностей и отсутствии четко определенных “гендерных барьеров” реальные статусные и материальные различия ощущаются более остро. В сфере низкоквалифицированного труда – напротив, меньше возможностей для профессионального продвижения и производственной динамики вообще, более жестко закреплены гендерные различия в профессиях и должностях – соответственно, предпосылок для конкуренции существенно меньше. Следовательно, здесь меньше формальных поводов вспоминать и говорить о дискриминации женщин.

Итак, чем выше социальная ступень, тем меньше строго закреплённых статусов, тем жестче гендерная конкуренция – последнюю же женщина, как правило, проигрывает. В определенном смысле дискриминация как социальная проблема возникает там, где отсутствуют или дают сбой предустановленные гендерные модели и где в результате возникает гендерная конкуренция за ресурсы. В результате гендерная дискриминация сильнее выражена именно среди тех групп населения, которые более остальных ориентированы на профессиональную самореализацию и карьерный рост и которые на уровне ценностей и деклараций более остальных ратуют за равноправие.

Одновременно с вопросом о возможностях продвинуться по службе респондентам в феврале 2004 года задавали более абстрактный вопрос – о возможностях реализовать свои права. Обращает на себя внимание тот факт, что опрошенные заметно реже говорили о гендерном равенстве на работе, чем о гендерном равенстве вообще, в целом. Напомним: только 30% респондентов посчитали, что женщины пользуются равными с мужчиной возможностями для продвижения по службе. В то же время половина участников опроса (т. е. в полтора с лишним раза большая доля) уверены, что сегодня у женщин не меньше возможностей реализовывать зафиксированные в Конституции права, чем у мужчин: 41% считают, что у женщин этих возможностей столько же, 10% – что даже больше. Особенно заметно это различие в ответах мужчин. Кроме того, если в том, что касается работы, мужчины чаще признают свое привилегированное положение, чем говорят о равенстве возможностей, то в вопросе о “правах и возможностях вообще” они более склонны говорить о равенстве (табл. 1).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Мужчины	Женщины
Одни считают, что женщины и мужчины имеют равные возможности для продвижения по службе, другие считают, что у мужчин таких возможностей больше. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?		
Женщины и мужчины имеют равные возможности для продвижения по службе	32	29
У мужчин возможностей для продвижения по службе больше	55	62
По российской Конституции женщины и мужчины имеют равные права. Как Вы думаете, у кого сегодня больше возможностей реализовать свои права – у женщин, у мужчин, или их возможности равны?		
У женщин	11	9
Возможности равны	48	35
У мужчин	35	50

Гендерная дискриминация сильнее выражена в группах населения, которые более остальных ориентированы на профессиональную самореализацию и карьерный рост и которые на уровне ценностей и деклараций более остальных ратуют за равноправие

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Возможностей реализовать свои права больше		
	у женщин	возможности равны	у мужчин
Одни считают, что женщины и мужчины имеют равные возможности для продвижения по службе, другие считают, что у мужчин таких возможностей больше. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?			
Женщины и мужчины имеют равные возможности для продвижения по службе	47	44	15
У мужчин таких возможностей больше	41	42	81

В целом среди тех респондентов, кто посчитал, что у женщин не меньше возможностей реализовать свои конституционные права, чем у мужчин, половина соглашается, что к работе, карьере это не относится (табл. 2).

Итак, по мнению очень многих респондентов, в российском обществе преобладает гендерное равенство, хотя в производственной сфере в более выигрышном положении оказываются мужчины.

Несомненно, этот смысловой разрыв во многом объясняется тем, что вопросы заданы на разных уровнях абстрактности и сфокусированы на разных реалиях: один – на конституционных правах (под которыми могут пониматься право участвовать в выборах, право на справедливый суд и т. д.), второй – исключительно на карьерных перспективах. Но, вполне вероятно, некоторые респонденты, заявляя, что на работе возможностей больше у мужчин, в целом же возможности мужчин и женщин равны, подразумевали, что производственное неравенство женщин “компенсируется” другой сферой жизни. Логично предположить, что человек, придерживающийся представлений о “естественном предназначении” женщины, согласно которым основная сфера ее самореализации – не в профессиональной деятельности, а в семье, будет воспроизводить именно такой паттерн ответов.

Заметим, что женщины заметно чаще ощущают себя ущемленными, чем признаются таковыми со стороны мужчин, и что последние, в свою очередь, чаще склонны толковать о равноправии (табл. 3).

Характерный показатель, свидетельствующий об ощущении женщинами своей дискриминированности: по данным упомянутого выше опроса 2005 года, у 17% опрошенных женщин хотя бы однажды возникала мысль, что лучше бы им было родиться мужчинами (и только у 2% опрошенных мужчин возникала мысль, что им было бы лучше родиться женщинами).

Можно было бы предположить, что женщины чувствуют себя более дискриминированными, чем таковыми признают их мужчины, потому что острее воспри-

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Мужчины	Женщины
По Вашему мнению, женщинам в России живется легче или тяжелее, чем мужчинам?		
Легче	11	5
Женщинам и мужчинам живется одинаково	31	18
Тяжелее	50	72
Одни считают, что сегодня в России мужчины и женщины имеют равные возможности для реализации своих способностей. Другие – что у мужчин таких возможностей больше. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы склонны согласиться?		
Мужчины и женщины имеют равные возможности для реализации своих способностей	44	31
У мужчин больше возможностей для реализации своих способностей	43	58

нимают неравенство в плане профессиональной самореализации. Однако в вопросе о шансах на служебное повышение “мужская” и “женская” оценки ситуации различаются не многим – см. *табл. 1* (мужчины реже говорят об ущемленности женщин не столько потому, что чаще усматривают в сложившемся соотношении статусов равенство, сколько потому, что чаще затрудняются ответить – очевидно, для них данный вопрос менее актуален).

Отсюда напрашивается несколько выводов. Во-первых, коль скоро гендерные различия в оценках дискриминированности женщин проявляются в отношении самореализации и жизни в целом, но практически незаметны в отношении работы/карьеры, значит, причина в том, что женщины чаще мужчин усматривают несправедливость в распределении домашней нагрузки или в факте “двойной занятости” – необходимости совмещать работу по найму и работу по дому* (а может, и вообще в самой необходимости работать – к этому мы перейдем позже). Во-вторых, осмелимся предположить, что если женщины, сходным с мужчинами образом оценивая собственные шансы на карьерный рост, в то же время ниже оценивают свои шансы на реализацию способностей, то это значит, что женщины реже, чем предполагают мужчины, чувствуют возможность реализовать себя в семье.

В принципе, большинство россиян (72%) считают нужным, чтобы женщины имели равные с мужчинами возможности для продвижения по службе; противоположной точки зрения придерживаются 14% наших сограждан (опрос от 28–29 февраля 2004 г.).

Последние обосновывают свою позицию, ссылаясь на идею “естественного предназначения” полов и традиционную, патриархатную модель гендерного распределения ролей: они утверждают, что призвание и место женщины – это семья, а призвание и место мужчины – это работа, и не следует изменять такой порядок вещей. Некоторые упоминают про “силу” мужчины и про “слабость” женщины, предопределяющие подобное разграничение сфер.

“А чего им <женщинам> там делать? Семьями надо заниматься”; “дети, семья – для женщины это главное”; “<женщины> должны сидеть дома – готовить, убирать”; “женщины природой нацелены на создание семьи”; “женщина – хранительница очага”; “женщина слабее”; “мужик должен обеспечивать жену”; “мужчина – добытчик”; “мужчина – сильная половина женщины” (ответы на открытый вопрос).

Но и среди тех, кто высказывается за равенство гендерных возможностей в профессиональной сфере, есть такие, кто отталкивается от той же патриархатной модели гендерного взаимодействия – однако, учитывая реальную социальную ситуацию, несколько корректирует свои взгляды. Некоторые из участников опроса упоминали, что сегодня женщины просто вынуждены добиваться возможности работать наравне с мужчинами – и часто не от хорошей жизни: им надо обеспечить себя и семью. За этими репликами стоит априорное убеждение, что если бы была такая возможность, женщины предпочли бы опереться на “мужчину-добытчика” и снять с себя обязанность зарабатывать на кусок хлеба.

“Потому что есть и матери-одиночки”; “так как не всегда есть опора в жизни, и приходится рассчитывать на свои возможности” (ответы на открытый вопрос).

* Отметим, что в ходе общероссийского опроса, проведенного 1–2 марта 2003 года, почти половина респондентов (48%) сообщили, что в большинстве знакомых им семей домашним хозяйством занимаются в основном женщины. О том, что их знакомые делят домашние дела поровну, говорят 39% опрошенных; о том, что в семьях их знакомых мужья работают по дому больше жен, заявляют 4%.

Следует отметить, что внятные ценностные обоснования необходимости равных карьерных возможностей для мужчин и женщин в общем массиве ответов встречаются нечасто. Выступающим против гендерного равенства и за патриархатную модель гендерной организации общества удастся более четко объяснить свою точку зрения (возможно, потому, что они ссылаются на более укорененную в культуре модель). В большинстве своем суждения респондентов, в той или иной степени склоняющихся к идеалу гендерного равенства, амбивалентны и не содержат четкого ценностного обоснования этой позиции. Но все же здесь можно выделить три типа мотивов.

Первый тип аргументации – это отсылка к общедемократическому принципу равенства, согласно которому в обществе на институциональном уровне недопустима какая-либо дискриминация. Заметим, это не противоречит идее об определенном “естественном неравенстве” – речь идет не о равенстве потенциалов, а о принципиальном равенстве прав.

“Живем не в Африке”; “мы не мусульмане”; “я считаю, что ни к чему снова надевать на нее чадру” (ответы на открытый вопрос).

Вторая группа мотивов – утверждение, что женщины обладают не меньшими, чем мужчины, способностями и потенциалом, и посему способны трудиться с ними на равных.

“Знания и работа от пола не зависят” (ответ на открытый вопрос).

Заметим: реплики о том, что женщины по своему деловому и профессиональному потенциалу превосходят мужчин, звучали даже чаще, чем суждения о равенстве женщин и мужчин по данному критерию.

Третья группа доводов – это признание стремления женщин ориентироваться на карьерный рост столь же обоснованным, правомерным и естественным, как и аналогичное стремление мужчин.

“Женщины тоже хотят делать карьеру”; “пускай, если женщина хочет себя реализовать”; “пускай, если хочет, делает карьеру”; “пусть будут сильные женщины”; “пусть реализует свои возможности”; “пусть самоутверждаются”; “если женщина выбирает такой путь – дело ее”; “если им хочется, то пусть”; “женщина должна сама выбирать, что ей делать” (ответы на открытый вопрос).

В целом мужчины несколько чаще склонны придерживаться патриархатной модели гендерного распределения ролей в обществе и на производстве, а женщины несколько чаще выступают за гендерное равенство. По данным опроса от 28–29 февраля 2004 г., о необходимости равенства возможностей для продвижения по службе говорят 67% мужчин и 75% женщин; не считают это нужным 17% мужчин и 12% женщин*.

Интерпретации сути равенства в профессиональной сфере могут быть очень различными в зависимости от того, воспринимаются ли мужчина и женщина как существа, принципиально сходные по своим способностям и потенциалу или как принципиально различающиеся по этим характеристикам. В опросе от 26–27 февраля 2005 г. была сделана попытка выявить представления на этот счет, бытующие в российском обществе.

Известно, что гендерное неравенство выражается, помимо прочего, в разделении профессий на “женские” и “мужские”, причем профессии, связанные с более высоким социальным статусом и более высокими доходами, как правило, “закреплены” за мужчинами. Чем объясняют подобное положение дел обычные люди – “природным” превосходством мужчин (и сравнительной неконкурентоспособностью женщин) или какими-либо социальными факторами? Отвечая в феврале 2005 г. на соответствующий вопрос, треть опрошенных россиян (33%) сказали, что разделение профессий на “женские” и “мужские” предопределено природой. Половина опрошенных (51%) склонны думать, что такая дифференциация профессий предопределена устройством общества. Достоин внимания, что женщины и мужчины отвечают на этот вопрос практически одинаково.

Выше мы рассматривали вопрос о тех возможностях реализовать свои способности, которыми располагают мужчины и женщины (напомним, треть опрошенных считают, что представители обоих полов в этом отношении равны, половина – что у мужчин таких возможностей больше). Любопытно и несколько неожиданно, что и те, кто объясняет разделение профессий на “женские” и “мужские” “естественным предназначением”, и те, кто объясняет его общественным устройством, в данном случае думают одинаково – соотношение долей признающих и отрицающих наличие гендерного неравенства в возможностях самореализации в этих группах совпадает. Это означает, вероятно, что сегодня в нашем обществе дискриминация усматривается не в самом факте гендерного разделения сфер деятельности, а в различных проявлениях гендерного дисбаланса внутри этих сфер.

Судя по ходу обсуждения этой проблематики на фокус-группах, данное предположение недалеко от действительности: участники дискуссий практически не усматривали никакой дискриминации в сложившейся гендерной дифференциации профессий, но много говорили о том, что руководящие должности (более высокооплачиваемые и более престижные), пусть даже невысокого уровня, для женщин зачастую оказываются недоступны.

Конечно, в ходе дискуссий временами, в качестве объяснений подобного положения дел, звучали утверждения о большей природной одаренности мужчин и о сравнительной бесталанности женщин (хороших “низовых” исполнителей, но плохих специалистов, и уж практически никогда – профессионалов своего дела). Характерно, что говорили об этом преимущественно мужчины. Но отнюдь не реже (в основном женщинами) высказывалось мнение, что причина, в силу которой мужчины и женщины занимают столь разные профессиональные позиции,

Треть опрошенных (33%) сказали, что разделение профессий на “женские” и “мужские” предопределено природой, половина (51%) – склонны думать, оно предопределено устройством общества. Женщины и мужчины отвечают на этот вопрос практически одинаково

* Подробнее см.: Вовк Е. Права и возможности женщин: работа, зарплата, карьера? // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 9.

И мужчины, и женщины, участвовавшие в фокус-группах, согласно говорили о том, что на работе на женщину изначально смотрят не как на специалиста, а как на человека, безусловно и неизбежно обремененного семьей

заключается не в различии способностей, а в первую очередь в том, что мужчины могут уделять своей работе значительно больше времени, чем женщины. Если первые вольны целиком посвятить себя профессии и карьере, то вторым приходится прерывать трудовую деятельность на время декретных отпусков, а затем уделять много времени воспитанию и уходу за детьми.

“У него [мужчины] большие времени для развития своих каких-то <способностей>, личности, то есть он не отвлекается больше ни на что. У женщины много других забот, мужчина обычно не участвует во всем этом” (ДФГ, Москва, 2005 г.).

“Отличие женщин заложено природой, потому что она еще помимо всего мать, не надо этого забывать. И, наверное, уже это является различием, это накладывает на ее работу ограничения определенные. Она не может все время двигать науку, потому что <...> она уходит в декрет, она сидит с детьми на больничном” (ДФГ, Воронеж, 2005 г.).

Кроме того, по мнению некоторых участников фокус-групп, гендерные различия в профессиональной деятельности объясняются различием общих жизненных установок мужчин и женщин (одни относят их на счет природных психологических особенностей, другие – на счет особенностей воспитания): если мужчина изначально ориентирован на конкуренцию и карьерные достижения – неважно, какой ценой, то женщина ориентирована на уступки и в первую очередь думает о сохранении семьи.

“Все равно он будет писать, рисовать что-то лучшее – она ему просто уступит. Это свойственно женщине, что если они как бы на равных и у них какие-то <близкие отношения>, у нее слабость какая-то к нему, что ли, – она все равно уступит” (ДФГ, Москва, 2005 г.).

“Когда нужно идти... так сказать, в толпу, в войну, куда угодно, идти вперед, на подвиг, на высшие посты, где требуется быть прилюдным, скажем, и отрубить все хвосты сзади... – на эти специальности женщина не способна. <...> Тут еще и воспитание. Мне кажется, что просто мужчины предрасположены выяснять, кто сильнее, друг с другом, <...> либо в спорте, либо в бизнесе... А женщины, мне кажется, к этому не стремятся. У них другая энергетика и другие цели” (ДФГ, Санкт-Петербург, 2005 г.).

“Мужчина может кинуться на амбразуру, а женщина подумает, что дома муж и дети...” (ДФГ, Санкт-Петербург, 2005 г.).

Важно, что окружающие оценивают мужчин и женщин именно с точки зрения их соответствия устоявшимся гендерным моделям биографии. По мнению некоторых участников фокус-групп, главная причина, предопределяющая профессиональные различия мужчин и женщин, – это различие применяемых к ним критериев оценки успешности, которым поневоле приходится соответствовать.

“На мужчину возлагается изначально больше каких-то, я не знаю, <ожиданий>. Вот даже встречаются, например, одноклассники, не виделись пять лет, – спросят у мужчины: ну где ты работаешь, сколько зарабатываешь? У женщины могут этого даже не спросить” (ДФГ, Москва, 2005 г.).

Наличием этих комплексов предписанных ролей предопределяется и дискриминация женщины на работе: и мужчины, и женщины, участвовавшие в фокус-группах, согласно говорили о том, что на женщину изначально смотрят не как на специалиста, а как на человека, безусловно и неизбежно обремененного семьей (если она бездетная – значит может уйти в декрет; если есть дети – значит будет брать больничный и отпрашиваться, чтобы забирать их из школы; если дети уже выросли – значит скоро будет сидеть с внуками). Подобному стереотипу находит множество подтверждений. Участники фокус-групп приводили немало дока-

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	1990 г.*	4–5 марта 1995 г.	3–4 марта 2001 г.	2–3 марта 2002 г.	26–27 февраля 2005 г.
Если бы у Вас в семье была (или если есть) дочь-подросток, то с чем прежде всего Вы связывали бы ее будущее – с удачным замужеством или с хорошей работой?					
С удачным замужеством	64	46	27	26	27
С хорошей работой	19	36	64	62	62
❖ ВЦИОМ. Всесоюзный опрос городского и сельского населения. Июнь 1990 г. 2604 респондента.					

зательств тому, что мужчина имеет больше возможностей посвятить себя работе, чем женщина; а респонденты-женщины не отрицали, что, придя на работу, не могут полностью отключиться от домашних забот.

Полученные материалы дают основание говорить, что сегодня основным источником трудовой дискриминации женщин в нашем обществе считается не стереотип, приписывающий им профессиональную несостоятельность, а стереотип, согласно которому женщина хочет и должна посвящать себя в первую очередь семье. Надо заметить: общественное устройство и мораль зачастую вынуждают женщин поступать именно так, вне зависимости от их личных желаний и устремлений.

Рассмотренный сюжет подводит нас к вопросу, с какой из двух сфер жизни – с семьей или с работой – россияне прежде всего связывают самореализацию женщины.

С одной стороны, по мнению респондентов, работа имеет важное значение в жизни современной российской женщины. Отвечая на вопрос, с чем они связали бы будущее своей дочери-подростка (как в реальной ситуации, так и в гипотетической), 62% опрошенных выказали предпочтение хорошей работе перед удачным замужеством – фактически отказавшись от патриархатной гендерной модели, согласно которой женщина должна в первую очередь заниматься семьей, а материальное обеспечение жены и детей должно быть заботой мужчины (опрос от 26–27 февраля 2005 г.). В том же опросе 27% опрошенных, по их словам, связали бы будущее своей дочери в первую очередь с удачным замужеством, а не с хорошей работой.

Нельзя не отметить, что еще относительно недавно соотношение мнений россиян по данному вопросу было ровно противоположным: как видно из табл. 4, в 1990 году две трети респондентов склонны были связывать будущее дочери-подростка с удачным замужеством, и лишь одна пятая – с хорошей работой. В последующее десятилетие представления россиян о том, от чего больше зависит будущее женщины – от нее самой или от ее мужа – “перевернулись” и затем, в 2000-е годы, оставались неизменными.

С другой стороны, интерпретируя рассматриваемый вопрос, нельзя не принять во внимание то, что, отдавая предпочтение либо удачному замужеству, либо хорошей работе, респонденты могли исходить не только из ценностных соображений (как строить свою жизнь женщине, где себя реализовывать), но и из прагматических (какая из стратегий сегодня лучше работает, приносит больший выигрыш)*. Так, некоторые участники опроса могут считать, что по-хорошему

* Характерно, что даже респонденты, считающие разделение профессий на “мужские” и “женские” обусловленным природой – то есть в известной мере принимающие точку зрения о “естественном предназначении” полов как о регуляторе гендерных отношений в обществе, – высказываются в пользу ставки на замужество не намного чаще, чем респонденты, полагающие разделение профессий социально обусловленным.

Сегодня основным источником трудовой дискриминации женщин в нашем обществе является не стереотип, приписывающий им профессиональную несостоятельность, а стереотип, согласно которому женщина хочет и должна посвящать себя в первую очередь семье

девушке следовало бы посвятить себя мужу и детям, но признавать, что в сложившейся социальной ситуации женщине лучше надеяться только на себя и уметь, при необходимости, материально себя обеспечить. Другие, напротив, могут считать, что женщине важно реализовать себя в профессиональном плане, но признавать, что в нынешней социальной ситуации ей крайне сложно самостоятельно обеспечить себе достойное существование.

Имеющиеся данные подтверждают наше предположение, что работа (как, впрочем, и брак) – не всегда и не для всех самостоятельная биографическая ценность, рассматриваемая как возможность реализовать себя; многие женщины, даже среди успешно приспособившихся к современным условиям, рассматривают работу как вынужденную, как необходимость, вызванную тем, что мужчины перестали выполнять свою исконную обязанность по обеспечению семьи.

“Мне не нравится, что общество приравняло женщин к мужчинам, уравнивало в смысле требований. Ты должна быть на уровне, ты должна зарабатывать, ты должна соответствовать. Почему ты ждешь, что тебе принесут деньги? Иди зарабатывать. А если женщина создана для семьи? Ведь не каждая женщина... Исходные позиции разные у женщин бывают. Я всегда хотела иметь пятерых детей – сейчас одного не знаю как прокормить. И все – сидишь и выкручиваешься. Мужчина должен быть мужчиной, а женщина... Не надо так уравнивать, что все равны, у всех две ноги, две руки. Мужчины и женщины разные по сути своей, по ориентации на ценности. Мужчина должен добиваться чего-то, он куда-то хочет стремиться, он должен достичь, и он этим гордится. А женщине главное – семья, в моем понимании” (ДФГ, Санкт-Петербург, 2002 г.).

Любопытны представления респондентов о причинах, по которым российские женщины сегодня ходят на работу. Об этих представлениях можно судить по ответам на вопрос, что предпочли бы большинство женщин – работать или не работать, – если бы в семье было достаточно денег (опрос 3–4 марта 2001 года). Как свидетельствуют полученные данные, в нашем обществе не сложилось единого представления о том, что является приоритетом для современной российской женщины: работа или семья. По мнению половины респондентов (49%), большинство женщин предпочли бы работать, даже если бы в семье было достаточно денег, а 43% опрошенных считают, что в этой ситуации большинство женщин работать бы не стали.

Надо отметить, что, по данным того же опроса, первая точка зрения более характерна для женщин, чем для мужчин; мужчины же значительно чаще полагают, что роль домашней хозяйки является желанной для большинства женщин (табл. 5).

Впрочем, было бы ошибкой счесть, будто за представлениями о нежелании женщин работать всегда стоит гендерный стереотип, согласно которому женщине естественно посвятить себя семье. Есть основания говорить, что стремление не работать – вполне легитимная в нашей культуре установка, распространенная не только среди женщин, но и среди мужчин*.

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Мужчины	Женщины
Как Вы считаете, большинство российских женщин предпочли бы работать или не работать, если бы в семье было достаточно денег?		
Работать	42	55
Не работать	48	39

* Согласно данным опроса, проведенного 28–29 декабря 2002 года, около половины работающих мужчин и женщин бросили бы свою работу, если бы имели достаточно денег // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2003. № 1–2.

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

	Будущее дочери-подростка связывали бы	
	с удачным замужеством	с хорошей работой
Как Вы считаете, большинство российских женщин предпочли бы работать или не работать, если бы в семье было достаточно денег?		
Работать	42	52
Не работать	50	41

Тем не менее, поскольку вопрос о предполагаемых предпочтениях женщин задавался одновременно с вопросом о предпочитаемой жизненной стратегии для дочери-подростка, мы можем оценить, какая доля опрошенных рассматривает работу как способ самореализации для женщины, а какая – как средство выживания (табл. 6). Соответствующие данные были получены в опросе от 3–4 марта 2001 года.

В целом по выборке 32% опрошенных связывали бы будущее своей дочери в первую очередь с хорошей работой и уверены, что большинство женщин предпочли бы работать, даже будучи хорошо обеспеченными. Скорее всего, эти респонденты признают работу основной сферой профессиональной самореализации женщины. 11% опрошенных приоритетным считают замужество, но вместе с тем также думают, что большинство женщин предпочли бы работу роли домохозяйки. В данном случае работа также рассматривается как сфера самореализации, но, по всей видимости, второстепенная после семьи. Возможно, впрочем, что часть опрошенных из этой группы ставят замужество на первое место потому, что в российском обществе мужчина больше зарабатывает*. 26% опрошенных связывали бы будущее своей дочери с хорошей работой, но уверены, что большинство женщин предпочли бы не работать, если бы в семье было достаточно денег. Очевидно, что в данном случае работа рассматривается как вынужденная мера, не соответствующая “призванию” и “предназначению” женщины.

Как бы то ни было, критерием благополучия и успешности женщины по-прежнему являются брак и семья.

В опросе от 2–3 марта 2002 года его участникам был задан открытый вопрос на эту тему – их попросили закончить предложение: *“Сегодня женщину можно назвать благополучной, если...”*. На первое место в перечне условий женского благополучия вышли хорошие отношения в семье (33%): *“если в доме мир и теплые отношения”*; *“в доме взаимопонимание”*; *“жить с мужем душа в душу”*. По мнению 11% опрошенных, у благополучной женщины обязательно должны быть дети: *“если у нее есть как минимум двое детей”*; *“у нее есть любимое чадо”*. По мнению 12% респондентов, для благополучной женщины важно удачное замужество, причем чаще всего “удачным” супругом наши соотечественники считают мужчину обеспеченного.

О том, что у благополучной женщины должна быть хорошая работа, упоминается в полтора раза реже, чем о семье, – в 22% ответов.

Если немного поднять планку и говорить не просто о благополучной, а об успешной женщине, то в этом случае, судя по обсуждению данного аспекта темы на фокус-группах 2002 года, значимость работы и карьеры возрастает. Но, описывая успешную женщину, участники ДФГ, как правило, обращались к образу “бизнес-леди”, которая предпочла *карьеру семье*. Про такую женщину говорят как про независимую и мало в чем уступающую мужчине, но, как правило, несчастную в личной жизни и потому ущербную.

“Всю жизнь женщина – это была душа семьи. Семья, конечно, должна быть на первом месте. То, что женщина занимается бизнесом, это хорошо, но не

* Некоторые же, надо думать, просто-напросто считают, что для счастливой жизни важнее взаимопонимание и лад в семье, чем работа.

*очень. <...> И вот женщины, у которых семья на первом месте, – семья сохраняется, а женщины, у которых бизнес, – даже если будет семья, она вполне может распасться”** (ДФГ, Санкт-Петербург, 2002 г.).

Мнения россиян о совместимости семьи и работы в жизни женщины далеки от однозначных. Согласно данным того же мартовского опроса 2002 г., 53% опрошенных считают, что наличие семьи не мешает женщине полноценно работать. 37% уверены, что, имея семью, женщина не может работать с полной отдачей (мнения мужчин и женщин по этому вопросу заметно расходятся: последние чаще первых полагают, что семья работе не помеха).

Но есть и другая сторона вопроса. Как следует из материалов фокус-групп, люди далеко не всегда уверены в том, что работающая женщина может быть хорошей женой и матерью.

“Мне кажется: зачем мужчине, который рядом, нужна карьера женщины? Она должна заниматься семьей, детьми. Это во-первых. А во-вторых, <...> даже в моем возрасте, допустим, стоит выбор: семья или карьера? Потому что их совместить нельзя” (ДФГ, Воронеж, 2002 г.).

Итак, женщины оказываются перед необходимостью выбирать между семьей и карьерой, преуспеть в обеих областях разом весьма непросто. Перед мужчинами же такого выбора не стоит: во-первых, на них не лежит обязанность повседневной заботы о семье, во-вторых, их успешность оценивается именно по карьерным достижениям. Женщины, участвовавшие в фокус-группах 2005 г., говорили, что именно свобода мужчин распоряжаться собой и отсутствие подобной свободы у женщин предопределяют различия в их трудовой мобильности и гендерное неравенство в сфере труда. Заслуживает внимания, что в данном случае мужчины соглашались с утверждениями женщин и подтверждали: строя карьеру, они могут позволить себе гораздо больше, чем женщины, которые “должны” заниматься детьми.

“Если был бы я женщиной, то многого я был бы лишен. По работе я объездил весь Союз, у меня жена в это время сидела с одним маленьким, потом с другим маленьким. У нее такой возможности не было” (ДФГ, Москва, 2005 г.).

“Вы знаете, <у мужчин> просто больше возможностей, действительно. Я прожил такую яркую жизнь, я жил во многих странах, жил во многих республиках, <...> был я с Сахалина до Калининграда. А, будучи женщиной, наверное, я многое себе не мог бы позволить, потому что женщина должна все же как-то быть ближе к семье, ближе к детям” (ДФГ, Москва, 2005 г.).

В целом основной источник дискриминации женщины в обществе россияне склонны усматривать в ее двойной занятости. В частности, это хорошо видно по ответам респондентов на открытый вопрос, почему они считают, что сегодня в России женщинам живется тяжелее, чем мужчинам (опрос 2–3 марта 2002 года). О дискриминации женщин на работе говорилось всего в 8% ответов (“на предприятиях сокращают в первую очередь женщин”; “женщине труднее всего добиться”; “женский труд ценится меньше”**, тогда как об обременительной необходимости совмещать работу с заботой о семье – в 42% ответов. Важно, однако, что, говоря о проблеме двойной занятости, респонденты исходили из разных представлений о норме и предлагали, соответственно, две различные проблематизации женского неравенства (к сожалению, имеющиеся данные не дают возможности оценить доли сторонников каждой из точек зрения). Одни, расценивая заботу о доме и семье как безусловно женскую сферу деятельности, усматривали не-

* Приведем еще одно характерное высказывание: “Если у женщины нет детей, она, мне кажется, не реализовалась сама” (ДФГ, Москва, 2002 г.).

** Подробнее см.: www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2002. № 9.

справедливость в том, что помимо этого женщинам приходится беспокоиться о материальном обеспечении семьи: *“мужчина в России не может содержать семью, все на женщине”*. Другие, подразумевая, что в норме женщина работает так же, как и мужчина, дискриминирующим фактором называли неравное распределение домашних обязанностей: *“в основном заботы о доме и семье – на женщине”*.

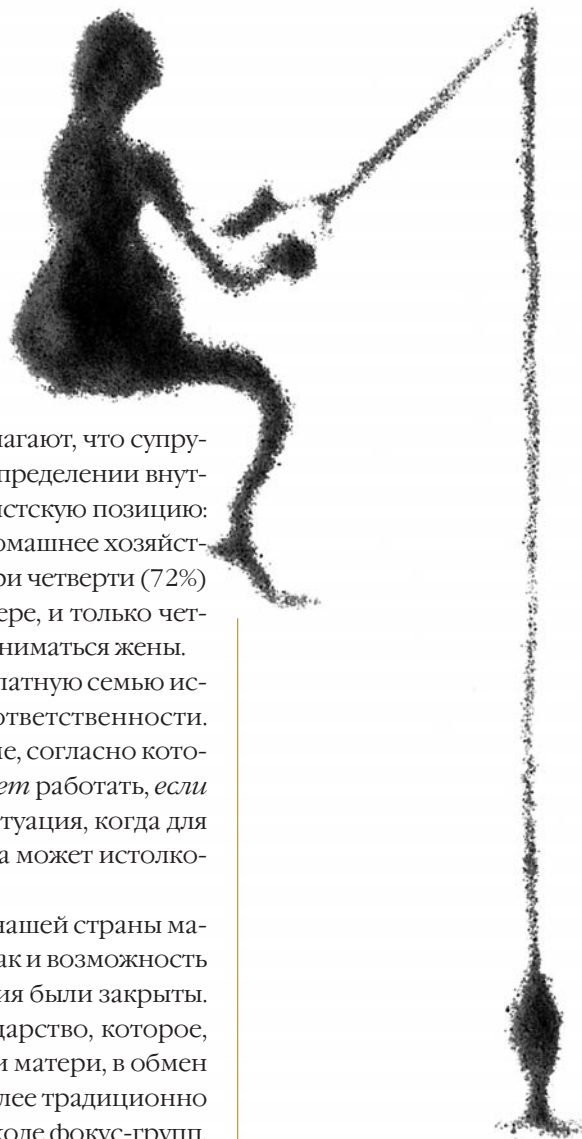
Мы говорили, что почти три четверти россиян высказываются за гендерное равенство в сфере труда (вернее, за равенство шансов на продвижение по службе). Вместе с тем большинство респондентов склонны придерживаться представления о мужчине как о “кормильце”: две трети опрошенных считают, что муж должен зарабатывать больше жены, и только около четверти полагают, что супруги должны зарабатывать одинаково. Когда же речь заходит о распределении внутрисемейных ролей, респонденты куда чаще занимают эгалитаристскую позицию: в опросе от 1–2 марта 2003 г., суждения о том, кто должен вести домашнее хозяйство, распределились ровно противоположным образом – почти три четверти (72%) считают, что оба супруга должны участвовать в этом в равной мере, и только четверть (24%) придерживаются мнения, что хозяйством должны заниматься жены.

В силу этого мы не можем истолковать установки на однозарплатную семью исключительно как легитимацию разделения гендерных сфер ответственности. На наш взгляд, дело здесь в сегодняшних представлениях о норме, согласно которым мужчина *должен* работать и зарабатывать, а женщина *может* работать, *если хочет*. Как следует из изложенных выше данных, временами ситуация, когда для женщины работа оказывается непреложной обязанностью, сама может истолковываться как дискриминация.

Стоит заметить, что установка на однозарплатную семью для нашей страны малохарактерна: в советское время как возможность не работать, так и возможность обеспечить семью на одну зарплату для большей части населения были закрыты. В определенном смысле роль “кормильца” брало на себя государство, которое, возложив на женщин обязанность совмещать роли работницы и матери, в обмен предоставляло широкий пакет социальных гарантий и льгот. Более традиционно для нашего общества другое представление, высказывавшееся в ходе фокус-групп, согласно которому сегодня в нашей стране нет проблемы неравенства мужчин и женщин, а существует проблема плохого социального обеспечения.

Как показывают наши данные, за рассуждениями о равенстве/неравенстве женщин и мужчин в профессиональной сфере стоят совершенно разные жизненные и служебные ситуации, различные степени вовлеченности в проблему и, в конечном итоге, различные культурные модели женской “профессиональной биографии” и модели семьи. В целом сегодня большинство россиян признают за женщиной желание, право, а нередко – и способности, эквивалентные мужским, работать и делать карьеру. Вместе с тем легитимной женской биографией становится также биография домохозяйки.

Однако, обретя как возможность претендовать на профессиональные и карьерные высоты, так и возможность не работать (опции, отсутствовавшие в советское время), женщина столкнулась с противоречиями социокультурного и материального характера. Подытоживая рассуждения участников фокус-групп и данные массовых опросов, можно заключить, что основное неравенство (и фактор дискриминации) мужчин и женщин в сфере труда россияне усматривают в том, что женщина, с одной стороны, не имеет возможности полноценно совмещать семью и работу, а с другой, не может отказаться ни от того, ни от другого. ■

Основное неравенство (и фактор дискриминации) мужчин и женщин в сфере труда россияне усматривают в том, что женщина, с одной стороны, не имеет возможности полноценно совмещать семью и работу, а с другой, не может отказаться ни от того, ни от другого

Развитие системы ипотечного кредитования населения – бесспорно, актуальная задача. Широкое привлечение средств граждан в сферу жилищного строительства может не только содействовать решению собственно жилищных проблем, но и стать прецедентом массового частного инвестирования в национальную экономику. В случае удачи этого начинания можно рассчитывать на рост инвестиционной активности населения и в других сферах – например, на рынке акций российских предприятий. Немаловажно также, что до тех пор, пока цивилизованный рынок ипотечного кредитования отсутствует, его функции выполняет рынок “серых” кредитных схем.

Е. Галицкий

Перспективы рынка ипотечного кредитования: параметры спроса

На пути развития ипотеки стоит много проблем. Такая система кредитования предполагает длительные, многолетние отношения сторон, базирующиеся на взаимном доверии. “Созревание” человека от момента, когда он узнал о возможности улучшить свои жилищные условия с помощью ипотечного кредита, до момента заключения договора с кредитующей организацией – это длинный путь, и сегодня пройти его до конца могут лишь представители небольшой и довольно обеспеченной части населения. Именно к возможностям и предпочтениям этих людей адаптированы параметры представленных сейчас на рынке кредитных продуктов. Отсутствие информации об отношении к ипотечному кредитованию широких слоев населения – о материальной возможности участвовать в ипотечных программах, о доверии к ним и, наконец, о готовности вложить средства в строительство жилья на тех или иных условиях – служит сегодня серьезным препятствием к созданию новых продуктов на рынке ипотечного кредитования.

Одним из способов предварительной оценки перспектив этого рынка служат массовые репрезентативные опросы населения. Подобные исследования, конечно, не дают возможности детально выяснить все, что интересует кредитующие организации, но позволяют изучить реакцию той или иной части населения лишь на основные, самые важные параметры кредитных продуктов.

Методика сбора данных

В конце октября 2005 года Фонд “Общественное мнение” провел опрос на тему ипотечного кредитования населения*.

Фото Н. Павловская

* Общероссийский опрос населения 29–30 октября 2000 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов. Дополнительная выборка – 600 москвичей).

Предполагалось решить следующие задачи:

- оценить долю россиян, готовых взять ипотечный кредит, или пока не готовых, но допускающих для себя такую возможность;
- оценить размеры сумм, которые эти группы населения могут направить в сферу ипотеки при тех или иных условиях кредитования (то есть под определенный процент и с определенным уровнем текущей финансовой нагрузки).

Поскольку в условиях массового опроса детальное, многоаспектное обсуждение предполагаемых сделок затруднено, было решено ограничиться такими параметрами кредитных продуктов, как процент за кредит и размер текущих платежей, включая взносы в счет возврата кредита и на его обслуживание.

В анкету были включены следующие вопросы.

Вопрос	Условное название вопроса
Как бы Вы оценили жилищные условия Вашей семьи: как хорошие, терпимые или плохие?	“жилищные условия”
Сегодня некоторые семьи покупают себе квартиру или жилой дом. Вы бы хотели или не хотели купить себе квартиру или дом?	“установка на покупку жилья”
Вы знаете, слышали или слышите сейчас впервые о том, что можно взять ипотечный кредит: купить жилье, поселиться в нем, а потом выплачивать стоимость кредита по частям?	“информированность об институте ипотеки”
Человек, берущий кредит, всегда возвращает большую сумму, чем взял. В эту сумму входят проценты за пользование кредитом. Предположим, Вы взяли в кредит 800 тысяч рублей на пять лет и купили квартиру. Как Вы думаете, для Вас было бы приемлемо или неприемлемо, если бы, кроме 800 тысяч рублей кредита, Вам пришлось дополнительно заплатить: – 336 тысяч рублей? – 168 тысяч рублей? – 264 тысячи рублей? – 456 тысяч рублей? – 216 тысяч рублей?	“приемлемый процент”
Представьте себе, что Ваша семья взяла ипотечный кредит и купила себе жилье. Как Вы думаете, какую максимальную сумму Вы могли бы ежемесячно выплачивать за кредит?	“ежемесячные выплаты”
А Вы допускаете или исключаете, что Ваша семья когда-либо возьмет ипотечный кредит, чтобы купить себе жилье?	“возможность взять кредит”
Как Вы думаете, если Вы решите купить квартиру или жилой дом, то как Вы скорее всего поступите? (варианты ответов: накоплю деньги; одолжу деньги у родственников, знакомых и т.д.; возьму ипотечный кредит; другое; я не собираюсь покупать квартиру, дом)	“средства на покупку жилья”
Скажите, пожалуйста, предполагает или не предполагает Ваша семья в течение ближайших трех–пяти лет купить квартиру или жилой дом?	“планы покупки жилья (на 3–5 лет)”
От кого в большей степени зависит решение покупать или не покупать квартиру, дом: от Вас или от других членов семьи?	“участие в принятии решения о покупке жилья”

Необходимо пояснить, почему логика построения блока вопросов была именно такой. Вопрос “*жилищные условия*” предназначен для введения респондента в проблемное поле, ответы на него не учитываются при выделении целевой группы, поскольку квартиры и дома покупают себе не только (и не столько) те, кто живет в плохих условиях.

Вопросами “*приемлемый процент*” респонденту, по сути, предлагается оценить степень допустимости для себя следующих годовых процентных ставок: 7%, 9%,

Табл. 1. Расчет сумм, выплачиваемых за пользование кредитом

Ставка	Сумма начислений за пользование кредитом, тыс. руб.					
	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год	весь срок
7% годовых	56	45	34	22	11	168
9% годовых	72,0	57,6	43,2	28,8	14,4	216
11% годовых	88	70	53	35	18	264
14% годовых	112	90	67	45	22	336
19% годовых	152	122	91	61	30	456

11%, 14% и 19%. Остальные условия ипотечного кредитования – 800 тысяч рублей на 5 лет – остаются фиксированными; эти условия не учитываются при выделении целевой группы, а имеют целью создать в разговоре с респондентом контекст, близкий к реальной ситуации.

Сумма 800 тысяч рублей (около 30 тысяч долларов) примерно соответствует средней цене двухкомнатной квартиры по России. При расчете мы исходили из предположения, что кредит возвращается в течение пяти лет равными долями, то есть по 160 тысяч рублей в год. Тогда суммы задолженности на начало каждого года из пяти составят соответственно 800, 640, 480, 320 и 160 тысяч рублей; для простоты примем, что остаток задолженности пересчитывается раз в год (табл. 1).

Данные, представленные в последнем столбце таблицы, включены в вопросы “приемлемый процент”. Порядок вопросов, в которых назывались суммы выплат, был изменен, чтобы исключить его влияние на ответы респондента*.

Таким образом, в случае пятилетнего срока кредитования каждая семья выплачивает строительным организациям 800 тысяч рублей, а кредитующим – 168, 216, 264, 336 и 456 тысяч рублей соответственно. Это означает, что суммарные доходы строительных и кредитующих организаций за этот срок делятся в пропорции: 83:17 при 7% годовых; 79:21 – при 9%; 75:25 – при 11%; 70:30 – при 14% и 64:36 при 19% годовых**.

Анализ полученных данных

По ответам респондентов на вопросы “установка на покупку жилья”, “планы покупки жилья (на 3–5 лет)” и “возможность взять кредит” были выделены 4 группы населения по степени востребованности ипотеки (табл. 2).

Кроме того, в группе “сегодняшние потенциальные заемщики” была особо выделена подгруппа, которую мы будем называть “безусловные”, – в нее вошли те, кто назвал ипотеку при ответе на вопрос “средства на покупку жилья”. Остальные представители группы составили подгруппу “условные”. В итоге получено следующее распределение:

- “сегодняшние потенциальные заемщики” (5,0% населения, или 2,64 млн домохозяйств)***; в том числе:
 - “безусловные” (3,7% населения, или 1,95 млн домохозяйств);
 - “условные” (1,3% населения, или 0,69 млн домохозяйств);

* Важно было добиться, чтобы респондент оценивал каждый вариант кредитования по отдельности. Известно, что когда такие вопросы упорядочивают по убыванию ставки кредита, респондент после двух вопросов начинает выжидать, когда ему предложат более выгодные условия кредитования. А когда, наоборот, их задают в порядке от меньших ставок к большему, респондент вступает с интервьюером в азартную игру и начинает соглашаться без особого обдумывания на все более тяжелые условия кредитования – ведь он не берет на себя никаких обязательств.

** Для простоты исключим из расчетов фактор инфляции.

*** По данным Всероссийской переписи 2002 года, всего в России 52,7 млн домохозяйств.

Табл. 2. Основные группы отношения к ипотечному кредитованию

% от населения

“Установка на покупку жилья”	“Планы покупки жилья (на 3–5 лет)”	“Возможность взять кредит”	
		допускают	другие ответы
Хотят	предполагают	5,0 (сегодняшние потенциальные заемщики)	3,1 (послезавтрашние потенциальные заемщики)
	другие ответы	8,6 (завтрашние потенциальные заемщики)	80,6 (прочие)
Не хотят		2,7 (послезавтрашние потенциальные заемщики)	

- “завтрашние потенциальные заемщики” (8,6% населения, или 4,53 млн домохозяйств);
- “послезавтрашние потенциальные заемщики” (5,8% населения, или 3,06 млн домохозяйств);
- прочие (80,6% населения, или 42,47 млн домохозяйств).

Приведем для каждой группы (за исключением группы “прочие”, которая в настоящее время не представляет интереса для рынка ипотечного кредитования) распределение ответов на вопрос о возможном размере месячных выплат по кредиту (рис. 1).

Мы видим, что наиболее перспективными в финансовом отношении являются “сегодняшние потенциальные заемщики”, и особенно – подгруппа “условные”. Очевидно, многие из этих респондентов именно потому и попали в данную подгруппу, что их финансовые ресурсы позволяют рассчитывать купить квартиру или дом, не прибегая к ипотечному кредитованию. Но это не означает, что при определенных обстоятельствах они не сочтут кредит оптимальным решением. Поэтому в дальнейшем в своих расчетах мы будем основываться на предположении, что эта подгруппа – кандидат в пользователи услуг ипотечного кредитования наравне с подгруппой “безусловные”, представители которой уже сейчас отдают предпочтение ипотеке. Остальные группы на первом этапе развития ипотеки в расчет можно не принимать в силу ограниченности их финансовых возможностей и неготовности либо приобретать жилье за собственные средства, либо пользоваться ипотечным кредитом.

Напомним, что численность группы “сегодняшние потенциальные заемщики” составляет 5% от числа всех домохозяйств страны (или 2,64 млн домохозяйств). Эта группа обладает выраженной спецификой в плане социально-демографических характеристик. Средний возраст ее представителей – 31 год (против 44 лет у “среднего” респондента), а средний доход – в полтора раза выше, чем по выборке в целом. В ней заметно выше средней доля лиц с высшим или незаконченным высшим образованием (26% против 16%), студентов или учащихся (13% против 5%) и женщин (66% против 52%). Важно отметить, что по параметру “тип места

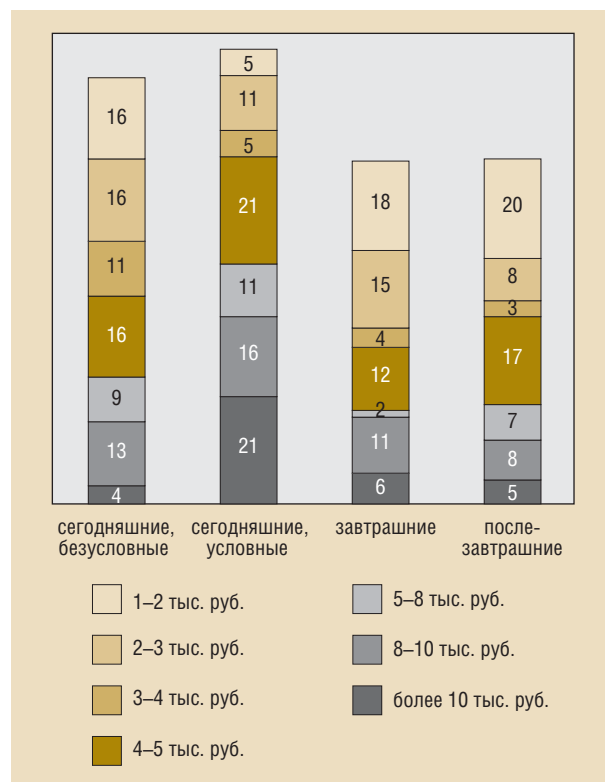

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос “ежемесячные выплаты” в разных группах, % по столбцу (ежемесячные платежи в размере до 1 тысячи рублей не учитываются)

Табл. 3. Число семей из группы “сегодняшние потенциальные заемщики”, для которых допустимы соответствующие ежемесячные выплаты

Допустимые выплаты, тыс. руб.	Число семей, тыс.
1–2	313
2–3	417
3–4	243
4–5	452
5–8	243
8–10	347
Более 10	208

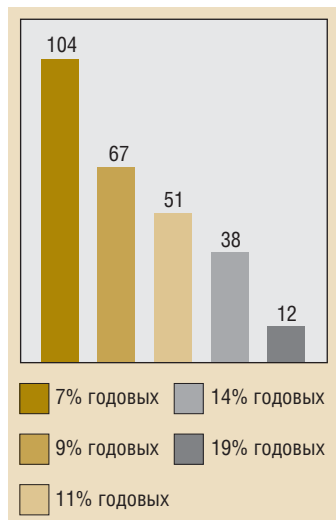

Рис. 2. Предельно возможные годовые размеры выплат группы “сегодняшние потенциальные заемщики” в зависимости от процента за пользование кредитом (при индивидуальной программе кредитования для каждой семьи), млрд руб.

жительства” (мегаполис, крупный город, малый город, село) эти респонденты не отличаются от населения в целом.

Приведем распределение по количеству семей, способных оплачивать те или иные месячные платежи в счет покупки жилья (табл. 3).

В дальнейших расчетах мы приняли, что семьи, отнесенные к определенному диапазону по размеру доступных платежей, в реальности способны платить сумму, равную верхней границе этого диапазона, а семьи из диапазона “более 10 тысяч рублей” – по 20 тысяч рублей ежемесячно*.

Согласие семей зависит также от того, какой процент надо выплачивать за пользование кредитом. Для учета этого обстоятельства ответы респондентов на серию вопросов “приемлемый процент” трактовались нами, исходя из следующего предположения (табл. 4).

Данные о том, сколько семей из группы “сегодняшние потенциальные заемщики” предположительно смогут платить ежемесячно ту или иную сумму при разных процентах годовых, представлены в табл. 5.

По представленным в этой таблице данным можно рассчитать суммарный годовой объем платежей всех семей из группы “сегодняшние потенциальные заемщики” в зависимости от установленного процента за пользование кредитом. При этом сделаем сначала два предположения.

Продолжительность выплаты кредита не ограничена, то есть в кредитных программах смогут участвовать все семьи, начиная с тех, которые способны выплачивать по 2 тысячи рублей в месяц (то есть по 24 тысячи рублей в год).

Каждой семье предложена индивидуальная программа кредитования, при которой она выплачивает наибольшую допустимую для себя сумму.

При сделанных предположениях мы получим максимальные теоретически возможные размеры годовых платежей группы “сегодняшние потенциальные заемщики”.

Данные, приведенные на рис. 2, свидетельствуют о том, что с переходом от достаточно типичной на сегодня ставки 19% к ставке 7% годовых потенциал рынка ипотечного кредитования в принципе может вырасти почти на порядок: с 12 до 104 миллиардов рублей в год.

Покажем теперь, как снижается этот потенциально возможный (при различных процентах годовых) объем рынка по мере установления требований к платежеспособности семей. (Например, если установлена минимально допустимая сумма платежа 60 тысяч рублей в год, в ипотечных программах не смогут участвовать семьи, способные платить в месяц меньше 5 тысяч рублей).

Табл. 4

Ответ на вопрос о приемлемости кредита под тот или иной процент	Вероятность взятия кредита
Безусловно приемлемо	1,00
Вероятно приемлемо	0,90
Скорее приемлемо, чем неприемлемо	0,75
Скорее неприемлемо, чем приемлемо	0,25
Вероятно неприемлемо	0,00
Безусловно неприемлемо	0,00
Затрудняюсь ответить	0,00

* Средний размер доступных платежей по ответам респондентов из этих семей в группе “сегодняшние потенциальные заемщики” составляет 18,6 тысячи рублей в месяц.

Табл. 5. Число семей из группы “сегодняшние потенциальные заемщики”, способных платить ежемесячно разные суммы и согласных на тот или иной процент годовых

Ставка	Размер ежемесячных платежей, тыс. руб.						
	2	3	4	5	8	10	20
7% годовых	176	203	41	198	188	178	165
9% годовых	71	99	38	110	155	152	85
11% годовых	78	72	13	61	127	94	79
14% годовых	78	42	13	38	80	61	69
19% годовых	12	8	0	22	17	27	23

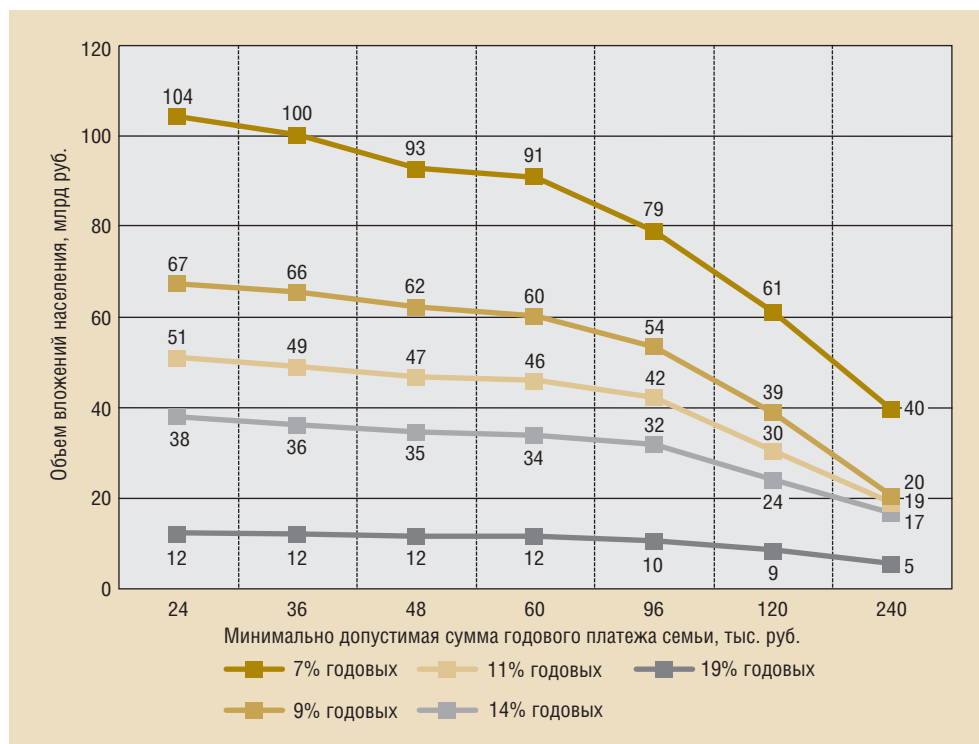

Рис. 3. Предельно возможные годовые размеры выплат группы “сегодняшние потенциальные заемщики” в зависимости от процента за пользование кредитом, млрд руб.

Как видно из данных, представленных на рис. 3, по мере роста требований к платежеспособности семей объем денежных вложений в сферу жилищного строительства резко снижается. (При 7% годовых он падает со 104 до 40 миллиардов рублей в год, то есть в 2,6 раза; при 9% годовых – с 67 до 20 миллиардов рублей в год, то есть в 3,4 раза; при 11% годовых – с 51 до 19 миллиардов рублей, то есть в 2,7 раза; при 14% годовых – с 38 до 17 миллиардов рублей, то есть в 2,2 раза; при 19% годовых – с 12 до 5 миллиардов рублей, то есть в 2,4 раза.)

Таким образом, для полноценного включения в сферу ипотечного кредитования хотя бы той 5%-ной части населения, которая уже сегодня в той или иной степени склонна удовлетворить свою потребность в жилье путем постепенной выплаты собственных средств, необходимо создать значительно более гибкую, чем существующая, систему ипотечного кредитования. Создать такую систему без предоставления обеим сторонам (населению и кредитующим компаниям) государственных субсидий и гарантий едва ли возможно.

Баня в России

Почти половина россиян (46%) с той или иной периодичностью посещают баню, более трети (36%) ходили туда прежде. Никогда не бывали в бане 17% опрошенных. Каждый второй из числа посещающих баню – 23% по выборке в целом – делает это не реже чем раз в неделю, еще 6% – 2–3 раза в месяц.

Хотели бы посещать баню чаще, чем сейчас, 39% респондентов (среди жителей больших городов – 55%). Основные причины, которые мешают этому, – высокая стоимость банных услуг (на нее в ответах на соответствующий открытый вопрос сослались 14% опрошенных) и нехватка времени (13%). Проблемы со здоровьем как помеху для частого посещения бани назвали 6% респондентов. На отсутствие подходящей бани, расположенной достаточно близко, жалуются 10% опрошенных.

Вообще, 38% участников опроса отмечают, что там, где они живут, бань достаточно, 41% – что их не хватает. Особенно ощущим этот дефицит в сельской местности: здесь только 35% респондентов говорят, что баня достаточно, а 52% – что недостаточно.

Более трети из числа посещающих баню (17% по выборке в целом) вынуж-

дены ходить туда из-за отсутствия в доме ванны или душа (на селе – 33%). Но значительно чаще (28%) респонденты сообщают, что возможность помыться дома у них есть, и в баню они ходят по иным мотивам.

Отвечая на открытый вопрос *“Почему, по каким причинам Вы ходите в баню?”*, респонденты, имеющие возможность помыться дома (не имеющим такой возможности вопрос, естественно, не задавался – было бы бестактно), чаще всего заявляли о пристрастии к банным процедурам, центральное место среди которых занимает, конечно, парная; говорили о бане как об источнике телесной и душевной радости, месте, где можно расслабиться, физически отдохнуть. В целом эти темы представлены в ответах 16% респондентов. Близкий, но все же несколько отличный мотив – посещение бани как оздоровительная процедура – прозвучал в высказываниях 5% опрошенных. Еще одна типичная, упоминавшаяся многими причина посещения бани – это возможность легкого, приятного общения с друзьями, с близкими людьми (6%).

Аналогичные доводы, кстати, звучали и в ответах на открытый вопрос о том, чем вообще привлекает баня людей, которые ходят туда, хотя могут помыться дома (этот вопрос задавался всем участникам опроса). Тут баня ассоциировалась прежде всего со здоровьем – 25% (*“первый доктор – баня”*), с тем, что это парилка, веник, пар и жар (22%). О возможности тесного, интересного, веселого общения говорили 20% респондентов. По всей видимости, обе эти позиции объединены в третьей группе ответов – в суждениях тех, по мнению которых *“баня – это огромное*

удовольствие” и *“отдых”, “кайф”* (20%). Другие мнения (баня – это особый ритуал, давняя русская традиция, место, где можно хорошо выпить, и др.) высказывали по 3% респондентов и менее.

Наибольшей популярностью у любителей *“банного образа жизни”* пользуется русская баня: 21% отметили, что чаще всего посещают именно ее, и лишь 5% опрошенных заявили, что отдают предпочтение финской бане.

Из типов банных заведений, посещаемых наиболее часто, на первом месте стоит своя собственная баня, сауна – ими пользуются 9% опрошенных (почти каждый третий из числа приверженцев *“банного образа жизни”*). Несколько реже назывались бани, принадлежащие знакомым или родственникам респондента (5% по выборке), общие отделения общественных бань (5%), маленькие коммерческие бани, сауны (4%) или бани, сауны при спортивных залах, бассейнах, косметических салонах (3%). Отдельные номера в общественных банях посещают сколько-нибудь регулярно немногие – 1% опрошенных.

Чаще всего в баню ходят с друзьями и родственниками – 14 и 11% соответственно (39 и 31% среди любителей бань). Однако 8% опрошенных посещают баню в одиночку, без компании.

Любимые *“банные напитки”* – пиво (9%) и чай (7%). Вино, водку и другие крепкие напитки пьют в бане, согласно полученным ответам, всего около 2% респондентов, а 6% вообще ничего не пьют.

У 8% опрошенных посещение бани не сопряжено с какими-либо расходами (напомним, многие ходят в свои собственные бани либо к друзьям и родственникам), 7% тратят на посещение до 100 рублей, еще 7% – от 100 до 500 рублей. Более внушительные суммы тратят менее 2% респондентов (около 5% от числа сравнительно регулярно посещающих баню).

Ирина Шмерлина

Безопасность на дорогах

Известно, что люди делятся на водителей и пешеходов, и взаимопонимания между первыми и вторыми обычно не наблюдается, по крайней мере у нас. Данные проведенного ФОМом опроса подтверждают, что культура дорожного движения в нашей стране оставляет желать лучшего.

По словам опрошенных, 56% из них приходилось видеть ДТП с участием водителей и пешеходов, а 18% попадали в такие ситуации лично (10% – в качестве водителей, 7% – в качестве пешеходов, 1% – и в том, и в другом качестве). При этом большинство респондентов (60%) придерживаются мнения, что виновниками ДТП одинаково часто оказываются и водители, и пешеходы. А те, кто склонен возлагать ответственность главным образом на одну из сторон, вчетверо чаще обвиняют водителей (28%), чем пешеходов (7%). Отметим, что мнения водителей и пешеходов по этому вопросу совпадают.

Участников опроса попросили ответить, какие действия пешеходов и водителей, на их взгляд, чаще всего приводят к ДТП (оба вопроса задавались в открытой форме). По мнению респондентов, пешеходы провоцируют ДТП тем, что не соблюдают правила дорожного движения и переходят дорогу в неположенном месте (31%), невнимательны и рассеяны – «не смотрят по сторонам» (28%), пересекают дорогу перед близко идущим транспортом (16%), причем нередко – в нетрезвом виде (11%), вообще проявляют безрассудность,

беспечность – недооценивают опасность (6%) и т. д.

Что касается водителей, то они, по мнению респондентов, провоцируют ДТП чаще всего тем, что садятся за руль в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (45%), а кроме того – превышают скорость (30%), нарушают правила дорожного движения или просто не знают их (15% и 7% соответственно), недостаточно внимательны на дорогах (10%) и не проявляют должного уважения к окружающим (6%).

По словам 25% опрошенных, там, где они живут, водители обычно пропускают пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах («зебрах»); доля тех, кто утверждает обратное, вдвое больше – 51%. При этом чем крупнее поселение, тем чаще респонденты говорили, что водители не пропускают пешеходов, и реже – что пропускают: в мегаполисах процентное распределение ответов по соответствующему вопросу составило 68:22, тогда как в малых городах – 53:32.

По общей оценке респондентов, за последние год-два там, где они живут, ситуация с безопасностью движения не изменилась (40%) или ухудшилась (39%), особенно часто на это жаловались жители малых городов (49%). Только 12% опрошенных говорят, что ситуация изменилась к лучшему. И в большинстве своем респонденты придерживаются мнения, что сегодня следует ужесточать наказания за нарушения правил дорожного движения – причем не только водителями (72%), но и пешеходами (62%). Против ужесточения наказаний выступают 16% и 22% опрошенных соответственно.

Вместе с тем, несмотря на общую пессимистическую оценку ситуации на дорогах и преобладание точки зрения о необходимости ужесточения наказаний за нарушение правил, несмотря на то, что водители чаще, чем пешеходы, признаются виновными в ДТП, 10% опрошенных (среди молодежи – 19%) не осуждают тех, кто покупает водительские права. Обосновывая в ответах на открытый вопрос свою позицию, одни говорят, что такие люди уже умеют водить машину (3%), другие – что на экзаменах в ГАИ и автошколах начинающим водителям чинится множество препятствий и у них не остается иного выхода (2%), а некоторые просто считают, что это «личное дело каждого» (1%), тем более что в нашей стране все продается и покупается (1%).

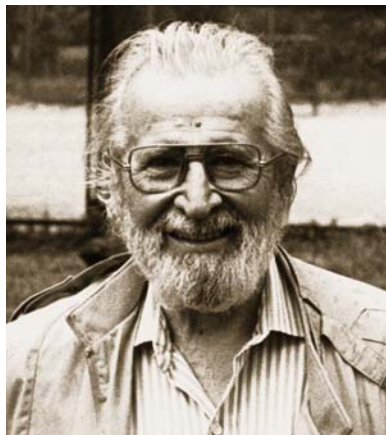
Кстати, по данным опроса, у 5% из числа тех, кто садится за руль часто, и у 28% тех, кто ездит редко, водительских прав нет. А в действительности эти цифры могут быть даже больше – ведь вполне вероятно, что некоторые из водителей не захотели откровенничать на столь скользкую тему в беседе с интервьюером.

Елена Вовк

Общероссийский опрос населения от 3–4 декабря 2005 г. (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

My Job is

У нас в гостях Борис Андреевич Грушин

Доктор философских наук, профессор Борис Андреевич Грушин – один из основателей советской теоретико-эмпирической социологии. Во-первых, он – философ и методолог социологии, значительно углубивший понятийный аппарат этой науки. Во-вторых – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массового сознания, общественного мнения, идеологических процессов, функционирования СМИ, политических процессов. В-третьих, он долгие годы целенаправленно и успешно занимается разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации.

Борис Андреевич Грушин – автор ряда книг, по которым учились все поколения советских и российских социологов. В последние годы он работает над грандиозным проектом “Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения”, в котором предполагается рассмотреть состояние массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Первые тома этого исследования уже опубликованы.

Борис Андреевич Грушин любезно согласился ответить на вопросы членов ФОМ-Клуба. Всего было задано несколько десятков вопросов*.

Борис Андреевич отобрал самые интересные из вопросов и подготовил текст, логически связывающий все ответы воедино.

Итак, можно сказать, лед тронулся. В первые две недели ноября 13 участников нашего клуба задали мне 21 вопрос. Вопросы, конечно, очень разные, и это естественно. Я разбил их на две группы, на два класса. К первой группе я отнес вопросы, которые связаны с общими проблемами интерпретации и изучения общественного мнения, а ко второй – вопросы, связанные с инструментарием этого изучения, с различными методами и техниками, применяемыми поллстерами и другими людьми, занимающимися изучением сознания.

Первая группа сюжетов, безусловно, заслуживает самого серьезного обсуждения. Но за ними я почувствовал некоторую, а может быть, даже ярко выраженную, многозначность толкования понятия “общественное мнение”. Как кажется, большинство задающих вопросы не видят здесь никакой проблемы с самим определением феномена общественного мнения. Не случайно никто не спросил, как я понимаю этот феномен. Правда, один из участников дискуссии, а именно **Александр Леонидович Ивлев**, сказал, что он в своей работе часто использует “усеченное представление об общественном мнении как о неформальном модуляторе общественного сознания, топологизаторе локальных общественных отношений и валидаторе социальных иерархий”. В ответ на это мне прежде всего хотелось бы, не в обиду автору этих слов, сослаться на классика. Помните: “Друг Аркадий, не говори красиво”?

* Авторы вопросов: Ефитов Григорий Леонидович (Институт проблем управления РАН, Москва); Костомаров Евгений Александрович (регулярный участник клубных дискуссий); Ивлев Александр Леонидович (директор Аналитического центра инфокоммуникационных технологий, Новосибирск); Бурко Виктор Александрович (к.с.н., сотрудник администрации Пермской области); Кацук Николай (научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси); Феодоритов Юлий Иванович (шеф-редактор сайта ОАО “Первый канал”); Антипин Павел Владимирович (социолог-исследователь); Иванова Мария; Тарусин Михаил Аскольдович; Подгорнов Михаил Юрьевич (социолог, Москва); Черняк Юрий Геннадьевич (преподаватель социологии Белорусского государственного университета); Андреев Андрей (социолог, Москва).

С заданными вопросами и полным текстом дискуссии можно познакомиться на сайте ФОМ-Клуба в разделе “Гости Клуба” (<http://club.fom.ru>).

Но, тем не менее, определение общественного мнения как модуса общественного сознания, или массового сознания, является, безусловно, заслуживающим рассмотрения. Это суждение оказалось единственным во всем потоке вопросов, что свидетельствует, видимо, о некотором недопонимании важности исходного определения во всей практике изучения общественного мнения, в частности, о некоторой недооценке вопроса, существует ли вообще общественное мнение в нашем обществе. Я впервые поставил этот вопрос сорок лет назад, но должен признать, что он актуален и по сей день.

Надо сказать, что в связи с моим юбилеем, страшно сказать, с 75-летием, Левада-Центр на своем сайте обратился ко мне с некоторым посланием, в котором, помимо всего прочего, были такие слова: “Борис Андреевич как-то в сердцах написал, что в этой стране нет общественного мнения, но именно он сделал едва ли не больше всех остальных для того, чтобы это общественное мнение было”. Спасибо, разумеется, за такую высокую оценку моей деятельности, но хотел бы возразить. Борис Андреевич написал это отнюдь не в сердцах, а, как говорится, в здравом уме и твердой памяти. При этом я сформулировал две максимы – в утвердительной форме: “Далеко не всякий опрос населения является опросом собственно общественного мнения” и в вопросительной форме: “Что мы в действительности изучаем, когда думаем или делаем вид, что

Существует ли вообще общественное мнение в нашем обществе? Я впервые поставил этот вопрос сорок лет назад, но должен признать, что он актуален и по сей день

изучаем общественное мнение?” В этой связи хотелось бы обратиться к вопросам **Виктора Александровича Бурко** и отчасти **Николая Кацука** относительно места в социальном знании, в социологии так называемых опросов населения. Дело в том, что опросы населения – это самостоятельная отрасль социального знания, не совпадающая с социологией. Она возникает на стыке собственно социологии, социальной психологии, демографии, математики и ряда других наук. Она имеет инструментальный характер и обеспечивает решение разного рода сугубо прагматических задач в сфере политики, экономики, культуры и т.д. С другой сторо-

ны, изучение общественного мнения как одного из модусов массового – это я подчеркиваю: не общественного, а именно массового – сознания осуществляется не только в форме опросов и является разделом социологии или социальной философии наряду с другими разделами: социологией семьи, социологией политики и т.д.

В этой связи, наверное, было бы уместно сказать и о вопросе Юлия Ивановича Феодоритова относительно школ российской социологии. Что касается собственно опросов общественного мнения, то ни в российской социальной науке, ни в зарубежной социальной науке никаких школ не существует. Существует набор инструментов, которыми нужно профессионально овладевать, которыми надо работать. Что же касается собственно социологии как теории социального действия, социальных отношений, то здесь, разумеется, в мире существуют разного рода школы, но я не думаю, что в терминах “школы” можно описывать развитие российской и советской социологии. Конечно, формально считается, что есть так называемая “Ленинградская школа”, что есть так называемая “Новосибирская школа”, раньше говорили еще об “Уральской школе”. Но, на мой взгляд, все это чисто условные понятия. Ведь что такое на самом деле школа? Школа – это некоторое объединение, некоторая ассоциация исследователей, которые работают на основе одних и тех же принципов, ведут свои работы в одних и тех же направлениях и т.д. В действительности этого нет ни в одной из названных школ, и я думаю, я уверен, что они и не могли возникнуть в условиях тоталитарного режима, который господствовал в Советском Союзе.

В самом деле, казалось бы, чем не школа – “Таганрогский проект”? Через “Таганрогский проект” прошли около ста человек, двадцать одну диссертацию защитили на одном и том же материале, казалось бы – почему не школа? Но о какой школе можно говорить, когда среди этих диссертантов были и такие, которые предали идеи Таганрогского проекта, предали меня как руководителя этого проекта? Были и такие, которые очень хотели продолжать работать в этом направлении, но не могли из-за отсутствия технических, финансовых и иных средств. Казалось бы, самая благоприятная ситуация была для возникновения школы, но она не могла быть реализована, эта идея, в прежнее время.

Тот же **Виктор Александрович Бурко** поставил вопрос о субъекте общественного мнения, ссылаясь на мою книгу “Мнение о мире и мир мнений”. Надо

сказать, я внимательнейшим образом прочитал параграф 22 “Чье мнение может считаться общественным” и должен заметить, что не нашел поводов для того, чтобы поставить под сомнение те или иные положения, предлагаемые там. Хотя, конечно, в более поздних публикациях, когда стало возможным во всеуслышание называть вещи своими именами, сюжет о субъектах, как и все остальные, связанные с характеристиками общественного мнения, описывался мною уже в терминах теории массового сознания, но это не меняло сути дела.

Что же касается вопроса **Павла Владимировича Антипина** об общественном мнении на Украине, то надо признать, что это общественное мнение действительно расколото. Из этого не следует, что на Украине существуют два общества. Опыт Канады с ее английскими и французскими регионами показывает, что возможно в принципе существование в рамках одного государства, одного общества двух крупных этнических групп. Будем надеяться, что Украина останется единой как общество и пойдет по пути Канады, а не по пути Чехии и Словакии.

Теперь несколько сюжетов, касающихся условий функционирования и изучения общественного мнения в нашем обществе. Это вопросы **Александра Леонидовича Ивлева** и **Марии Ивановой**. Первый удивил меня утверждением, что золотой век опросов общественного мнения закончился в 70-х годах, хотя тогда он еще даже и не начинался. Откуда такие сведения? Дело в том, что Институт общественного мнения “Комсомольской правды”, которым я руководил, был закрыт в 67-м году. В 69-м году был создан Центр изучения общественного мнения при ИКСИ Академии наук СССР, и он просуществовал до 72-го года. Никаких других исследовательских центров в России в те годы не было вовсе, поэтому ни о каком не то что золотом, но даже бронзовом веке говорить не приходится.

Что же касается перспектив развития общественного мнения, о которых печется **Мария Иванова**, то при решении этого вопроса нужно снова вернуться к тому, что собой, собственно, представляет общественное мнение. Иначе как говорить о нем как о социальном институте, о том, может ли оно выполнять свои основные функции, и т. д.?

Весь фокус в том, что общественное мнение представляет собой вовсе не механическую сумму высказываний, которая получается в результате анкетирования энного количества респондентов. Это органический продукт общественной жизни, это некое коллективное суждение, которое возникает

в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации – публичной дискуссии, и известно, что этот продукт начисто отсутствует, если в обществе нет набора условий, необходимых для его возникновения. Что я тут имею в виду? Во-первых, саму осознающую себя в качестве субъекта социального поведения общественность, затем обильный поток свободно поступающей и доступной ей информации по предмету обсуждения, затем развитый интерес масс к этой информации, их

Общественное мнение – это не механическая сумма высказываний, которая получается в результате анкетирования респондентов. Это органический продукт общественной жизни, это некое коллективное суждение

способность артикулировать свою позицию, широкую сеть безотказно действующих каналов межперсональной и межгрупповой коммуникации и т. д. А ведь это сплошь и рядом отсутствует в наших условиях – тогда об общественном мнении, по сути, говорить не приходится.

Основная масса наших полстеров, как правило, об этом понятия не имеет и поэтому проводит опросы с легкостью необыкновенной. Но они создают очень часто всего лишь артефакты, поскольку общественное мнение – это позиция людей, выработанная в процессе дискуссии, а вовсе не любые высказывания, не любые типы реакции публики на те или иные события, которые интересуют исследователя. Вот прекрасный пример – недавняя ситуация, связанная с событиями в Карачаево-Черкесии. Как понимать этот бунт, эту страшную, разъяренную толпу, которая громит здание президента Черкесии? Что собой представляет такого рода поведение публики? Можно ли назвать его выражением, проявлением общественного мнения? Да ни за что, никогда, потому что общественное мнение – это позиция людей, рациональный взгляд на ту или иную точку зрения, а здесь налицо грубые эмоции, бессмысленные крики, вопли. Отсюда и мой ответ на вопрос Михаила Тарусина, как я отношусь к девизу Левада-Центра “От мнения к пониманию”. Я думаю, что этот девиз хорош, но он явно опережает события. Я бы его переформулировал следующим образом:

“От эмоций, от настроений – к мнениям, и от мнений – к пониманию”.

Отсюда и мой ответ на вопрос **Марии Ивановой**: “Выполняет ли свои основные функции общественное мнение?” Эти основные функции в нормальном демократическом государстве формулируются очень кратко: “общественное мнение представляет собой пятую власть, является активным субъектом выработки и принятия решений по важнейшим проблемам развития общества”. У нас такого общественного мнения еще не существует, и перспективы у него прямо связаны с теми политическими изменениями, которые будут происходить в стране в ближайшее время. В этом смысле ответ на вопрос **Ивлева** о том, в каком соотношении находятся понятия “общественное мнение” и “демократия”, может быть совершенно ясным: “демократия является непременным условием нормального функционирования общественного мнения в обществе”. Пока ни о какой демократии у нас речи не идет, даже о зачатках демократии, самых скромных, поэтому нам надо еще работать и работать, нашему обществу, нашим политикам, нашему населению особенно, над тем, чтобы общественное мнение действительно превратилось в серьезный социальный институт, занятый управлением общества.

Отдельно надо сказать о вопросах **Михаила Юрьевича Подгорнова**, связанных с уровнем отечественной политической социологии по прогнозированию результатов выборов в России. К сожалению, в последние годы не проводится анализа сравнительных результатов, полученных разными службами в рамках предвыборной социологической деятельности. Трудно сказать, каков сегодня уровень в целом, поскольку практика последних предвыборных кампаний, связанных с выборами президента и выборами в Думу, совершенно непоказательна. Все было ясно заранее и без всяких опросов населения, поскольку в президенты шел один человек, в Думу шла одна партия. Но думается, что этот уровень в целом не очень высок. Это можно будет проверить, когда в списке для голосования будет значиться несколько субъектов, будут отдельные лица или партии. Этот уровень, скорее всего, не очень высок, повторяю, поскольку влияние политической системы на результаты опросов несомненно, и это влияние сказывается прежде всего на том, что опросы проводятся не столько для выявления реального общественного мнения, сколько для откровенного манипулирования сознанием людей.

Теперь о вопросах, связанных с инструментарием, методологией и техникой проведения социальных исследований. Вопрос **Юрия Геннадьевича Черняка** о способах перехода от описания полученных данных к их анализу в случае закрытости и высокой мобильности изучаемого объекта, а также отсутствия знания об объеме генеральной совокупности составляющих его единиц. Честно говоря, я не вижу здесь никакой проблемы, поскольку описание отличается от анализа тем, что оно лишь фиксирует те или иные состояния изучаемого объекта, а анализ выясняет отношения между этими состояниями. И никакого специального перехода здесь не должно быть. Описание – это фиксирование, фотография ситуации, а анализ – это выявление, установление связей между составляющими эту ситуацию элементами.

Что касается отсутствия знания объема изучаемой вселенной, то ничего страшного нет, потому что всегда существует возможность выявления характеристик этой вселенной на уровне ее типологии, т.е. выявление тех или иных типов, действующих в этой вселенной. Посмотрите, как отлично сработала Тамара Моисеевна Дридзе, когда ей хватило всего 300 человек, для того чтобы выявить семь типов с разными уровнями семиотической подготовки потребителей массовой информации (См. “Массовая информация в советском промышленном городе”).

И последний вопрос: о возможных причинах несовпадения результатов измерения одного и того же предмета с помощью разных методов – интервью и наблюдения. Этот вопрос был задан **Андреем Андреевым**. Ответить на него, не зная конкретного материала, очень сложно. Возможно, объяснение этого феномена было связано и с ошибками интервьюеров, и с ошибками наблюдателей. Но думаю, что начать анализировать причины случившейся неудачи нужно с другого – с программы самого исследования. Не исключено, что в программе отсутствовали индикаторы, равно доступные измерению обоими использовавшимися методами.

Допустим, речь идет об изучении собраний. Так вот, такой показатель, как мера конфликтности состоявшейся на собрании дискуссии, можно фиксировать и с помощью интервью, и с помощью наблюдений. А вот такой показатель, как качество принятого на собрании решения, можно было бы выявить лишь путем интервью, наблюдение здесь совершенно не годится. ■

Г. Любарский

Россия и Европа: зазеркальная граница

Сказки общественного подсознания

В 2001 году Фонд “Общественное мнение” провел опрос на тему антиглобализма. Респондентам было предложено в свободной форме ответить на ряд вопросов на эту тему, в частности, о возможности распространения антиглобалистского движения в России. Они пытались объяснить, откуда берется антиглобализм, докопаться до его социальных корней.

Описать ход их мыслей можно следующим образом. На Западе, в Европе народ живет хорошо. Эта хорошая жизнь наскучивает людям, вызывает у них желание развлечься. Иногда в качестве развлечения европейцы присоединяются к экстремистским группам и течениям. Некий респондент назвал этот процесс “добровольной маргинализацией”. И одной из форм этого экстремизма-от-скуки является антиглобалистское движение – все эти пикеты с плакатами, демонстрации с брендами, акции протеста с лозунгами...

Такова “социальная ниша” антиглобализма в Европе. А что в России? Может ли быть так, что у нас появится и распространится антиглобалистское движение, что оно станет серьезной социальной силой? В ответ респонденты излагают Примеча-

тельную теорию. У нас, как и в Европе, живет народ, но его жизнь характеризуется как “плохая”. Эта плохая жизнь порождает вовсе не интерес к развлечениям, а озлобление людей. Из этого озлобления рождается... коммунизм.

Итак, окончательная формула такова: в России место *антиглобализма* в социальном пространстве занято *коммунизмом*, ниша заполнена, и потому распространения антиглобалистского движения ожидать не приходится. Социальные движения конкурируют за общий ресурс – веру, преданность людей некой идее, – и укоренившийся коммунизм не отдаст поле сопернику.

Результат в высшей степени занимательный. На каждом этапе рассуждений подчеркивается симметрия:

Их народ	Наш народ
живет хорошо	живет плохо
скучает	озлобляется
добровольная маргинализация	принудительная маргинализация
антиглобализм	коммунизм

Можно, конечно, озаботиться вопросами: что будет, если наш народ начнет жить хорошо – потянет ли его на игры в экстремизм и заменится ли у нас коммунистическое движение антиглобализмом? Вопросы эти сугубо теоретические, так что и обсуждать их неинтересно. А если европейский народ будет жить плохо, то озлобится? Потянет ли

Коммунистическое прошлое еще одной складкой легло между Россией и Европой, усиливая накапливающиеся различия

его – сейчас! – на коммунизм? Бросит ли тогда он свои антиглобалистские забавы? Впрочем, это их жизнь. Речь о нас.

Содержание этой симметричной схемы легко подвергнуть критике. В самом деле, люди живут плохо в самых разных странах, и во многих из них коммунизма и следа нет, а развит, напротив того, антиглобализм. Можно даже (шепотом) высказать мнение, что не везде люди от плохой жизни озлобляются... И оценка – жизнь “плохая” или “хорошая” – штука сравнительная, сама по себе жизнь такого маркера не несет, это надо на соседей поглядеть, на определенных соседей и с определенной точки зрения, чтобы к такому выводу прийти. Так что о частных содержательных моментах этой схемы можно поспорить, но самое интересное в ней, как представляется, не содержание, а именно обнаруженная симметрия. Что же это за тип *симметрии*, которым мы “соединены” с Западом?

Люди не просто считают, что граница Восток–Запад есть, они тут же указывают на удивительное ее свойство: это не просто граница, а ось симметрии

Представим себе, что мы поднесли к зеркалу половину шахматной доски. Там отразится половина доски, и напротив черной клетки будет отражение черной, а напротив белой – белой. Половина доски и ее отражение в зеркале образуют целую

шахматную доску, но “неправильную”. А теперь представим, что наше зеркало отражает все наоборот: отражение черной клетки – белая, а белой – как черная. Тогда перед нами – “правильная” доска, только половина у нее была бы реальной, а половина – иллюзорной, зазеркальной.

Этот тип симметрии можно назвать “*зеркальной симметрией со сдвигом*”. Структура ответов на вопрос о судьбах антиглобализма (или, если кому-то хочется, можно читать с “нашего” конца, и тогда это вопрос о судьбах коммунизма) обладает свойствами такой симметрии, причем зеркалом – осью симметрии – служит граница между Россией и Европой (Западом).

Разумеется, это не политическая граница, а граница культурная, семантическая, знаковая. Респонденты описывают великую границу Запад – Восток (Хантингтон гордится, что он ее впервые провел и обосновал), причем не задумываясь о каких-то там геополитических тонкостях, а отвечая на вполне конкретный вопрос. Люди не просто своими высказываниями подтверждают, что граница есть, они тут же указывают на удивительное ее свойство – это не просто граница, а ось симметрии, причем зеркальная и “со сдвигом”.

Такая сложная симметричная конструкция возникает при описании взаимоотношений России и Запада не впервые. Вот всего один пример: запрет на “каменную Русь” (это подробно изложено в работах Б.А. Успенского). С началом строительства Петербурга, в 1714 году, указом Петра I в России было запрещено строить каменные здания везде, кроме новой столицы (“всякое каменное строение, какого бы имени ни было, под разорением всего имения и ссылкой”). Новая Россия, в лице Петербурга, противопоставляется царем-основателем не просто России наличной, России того времени, но именно образу “деревянной Руси”, специально созданному для наилучшего сопоставления с Петербургом и новой Россией. Работает симметрия Зазеркалья: “каменной” Европе уподобляется новая “каменная” Россия. Каменной России противопоставляется Россия прежняя (на самом деле еще наличная), и эта “прежняя-наличная” Россия должна в рамках симметричного преобразования стать “прошлой-деревянной”. Поскольку реальность отличается от этих симметричных требований, то надо, во-первых, запретить каменное строительство везде, кроме Петербурга, а во-вторых, объявить “прошлую” Россию “деревянной”.

В допетровской Руси каменные здания, конечно, были – однако их предлагается считать несуществовавшими для создания более полной симметрии. Образ каменной “новой России” тем самым оказывается внедряемой в общественное сознание идеей, направляющей историческое движение в сторону сближения с Европой.

Итак, в рамках примера о “каменной России” мы видим границу между Россией и Европой, но граница эта – зеркало “со сдвигом”. Это граница между “современной каменной Европой” и “старой деревянной Русью”, причем в этой “старой деревянной” уже отразился “каменный Петербург” – он пересек зеркальную границу, отвердел и материализовался в нашей реальности – полномочный представитель и заменитель “современной Европы”. Идеологема гласит: Россия догоняет Европу, и разница между ней и Европой – только во времени. Граница между ними означает лишь разные стадии одного процесса. Оттого и “сдвиг”: у них уже хорошо, а мы – вслед за ними, и у нас пока плохо, но будет хорошо; и пошла история черно-белая, полосчатая. Здесь надо напомнить: мы говорим не о реальности, которая много сложнее любых симметричных схем, а об идеях общества, осознанных и подсознательных.

Чему же служит современная симметрия – наследница идей Петра, – противопоставляющая “хорошую жизнь” в Европе и “плохую жизнь” в России, их “поиски развлечений” и наши “результаты озлобления”?

Осознанная идея Петра (куда уж сознательнее – раз отражена в законе!) внедряла в обществе мысль о направлении движения – к Западу. Высказывания наших респондентов – мысли частных людей, и потому относятся к подсознанию общества. Мысли эти – с двойным дном, как и полагается подсознанию. Во внешнем слое прочитывается прежнее “догоняющее” сравнение с Европой. Во внутреннем – ситуация сложнее: Европа более не представляется единой, “каменной”. В ней схватились глобализм и антиглобализм. Если бы мы находились полностью под влиянием петровского западничества, высказывалась бы иная мысль: у них сейчас глобализм, а у нас в Москве тоже глобализм, хотя “провинция” (остальная Россия) пока отстает. Но ведь говорится совсем другое. В Европе наблюдается глобализация и противостоящий ей антиглобализм, и в России имеется антитеза обоим течениям, причем наши реалии вовсе не похожи на европейские. Граница между Россией и Европой приобрела новое качество, еще один “порядок симметрии” – тот са-

мый, в котором коммунизм функционально подобен антиглобализму, но им вовсе не является.

В Европе антиглобализм противоположен глобализму; у нас вместо антиглобализма – коммунизм; что же у нас соответствует европейскому глобализму? Назовем это “российскими реформами”. Тогда выявляется двоякий смысл этих “реформ”. Они, во-первых, похожи на современное развитие западного мира, пытаются быть аналогом глобализации, продолжают движение Петра “вслед за Европой”. Но есть и во-вторых: как коммунизм вовсе не является антиглобализмом, а замещает его на российских просторах, так и наши “реформы” в представлении респондентов должны быть не одним из частных случаев глобализации, а функциональным аналогом, чем-то совсем иным, нежели глобализация, даже противоположным, *занимающим место* глобализации, ее нишу – и не впускающим ее в Россию, подобно тому как коммунизм, будучи функциональным аналогом антиглобализма, не пускает его к нам.

В Европе наблюдаются глобализация и противостоящий ей антиглобализм, и в России имеется антитеза обоим течениям, причем наши реалии вовсе не похожи на европейские

Можно оценивать эту пропорцию, кроющуюся в подсознании общества, по-разному. Радоваться, что “проклятой глобализации” нет хода в Россию. Или огорчаться, что единое и слаженное развитие всего прогрессивного человечества не касается нас. Если же попытаться взглянуть на идею симметрии поверх оценок, возникает ощущение, что со времен Петра все же что-то изменилось. Еще не совсем, еще далеко не полностью, но в выстраиваемой респондентами многосоставной пропорции уже можно обнаружить два слоя. Проговариваемый – завистливое равнение на Запад, прежняя игра в догонялки: там хорошо – здесь плохо, там играют – здесь злобятся. Но вмешивается наша история, наш коммунизм, и пропорция получает второй смысл, наводящий на мысль о пути России, отдельном от западного. Коммунистическое прошлое еще одной складкой легло между Россией и Европой, усиливая накапливающиеся различия.

Это произносится не с легким сердцем, не с восторгом – и все же: если их антиглобализму у нас противостоит, его замещает и ему соответствует коммунизм, то в каком отношении находится политика наших реформ к их глобализму? Надо думать, соответствует, замещает и противостоит.

Как эта ситуация может развиваться дальше? Может произойти снижение порядка симметрии,

Народы и государства представляются еще осмысленными и понятными до Волги, до Урала, а дальше становится все туманней и непонятней – мы встречаемся с едва освоенными нами культурными пространствами Кавказа и Срединной Азии, с просторами Сибири

и тогда мы окажемся в послепетровской ситуации “простого Зазеркалья”: мы снова будем видеть в развитии Запада ориентир для себя, и снова потянутся черно-белые версты дороги реформ (западных) и контрреформ (антизападных). Другой вариант – сохранится наметившийся тренд развития, и порядок симметрии границы между нами будет возрастать. Тогда явления, находящиеся по разные стороны границы, будут все менее подобны, так что их все труднее будет соотносить в рамках симметричных схем. Мир станет разнообразнее, в нем появится еще один не похожий ни на кого субъект, развивающийся по своим законам. Другое дело – хорошо это или плохо. И кому. Может быть, нам это не понравится. Или, напротив, “осуществляются мечты”.

Отдельный от европейского путь развития России – старая идея. История мелет медленно. Россия еще только формируется. Еще не ясно, что принесет она в мир. Пока ее отличия от других цивилизационных регионов заметны, но насколько они значимы – неясно. Что – важно, а что – частность?

Что ж, это лишь один из возможных способов объяснения высказанной идеи о симметрии между антиглобализмом и коммунизмом. Беда только, что возможных объяснений очень много, и обосновать какое-нибудь одно – вот задача. Но не будем сейчас останавливаться на объяснениях – обратим внимание на сам феномен. Культурологи-

ческая граница между Европой и Россией возникла давно – и жива сейчас. Она живет не только в геополитических штудиях *войны цивилизаций или Великого Лимитрофа*, а высказывается со всей непосредственностью в самых обычных рассуждениях. Эта граница – не теоретический конструкт, она существует и действует – по “закону Томаса”: то, что люди полагают реальным, имеет реальные последствия.

Мы можем вкратце вспомнить историю преобразований этой границы. Некогда Европа представляла собой нечто целое, хотя это и не значит, что унифицированное и с четкими границами. В XII веке тяжелый занавес монгольского нашествия скрыл Русь от глаз Европы. Шли века – на востоке от Европы стояла глухая стена мглы, скрывающая страны и народы невиданные и непонятные. Затем стена стала отодвигаться, становиться более прозрачной, пока стараниями Петра в ней не возникло *окно*, и взгляд европейца начал различать в туманной восточной дали некие смутные контуры. Постепенно стена тумана отодвинулась до Волги. До Волги проникает мысленный взгляд европейца, обратившегося на восток.

Почему европейца? А наш взгляд? Наш взгляд видит примерно ту же картину. Народы и государства представляются еще осмысленными и понятными до Волги, до Урала, а дальше становится все страньше, туманней и непонятней – мы встречаемся с чужими, едва освоенными нами культурными пространствами Кавказа и Срединной Азии, с пустыми просторами Сибири. Почему так? Дело в том, что у нас глаза – *европейские*.

А что же отодвигает эту границу на восток, что век за веком увеличивает прозрачную для нас территорию? Это и есть результат работы российской цивилизации. У нас европейские глаза, но сердце – свое, на европейское не похожее. Понятое и ставшее прозрачным пространство медленно расширяется на восток – потому что видят, конечно, глазами, но понимают – сердцем.

На востоке от нас стоит стена мглы, в которой все становится смутным и ничто не отражается. И мы век за веком отодвигаем эту стену, освещая и делая внятными восточные земли. А на западе от нас стоит зеркальная стена, переворачивающая все, что за ней, – подражая фигурам, видимым из-за той стены, мы все делаем наоборот.

Почему же наши европейские глаза видят Европу – наоборот? Может быть, именно потому, что смотрят – не из Европы. ■

Интервью с Алексеем Чадаевым,

главным редактором отдела
политики “Русского журнала”

– Первый вопрос: постоянно или только время от времени Вы интересуетесь данными соцопросов? И почему Вы стали интересоваться такими данными?

– Мой способ работы с социологией – очень простой, именно не регулярно, а постоянно находящийся в узусе: посредством социологии я проверяю какую-то свою мысль, догадку или гипотезу. Грубо говоря, пришла в голову какая-то идея – с помощью данных опросов я пытаюсь ее проверить: верны или не верны мои предположения. Ситуации, когда в процессе ознакомления с социологическими данными я открываю для себя какие-то новые темы, – гораздо более редки, такого практически не бывает. В этом смысле, если говорить о периодичности моего обращения к данным опросов, она как бы встроена в график работы: по мере того как готовишь материал, разрабатываешь тему, поднимаешь данные опросов. Ритм работы: 2–3 захода в месяц на ФОМовский сайт –

захода не в смысле эпизодически, а внимательного ознакомления с результатами опросов.

– Что Вас удовлетворяет и что не удовлетворяет в данных соцопросов?

– Я же потребитель и мыслю в категориях “удобно – неудобно”. Очень часто получается, что вопрос был поставлен неудачно, то есть так, что я не могу использовать данные в своей теме... И самое главное, те целевые группы, которые меня интересуют, сформированы не так, как мне нужно, неправильно. Вот это традиционное разделение, например, в политических опросах по половозрастному составу, по имущественному признаку и по политической принадлежности мне кажется явно недостаточным, потому что я хочу видеть другие срезы. Вот это очень острый вопрос: для меня человек, который получает 800 долларов в месяц, может быть и владельцем коммерческой палатки, и журналистом, и удачливым фермером – то есть мне информация о разме-

ре дохода не нужна. Это катит в случае, когда имеешь дело с коммерческими опросами: люди тратят свои 800 долларов, и в этом смысле они все потребители. Но когда ты говоришь о каком-то другом типе опросов, то совершенно ясно, что этот критерий недостаточен. Вот критерий, скажем, политических партийных предпочтений, как ни странно, более операционален, поэтому, как правило, дает возможность понять, о каком человеке идет речь, но понять опять же не напрямую – вкрякую. Понятно, что если человек записывается в сторонники либералов, то скорее всего речь идет о каком-нибудь представителе ИТР и т. д. Вот этого распределения по стратам, по субкультурам, если угодно, – его я не нахожу, а для меня оно очень важно. Это главное. И другое: отчасти, может быть, из-за этого приходится самому делать какие-то обобщения, потому что данные получают разбросаны по разным группам и картина у меня не складывается.

– За то время, что Вы работаете с социальными, изменилось ли Ваше представление о социологии и об опросном деле?

– Да, в двух отношениях. Во-первых, я понял очень большую ограниченность социологического инструмента. Раньше я подозревал за ним гораздо большее могущество – сейчас же я понимаю, что с помощью опросов можно исследовать далеко не все, и в некоторых случаях данные опросов не отражают, а очень сильно искажают реальность.

– Когда эти искажения особенно Вам видны?

– Сейчас я скажу, какие группы опросов являются моими фаворитами: это разнообразные политические рейтинги, в меньшей степени – фигур, в большей – партий; это опросы о тех или иных понятиях – это моя самая любимая фишка; и третье – когда я пытаюсь что-то узнать о самих участниках опроса: сколько их, какие они, как они устроены, те же самые шкалы по уровням дохода...

ства, то есть мифология говорящих и мифология большинства отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем мне казалось до того, как я более или менее систематически стал знакомиться с данными опросов. Мы действительно нарисовали себе каких-то других людей, чем есть, причем не какие-то отдельные “мы”, а все мы: кто говорит, пишет, занимает активную позицию и т. д.

– Как изменилась сама социология и опросное дело?

– Да, я считаю, что идет эволюция – и идет в направлении, которое мне очень нравится. Потому что социология образца 5–7-летней давности, где доминировали рейтинги Петрова и Сидорова, мне ничего не говорила и ничего не объясняла. Там, где началась более качественная социология (качественная – здесь не социологический термин, я имею в виду, что социология стала ближе к предмету своего изучения), – конечно, возникли какие-то новые смыслы. С другой стороны, заметно, что социология в последнее

время сильно отличающиеся данные, и ты, уже поднатерев в этом деле, понимаешь, почему результаты разные, и вместе с тем понимаешь, как плохо это влияет на среду, разрушает дискурсивную рамку.

– Что Вам самому интересно в данных социологических опросов?

– Я по извечной идиотской русской привычке читаю между строк и, как правило, ловлю в материале не то, что там непосредственно изложено, а что-то, что там не изложено. Как и Павловский, с упоением читаю фокус-группы, да, это клево. Действительно, это чтение такое, перед которым меркнет все без исключения... Я, например, поимал себя на том, что после того как я начал читать фокус-группы, я перестал читать статусные интервью в СМИ, за исключением совсем таких каких-нибудь... вроде интервью Суркова или Медведева – когда это уже не интервью, а такое социалистическое дацзыбао, обоснованное сообщениями генеральной линии партии, программный документ, очередные задачи, поставленные съездом. А все прочие интервью я не читаю, потому что я знаю, как они делаются, потому что я знаю, что там нет ничего нового, я знаю, что там обкатываются одни и те же старые формулы. А интервью с людьми на фокус-группах – это совсем другое дело: они честно говорят что думают, и это очень непривычно, это резко сдвигает тебе мозги, потому что ты отчасти выходишь из своей профессиональной среды, которая вся живет в созданной ей же мифологии, начинаешь думать по-другому.

– Если Вы не находите ответов на интересующие Вас вопросы, что Вы делаете в таких случаях?

– Я поступаю подло, а именно: сажусь и занимаюсь спекуляцией, пы-

Традиционное разделение по половозрастному составу, по имущественному признаку и по политической принадлежности мне кажется явно недостаточным, потому что я хочу видеть другие срезы

– И где же здесь происходят искажения?

– Самые большие искажения происходят вот в этом третьем пункте, потому что я не могу взять данные опроса и, основываясь на них, нарисовать, как у нас устроен социум. Я был абсолютно уверен, что это возможно, – оказывается, нет. А с другой стороны, я понял, что существует огромный разрыв между представлениями людей говорящих и представлениями большин-

ства – а в последний год особенно, и это тревожно, на мой взгляд, и это самый главный негатив – дрейфует в сторону актуальной конъюнктуры, когда опросы делаются даже не по журнальной, а по газетной повестке. Это мне, безусловно, не нравится, потому что это очень большой шаг в сторону ангажированности. Яркий пример – война ФОМа с Левадой, когда вопросы на одни и те же темы ставятся по-разному и получа-

таясь выдумать, как оно на самом деле. Я понимаю, что это не путь.

– Существуют четыре основных типа представления социологических материалов: развернутые тексты, краткие комментарии, графики и таблицы. К каким из этих типов Вы чаще всего обращаетесь?

– Первый и последний: развернутые тексты и таблицы. Потому что из краткого текста непонятно ничего, и непонятно, зачем его читать, когда есть заголовок, ведь по сути он – не более чем развернутый заголовок. А в развернутом тексте есть какой-то анализ. Со мной часто бывало: прочтешь, примешься плеваться, но тем не менее он даст тебе какой-то материал. А графики – такая наглядность и визуализация нужна для конечного потребителя, а я же не конечный потребитель, я же в некотором роде на следующем этапе информационного производства, на следующем переделе, как говорят производственники, информационного продукта.

Так что меня интересуют развернутые тексты с анализом данных опросов и развернутые таблицы. И фокус-группы. Это тоже фактически тексты, только другого типа.

– Информацию каких социологических и опросных организаций Вы чаще всего используете и почему?

– Мой рейтинг-лист такой: на первом месте стоит ФОМ, на втором – Левада, на третьем – КОМКОН-Гэллуп, на четвертом – РОМИР.

– А ВЦИОМ?

– Гораздо реже, только когда нужно сопоставить данные от нескольких разных организаций.

– Какая разница между ними?

– По каким-то причинам Левада гораздо точнее попадает в газетную конъюнктуру – ровно, может быть, потому, что он гораздо боль-

ше идеологически заточен. ФОМ стреляет неровно: то точно попадает в цель, то бьет в молоко, его основное преимущество перед Левадой состоит в том, что необходимости кого-то уметь у авторов опроса явно не стоит, и это большой плюс. КОМКОН-Гэллуп я люблю просто потому, что, в отличие

гия. Социология в конкуренции с политической системой выигрывает, потому что из реакции политиков и партий никогда не поймешь, как народ отреагировал на то или иное действие власти, в первую очередь – исполнительской. А из социологии это, как правило, гораздо отчетливее понятно,

Мифология говорящих и мифология большинства отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем мне казалось до того, как я систематически стал знакомиться с данными опросов

от всех вышеперечисленных, это коммерческая структура, работающая главным образом на рынке хозяйственной социологии, при том что я ее использую в своих совершенно нехозяйственных целях.

Но для меня это интересный материал именно поэтому. А РОМИР – это те самые масштабные адресные заказные исследования, когда большая тема собрана в какой-то блок. Были такие опросы на тему бедности или по среднему классу.

– В чем общественный смысл социологических исследований и опросов? Зачем они нужны?

– У меня была примечательная пикировка с главой ФОМа Ослоном по поводу моей хулиганской записки про государство и социологов. Но отчасти в том, что я написал тогда про государство и социологов, есть большая доля правды. Действительно, у нас сегодня получается так, что социолог не просто занимается исследовательской работой, но и выполняет политическую функцию, потому что он восполняет дефицит системы обратной связи в обществе. Активно действующий субъект, власть или еще кто-то, производит какое-то действие – и ответ, массовую реакцию на это действие сообщает не политическая система, а социоло-

и сама власть это знает, в результате чего социологией она пользуется – а Госдумой нет.

Но для меня главный вопрос – в какой степени эта ситуация нормальна? Явно это какое-то искажение, явно что-то не так. Даже если не строить рационализаторскую утопию, где журналисты сообщают народу решения власти, а социология сообщает власти реакцию народа и на этом коммуникация власти с народом заканчивается, все равно получается что-то странное. Обратной стороной такого положения вещей является то, что эти две функции как бы смешиваются, то есть власть, которая является потребителем социологии, работает в режиме сегодняшнего дня. Ее главный вопрос – за что же меня будут ругать на следующей неделе? Поэтому она не стремится глобально осмыслить курс развития страны, разобраться с социальной структурой, с какими-то событиями... на которые нужна реакция не власти, а культуры, например. Просто резко сужается область применения социологии – это проблема.

– Получается, что социология в каком-то смысле вредна?

– Нет, она не вредна, она, поступив на службу политики, в каком-то

смысле кастрировала себя, потому что утратила свою исследовательскую, научную функцию. Не говоря о том, что если бы не было этого чуткого инструмента реагирования, можно предположить, что быстрее возникли бы реальные партии.

– В чем смысл обнаружения результатов социологических исследований в СМИ?

– Вся проблема в том, что наше сциентистское сознание не дает

стороны третьих сил, и нас уязвимыми со стороны их манипуляций – вольных или невольных.

– Публикации социологических данных в прессе, их использование в телепередачах и т. д. – для кого это предназначено, для каких групп людей?

– Я в какой-то момент для себя открыл, и меня это открытие даже в некотором роде поразило, что производство информационного

ные стратегии в пространстве краткосрочных трендов, и кроме того, он отвечает материально за правильность выбранной стратегии, поэтому он крайне заинтересован в социологии, в том числе и предельно далекой от изучения спроса на ими производимые трупы и шоколад.

– Почему же в таком случае бизнес очень неохотно, мало заказывает эти исследования, не хочет вкладывать сюда какие-то деньги?

– Очевидно, потому, что неправильно структурировано предложение. Ведь у бизнеса гораздо более прямой инструментальный интерес к социологии, чем у той группы, которая мной названа в первую очередь, потому что если журналист спрашивает: “Как оно?” – то бизнесмен спрашивает: “Что для меня из этого следует?” У журналиста нет вопроса: “Что для меня из этого следует?” А бизнес нуждается в понимании того, что для него из этого следует. Это, конечно, проблема не социологов, это проблема популярного языка, потому что доступно объяснить, что для хозяйства следует из тех или иных сдвигов в массовых представлениях, в общем не так просто, нет такого очевидного способа это объяснить.

– Это совершенно неожиданный поворот. Достигают ли публикации социологических данных своей цели? Если да, то в чем это проявляется?

– Проблемы бизнеса я более или менее описал. Но меня больше интересует, как используют данные опросов журналисты, гражданские активисты, политики и власть. Так вот, и они сталкиваются с тем, что публикующиеся данные для них недостаточно информативны. С чем это связано? Дискоммуникация здесь состоит в том, что этим группам, как правило, нужна ясная,

Сегодня опубликование тех или иных социологических данных само по себе может стать информационным поводом и повлиять на какие-то события

нам разделить наше исследование – и наше влияние на мир. То есть мы влияем на мир, думая, что исследуем его, и публичная социология – яркий тому пример. Сегодня опубликование тех или иных социологических данных само по себе может стать информационным поводом и повлиять на какие-то события. И в этом смысле социологи являются в большой довольно степени конструкторами, творцами, то есть они реально проектируют и структурируют социальную реальность, но они даже на исповеди... даже себе никогда в этом не признаются. Они очень боятся выйти за рамки роли исследователей и хоть на секунду вообразить себя проектировщиками. И от того, что они по факту таковыми являются, но признаться даже себе в этом боятся, возникает пространство лжи.

– Объясните.

– Они же никогда не признаются себе в том, что они конструируют, то есть что они работают как политехнологи или как социальные инженеры. Но по факту именно так и происходит, и это делает и их уязвимыми для манипуляций со

продукта – такое же, как, например, производство автомобиля: вполне сложное и самое главное – многопередельное, то есть существует несколько итераций передела. Иначе говоря, массовая информация как продукт, перед тем как стать массовой информацией, проходит четыре или пять этапов передела. От момента события до превращения события в массовую информацию она проходит несколько стадий обработки, и социологическая обработка – это как вредный кислотный цех на заводе, куда погружают детали, чтоб не ржавели. Это одна из таких итераций. Причем, конечно же, не последняя, это далеко не последняя миля, это не лакировка машины перед потребителем, это, конечно же, именно цех где-то вначале производства, потребителями продукции которого являются следующие цеха.

– А именно?

– Конечно, в первую очередь это журналисты, политики, гражданские активисты и власть. Во вторую очередь – бизнес.

– А ему-то что до мнений людей?

– Проблема бизнеса состоит в том, что он должен строить долгосроч-

внятная картина, им мало получить цифры – им нужно получить систему цифр, им крайне важно понять логику, грубо говоря, расклад в целом. Как правило, по расплывчатому, хаотичному, разнородному вопросу и даваемым на них ответам не удастся составить стройную картину, социологические данные несамодостаточны, и поэтому не становятся информационным поводом. Это особенно заметно по ФОМовским опросам. Вопрос “ну и что?” возникает слишком часто. Это возвращает нас к теме проектирования и конструирования реальности: коль скоро данные опросов публикуются, значит – это надо признать, и от этого не отбрыкиваться и не отмазываться – социологи таки да, принимают участие в структурировании социальной реальности, они по факту

являются очень специальными, но политиками. А у нас – в ситуации, где социология восполняет отсутствующие функции системы обратной связи, – это тем более так. Поэтому понимание общей картины, складывающейся в результате анализа данных, если хотите, доктринирующая социология, будет востребована средой, очень востребована.

– Если публикация не достигает своей цели, что бы Вы посоветовали для улучшения ситуации?

– Нужны авторитетные интерпретаторы. Тут крайне важно пройти между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, если интерпретатор предстанет перед публикой таким ученым, который в очках сидит и с циферками ковыряется, то он просто не будет никому интересен.

С другой стороны, если это будет отмороженный трибун, который начнет тыкать в эти цифры и на этом основании кого-нибудь к чему-нибудь призывать, то это будет профанацией интерпретации. Вот между этими двумя полюсами должна возникнуть фигура человека компетентного, но не утопающего в фактах. То есть он должен сохранять – и более того, наполнять фактами – какую-то цельную картину социальной реальности, которую он и предъявляет миру. Короче, нужны жрецы. И у меня очень большое подозрение, что если этим не озаботятся сами социологи, то жрецы возникнут извне, и какими они будут – это отдельный вопрос.

– Ясно, большое спасибо.

Интервью провел Л. Блехер

Так говорил респондент...

– Скажите, пожалуйста, что такое для Вас “настоящая любовь”? Какой смысл Вы вкладываете в эти слова?

– Это космофизическое влияние на людей, чтобы улучшить нашу жизнь.

– Почему вы считаете необязательным, чтобы отношения мужчины и женщины, живущих совместно, ведущих общее хозяйство, были зарегистрированы?

– С одной женой долго жить нельзя.

– В чем, по Вашему мнению, состоят преимущества старости перед другими периодами жизни человека?

– Не надо ходить на работу, уже не ревнуешь жену.

– Как Вы понимаете слово “приватизация”? Что оно означает?

– Это взять в собственность чье-то имущество.

– Почему Вы думаете, что допустимо намеренно перекрывать дороги в ходе акций протеста?

– Демократия. Что хочешь, то и делай.

– В чем Вы видите отрицательное влияние приезжих на жизнь Москвы?

– Развращают начальство дешевой рабочей силой.

– Как бы Вы объяснили, кто такой Карл Маркс? Чем он известен?

– Жил до нашей эры, только по книжкам знаком, какой-то писатель.

– По Вашему мнению, у кого, у каких людей сотрудники правоохранительных органов чаще всего проверяют документы в общественных местах?

– У тех, кто лицом не вышел.

– Как Вы считаете, что общего между украинцами и русскими, чем они похожи?

– Любовь к салу, клюдам.

– Перечислите, пожалуйста, несколько высказываний, решений и действий В. Путина за прошедшую неделю, которые Вам запомнились и не понравились, вызвали возражения.

– Нет ответа на мое письмо.

(Из опросов ФОМа)

ВЦИОМ в интернете

Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – www.wciom.ru является одним из центральных инструментов в системе продвижения компании и информирования широкой аудитории о результатах ее исследований. Главная задача сайта – донесение большого массива данных по общественно-политической проблематике до экспертных кругов, студентов и преподавателей, журналистов, и в конечном счете – до всех, кто интересуется сегодняшними настроениями в российском обществе, задумывается о глубинных процессах, происходящих в нашей стране.

На главной странице сайта размещены постоянно обновляющиеся рубрики: “Пресс-выпуски”, “В центре внимания”, “О нас пишут” и “Академическая жизнь”. В первой из них – “Пресс-выпуски” – в хронологическом порядке расположены пресс-релизы ВЦИОМа с результатами еженедельных общероссийских опросов общественного мнения (омнибусного типа). Кроме того, в этом разделе публикуются материалы специальных исследований, проводимых Центром по заказу государственных и коммерческих структур. Каждый пресс-выпуск содержит описательную часть (текст) – это первичный анализ полученных данных, а также количественные показатели (таблицы и диаграммы), которые позволяют эксперту или журналисту самостоятельно интерпретировать те или иные тенденции в общественных настроениях. При желании всегда можно

ознакомиться с архивом пресс-выпусков.

Под рубрикой “В центре внимания” выходят статьи сотрудников ВЦИОМа, их комментарии и интервью на наиболее актуальные социальные и политические темы. Здесь также можно найти информацию о некоторых наиболее значимых мероприятиях, проводимых Центром.

В разделе “О нас пишут” представлены выдержки из материалов российских и зарубежных средств массовой информации, авторы которых опираются на исследования ВЦИОМа или приводят высказывания экспертов Центра.

“Академическая жизнь” рассказывает о выступлениях сотрудников Центра на семинарах, конференциях, круглых столах, об их публичных лекциях и участии в иных научных мероприятиях.

В рубрике “Исследования” содержатся: описание используемых Центром исследовательских методик, информация о проекте “Экспресс” и компетенции ВЦИОМа в экспертизе товарных знаков. Ознакомившись с материалами этой рубрики, потенциальный заказчик может получить представление о том, какой из методов больше подходит для его проекта, и сориентироваться в отношении примерной стоимости исследования. Здесь же можно через интернет оформить заказ на проведение исследования, заполнив соответствующую форму.

Рубрика “Публикации” дает представление о содержании журнала “Мониторинг общественного мнения”, бюллетеня “Экспресс” и ежегодных изданий, выпускаемых ВЦИОМом.

Пользователь также может оформить подписку на издания или

подумать над тем, чтобы стать одним из авторов журнала.

Если в рубриках “Пресс-выпуски” и “В центре внимания” информация расположена хронологически, то в следующей рубрике – “Архив” – материал организован тематически. Данные здесь сортируются в соответствии с крупными исследовательскими блоками: политика, экономика, общество, международные отношения, регионы России; внутри каждого блока существуют подразделы – например, мнения россиян о различных праздниках и памятных датах или о сотрудничестве между нашей страной и США.

Наконец, в рубрике “О компании” Вы найдете краткую историю ВЦИОМа, биографии его руководителей, ознакомитесь с принципами работы Центра. Здесь можно узнать о клиентах и партнерах ВЦИОМа, среди которых российские и иностранные компании, государственные и международные организации. В этой же рубрике – раздел “Вакансии”.

Кроме того, поисковая система позволяет с помощью ключевых слов найти необходимые материалы на интересующую посетителя сайта тему из любого раздела. Для удобства пользователя рядом с ней расположено дополнительное навигационное меню, которое также показывается в левой части каждой страницы.

Для тех, кто хочет регулярно получать свежую информацию, существует рассылка новостей, на которую можно подписаться (или отписаться) на главной странице.

Английская версия сайта – более скромная. В ней рассказывается о компании, об исследовательских методиках, предлагается заказать исследование или оформить подписку на публикации ВЦИОМа.

Текст предоставлен администрацией сайта

Левада-Центр в интернете

На сайте <http://www.levada.ru> содержится информация об истории, структуре компании Левада-Центр, типах проводимых ею исследований, а также описание и результаты проектов.

На главной странице размещено несколько постоянно обновляемых рубрик. Первая – **“О компании”** – включает разделы: описание, история, структура, принципы, адреса и контакты, вакансии.

В рубрике **“Новости”** представлены два раздела: пресс-выпуски и публикации. Первый – самый динамичный: каждую неделю готовится пресс-выпуск “Курьер” по результатам ежемесячного исследования Левада-Центра. Россияне оценивают социально-политическую ситуацию, специалисты Центра анализируют и комментируют данные опросов – все эти материалы и составляют содержание пресс-выпусков. По результатам каждого исследования на сайте помещается ежемесячный обзор общественно-политической ситуации.

Раздел **“Публикации”** готовится на основе статей, заметок, информационных сообщений СМИ, в которых упоминаются данные Левада-Центра, приводятся комментарии и интервью его сотрудников.

В рубрике **“Исследования”** представлены следующие разделы: политика, экономика, события, общество, международные отношения, московские опросы, маркетинг. В каждом из разделов приводятся таблицы с распределением ответов на вопросы данной темы, ряды динамики по темам за все время изучения проблемы.

В рубрике **“Типы исследований”** особо подробно описаны два из них: регулярные omnibusные исследования **“Мониторинг”** и **“Курьер”**.

Исследование “Мониторинг” проводится раз в два месяца по выборке

городского и сельского населения России. Опрашивается 2100 человек в возрасте от 16 лет по репрезентативной всероссийской выборке и 300 человек по дополнительной репрезентативной московской выборке (в целом на Москву приходится около 430 интервью).

Исследование “Курьер”, как уже говорилось, ежемесячные опросы, которые проводятся по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения (128 населенных пунктов в 46 регионах страны). В исследовании опрашивается 1600 человек в возрасте от 18 лет.

В разделе содержится информация о параметрах обоих исследований: структура выборки, точки опроса, география исследований, основные входящие в опросники вопросы, а также стоимость одной “волны” такого исследования и сроки ее проведения.

Тут же – небольшие разделы: **“Блиц-опросы”**, **“Фокус-группы”**, **“Углубленные интервью”**. В них приводятся описания основных видов качественных исследований, особенностей использования и специфики каждого из них.

В рубрике **“Проекты”** также несколько разделов. **Индекс социальных настроений (ИСН)** является обобщенным показателем динамики общественных настроений, выражающим влияние массового сознания на развитие страны. Раздел включает три подраздела: описание, показатели и методика построения. Показатели ИСН обновляются раз в два месяца.

Следующий раздел содержит **динамику показателей уровня бедности** в России на основе субъективного подхода к измерению этого социально-экономического феномена (то есть на основе анализа оценок, которые население дает различным уровням денежных доходов).

В разделе **“Программа для работы с данными «Мониторинга»”** приводятся две программы: интерактивная таблица и интерактивная диаграмма данных. Пользователь может самостоятельно выбрать интересующие его вопросы “Мониторинга”, социально-демографические группы респондентов, месяцы и годы проведения опросов и сразу же получить таблицу (или диаграмму) в соответствии со сделанным выбором.

В разделе **“Индексы TIPP”** представлена динамика индексов, измеряемых сотрудниками Левада-Центра начиная с мая 2001 г.: **индекс экономического оптимизма, индекс президентской власти** и обобщенный показатель – **индекс национального благополучия** по методике TIPP, разработанной TechnoMetrica Market Intelligence.

Последняя рубрика – **“Издания Центра”** – включает три раздела: журнал, сборники, книги.

Левада-Центр совместно с Междисциплинарным академическим центром (ИНТЕРЦЕНТР) с периодичностью шесть раз в год издает журнал **“ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. Данные. Анализ. Дискуссии”**. Основную информационную базу журнала составляют результаты мониторинга социально-экономических перемен. На страницах журнала представлены аналитические и информационные материалы различных исследований, теоретические статьи, дискуссии и др.

В разделе **“Сборники”** размещены электронные версии сборников, выпускаемых Левада-Центром в декабре каждого года.

В разделе **“Книги”** помещена информация о монографиях ведущих сотрудников Центра.

Текст предоставлен администрацией сайта

WAGTEPCAR

Г. Кертман

Прогнозирование итогов выборов в “региональные парламенты”: условия задачи

В 2004 году Фонд “Общественное мнение” приступил к прогнозированию результатов выборов губернаторов, а также депутатов региональных законодательных собраний. Первая часть этого проекта была, естественно, закрыта после введения в действие нового механизма селекции региональных руководителей, вторая же – продолжает реализовываться.

Комплекс полевых исследований, на которых основываются прогнозы, включает в себя прежде всего пять массовых репрезентативных опросов: первый проводится в регионе за четыре месяца до выборов (иногда – несколько позже), второй – за два месяца, третий – за месяц; четвертый опрос завершается за две недели, пятый – за неделю до дня голосования. Кроме того, на некоторых из этих пяти этапов (“волн”) исследования проводятся дискуссионные фокус-группы (с избирателями трех возрастных групп – до 35 лет, 36–54 года, старше 55 лет – по отдельности), а также интервью с представителями региональных элит (экспертами, журналистами, лидерами общественных организаций и т.д.).

Впрочем, подробный рассказ об инструментарии и технологии прогнозирования, применяемых ФОМом, будет содержаться в статье, которую планируется опубликовать в следующем номере журнала. Здесь же мы поговорим не о путях решения задачи, а об ее исходных условиях: о некоторых особенностях политического сознания и логики электорального поведения наших сограждан (прежде всего – применительно к ситуации выборов в региональные законодательные собрания) – особенностях, значимых как для самого прогнозирования итогов выборов, так и для понимания сути, природы этого увлекательного занятия.

...

Принято считать, что работа социологов в сфере прогнозирования результатов выборов состоит в **выявлении** электоральных намерений избира-

телей. При этом подразумевается, как правило, что сами эти электоральные намерения у подавляющего большинства избирателей за несколько дней до голосования уже более или менее сформированы. Задача социологов, соответственно, заключается в том, чтобы добыть у них эту ценную информацию.

Наиболее механистическое, примитивное понимание этой задачи основывается на двух ложных презумпциях: во-первых, на представлении, согласно которому едва ли не все избиратели к моменту последнего предвыборного опроса уже знают, придут ли они на выборы и как именно распорядятся своими голосами, и во-вторых – на уверенности в том, что они практически всегда готовы без колебаний сообщить эти заблаговременно принятые решения интервьюерам. При таком понимании сути дела неизбежно возникает иллюзия, что если опрос проведен качественно, то его результаты должны в точности соответствовать результатам выборов. Если же таковое совпадение не обнаруживается – то есть если доля избирателей, пришедших на выборы, оказывается меньше, чем доля участников опроса, “обещавших” принять в них участие (больше – не бывает, потому что не может быть никогда), а распределение голосов не соответствует анонсированному в ходе опроса, – то это свидетельствует либо о недостаточной репрезентативности выборки, либо о недобросовестности интервьюеров. Всяческие же попытки социологов вводить поправочные коэффициенты и индексы, теми или иными путями преобразовывать распределение ответов, полученное в ходе опроса, в некое *иное* распределение – прогноз результатов выборов, воспринимаются как подозрительное шаманство, свидетельствующее скорее всего об их, социологов, недоверии к собственным данным, а значит – подтверждающее подозрение об изначальной ненадежности последних.

Как ни странно, столь примитивные представления и по сей день – по прошествии более десяти лет со времени возникновения практики прогнозирования результатов выборов на основе данных социологических опросов в России – нередко встречаются в среде потребителей предвыборных прогнозов. Но все же большинством из них базовые для понимания природы предвыборного прогнозирования в нашей стране – и очевидные для участвующих

Респонденты всегда склонны преувеличивать свою готовность к участию в выборах, поскольку такое участие является социально одобряемым поведением

в этом процессе специалистов – истины освоены. Тем не менее здесь уместно вкратце повторить их.

Во-первых, респонденты всегда склонны преувеличивать свою готовность к участию в выборах, поскольку такое участие является социально одобряемым поведением: признаваться в ходе опроса в нежелании приходить к избирательным урнам (то есть в том, что они являются “плохими” гражданами) многие не хотят. Поэтому, прогнозируя явку, всегда необходимо вводить определенные понижающие коэффициенты (проблема – в том, какие именно). При этом сторонники одних политических сил отличаются повышенной, а других – пониженной электоральной активностью.

Во-вторых, многие избиратели принимают решение о том, за какую партию голосовать, – если речь идет о голосовании по партийным спискам – в последние дни избирательной кампании или даже непосредственно на избирательных участках. Это связано прежде всего с тем, что у большинства избирателей устойчивые партийные предпочтения еще не сформированы, – стаж существования российских партий слишком мал, чтобы у граждан могли, как это произошло в странах с давними демократическими традициями, сложиться прочные политические привязанности, подкрепленные семейной историей, опирающиеся на определенное политическое мировоззрение, санкционированные определенными политическими субкультурами. Да и сами российские партии чересчур нестабильны, недолговечны, чтобы стимулировать процесс структурирования электората, который мог бы в перспективе привести к этому. Если к каждым

общенациональным выборам круг основных “игроков” претерпевает изменения, то говорить об устойчивости партийных привязанностей граждан не приходится. Соответственно, на финише предвыборной гонки практически всегда могут произойти довольно ощутимые сдвиги в распределении симпатий избирателей, которые в принципе невозможно успеть зафиксировать опросом, – но иногда можно предугадать на основании тенденций, зафиксированных в ходе ряда измерений общественного мнения.

В-третьих, россияне склонны в существенно большей мере, нежели избиратели в странах с длительной историей демократического развития, ориентироваться в своем электоральном выборе на фигуры политических лидеров. Это обусловлено и слабостью партийных привязанностей, и недоверием к программным декларациям партий, и некоторыми фундаментальными характеристиками российского массового сознания. Следствием же такой склонности к персонализированному восприятию политики оказывается прежде всего повышенная неустойчивость электоральных предпочтений: репутации отдельных политиков формируются и рушатся значительно быстрее, чем репутации политических организаций, структур – там, где они имеют неперсонализированные основания. Кроме того, участие популярного политика в избирательной кампании той или иной партии повышает притягательность этой партии гораздо больше, чем это было бы, если бы отношение к ней определялось главным образом ее “институциональным” престижем, а, скажем, конфликт между лидерами партии способен очень быстро дискредитировать ее в глазах вчерашних “приверженцев”. Отсюда – необходимость повышенного внимания к поведению узнаваемых публичных фигур (кстати, не обязательно политиков в точном смысле этого слова) в ходе предвыборной кампании.

В-четвертых, если в странах с относительно устойчивым межпартийным размежеванием электората шансы новых партий, появляющихся на политической арене, на скорый электоральный успех, как правило, чрезвычайно малы, то в России всегда существует достаточно высокая вероятность того, что какой-то возникший накануне общенациональных либо региональных выборов политический проект (а возникают они почти всегда) окажется весьма успешным. Примеры подобных блестящих дебютов – у всех на памяти. Объясняется эта особенность российской политической жизни

не только уже упомянутыми обстоятельствами (отсутствием устойчивых партийных предпочтений, склонностью к персонализированному восприятию партий и т. д.), но и “фоновым” недоверием ко всему российскому политическому истеблишменту – недоверием, оборотной стороной которого является живущая в массовом сознании надежда на неких “новых людей”. Речь идет не просто о некоторой политической наивности – безусловно, свойственной многим российским избирателям, – но об определенной логике электорального поведения, суть которой нередко раскрывают участники фокус-групп, говоря примерно следующее: “прежние” нас разочаровали, они часто не выполняли свои обещания, забывали о нуждах избирателей и т. д. – надо дать шанс “новым”, тем, кто еще себя не дискредитировал. В сочетании с готовностью неангажированных избирателей откликнуться на удачный “бренд”, на точно выбранный рекламный слоган эта логика неизменно оставляет “новичкам” (точнее – кому-то из них) шанс на успех. Но для “новичков” – в отличие от относительно узнаваемых партий – решающими чаще всего оказываются самые последние дни кампании: если им удастся получить значительное число голосов, то, как правило, в результате финишного рывка. Поэтому последний предвыборный опрос может не содержать ответа на вопросы о том, кто из аутсайдеров сумеет в итоге совершить такой рывок, а также – за счет кого, у каких партий он “отнимет” голоса. Однако определенные основания для построения соответствующих гипотез этот опрос дать может – и соответствующие гипотезы должны учитываться при составлении прогноза.

В-пятых, отвечая на вопросы о своих электоральных намерениях, респонденты далеко не всегда демонстрируют абсолютную искренность. Некоторые предпочитают давать социально одобряемые – в их представлении – ответы: заявлять о намерении проголосовать за наиболее сильную и “респектабельную” партию, в наиболее позитивном свете представляемую СМИ (перед выборами в региональные законодательные собрания респонденты значительно чаще декларируют намерение голосовать за “Единую Россию”, нежели голосуют за нее в действительности). Вместе с тем многие предпочитают скрывать намерение голосовать либо за партию, заведомо являющуюся аутсайдером (эффект так называемой “спирали молчания”), либо за партию в том или ином отношении маргинальную, имеющую, например, репутацию несолидной

или экстремистской. Определить долю таких “неискренних” респондентов, а главное – предугадать, как в действительности распределятся их голоса, непосредственно опираясь на данные опроса, естественно, невозможно. Можно лишь, руководствуясь здравым смыслом, прошлым опытом, пониманием специфики конкретной избирательной кампании и “подсказками”, извлекаемыми из распределения ответов на различные “вспомогательные” вопросы, попытаться ввести в прогноз определенные поправочные коэффициенты – различные для каждой из участвующих в выборах партий.

В свете всего сказанного *выявление* электоральных намерений избирателей предстает не столько актом *измерения*, сколько процессом *реконструкции* – прогнозируя исход голосования, приходится распределение ответов респондентов на прямой вопрос о том, как они поведут себя в день выборов, рассматривать как заведомо неточное, искаженное отражение этих электоральных намерений, отчасти уже сформированных, а отчасти – неясных еще им самим.

Все это в равной мере применимо как к общенациональным, так и к региональным выборам. Но в ходе исследований ФОМ, о которых здесь идет речь, обнаружились и специфические обстоятельства, напрямую влияющие на поведение избирателей в ходе выборов в “региональные парламенты”.

В России в силу особенностей электорального поведения избирателей всегда высока вероятность политического успеха какой-либо партии, возникшей накануне выборов

Рассмотрим их на примере “серии” таких выборов, прошедших в марте 2005 г., – в Амурской, Владимирской, Воронежской и Рязанской областях.

Прежде всего необходимо отметить чрезвычайно низкий уровень информированности избирателей. Напомним: до недавнего времени депутатов региональных законодательных собраний избирали исключительно по мажоритарной системе. Соответственно, выборы в “региональные парламенты” по партийным спискам сейчас повсеместно проводятся впервые. И, как выясняется, даже на завершающих стадиях избирательных кампаний очень многие потенциальные избиратели

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Амурская область	Владимирская область	Воронежская область	Рязанская область
Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что в Амурский областной совет народных депутатов (Воронежскую областную думу, Владимирское областное собрание, Рязанское областное собрание) будут избираться депутаты не только по одномандатным округам, но и по спискам политических партий? (Пятая “волна”)				
Знаю	42	24	40	34
Что-то слышал	24	26	21	17
Слышу сейчас впервые	31	48	36	39
Затрудняюсь ответить	3	2	4	10

оказываются неосведомленными об этой институциональной новации. Приведем данные последних опросов – проведенных за 7–10 дней до дня голосования (табл. 1).

Итак, за неделю до выборов, когда все информационное пространство региона заполнено предвыборной рекламой партий, когда задействованы все информационные ресурсы региональных элит, более трети граждан вообще не знают о том, что в день голосования избирателям предстоит делать выбор между партиями. И нет серьезных оснований полагать, что за последнюю предвыборную неделю ситуация в этом отношении изменилась: во всяком случае, за неделю предшествующую, когда избирательная кампания уже была в самом разгаре, реальных перемен в уровне информированности жителей рассматриваемых регионов не произошло. Сравнивая приведенные данные с результатами опросов предпоследней, четвертой “волны” (эти опросы проводятся за 17–14 дней до выборов), обнаруживаем, что доля респондентов, впервые услышавших о списках политических партий от интервьюеров, несколько сократилась только в Амурской области (с 37 до 31%); в Воронежской области она осталась практически неизменной (35 и 36%), а во Владимирской и Рязанской – даже увеличилась (с 45 до 48% и с 36 до 39% соответственно). Пусть рост этого показателя в двух последних областях и не выходит за рамки статистической погрешности, совершенно очевидно по крайней мере, что осведомленность относительно того, какой, собственно, вопрос будет поставлен перед избирателями в день голосования, за предпоследнюю неделю предвыборной борьбы не увеличилась.

Можно было бы предположить, что респонденты, ничего не знающие о партийных списках, – это люди, намеренные игнорировать выборы. Но данные говорят о том, что и среди участников опроса, собиравшихся принять участие в голосовании, доля столь же “информированных” весьма велика, – хоть и несколько меньше, чем среди опрошенных

в целом: по результатам опросов последней, пятой “волны” – 24% в Амурской области, 37% – во Владимирской, 28% – в Воронежской, 34% – в Рязанской.

Когда избиратель собирается участвовать в голосовании, даже не зная о том, что выбор ему предстоит делать между партиями, то говорить о заблаговременном выявлении или даже *реконструкции* его электоральных намерений посредством опросов, мягко говоря, затруднительно. Если называть вещи своими именами, то выявлять или реконструировать в таком случае просто нечего: электоральных *намерений* у этих избирателей нет. В лучшем случае – есть определенные политические *предпочтения*, которые можно с той или иной степенью достоверности установить в ходе опроса и на основании которых можно попытаться предсказать (с учетом привходящих обстоятельств конкретной избирательной кампании), каким политическим силам такие избиратели скорее отдадут свои голоса, когда с удивлением обнаружат в избирательных бюллетенях названия партий.

Вероятно, постепенно информация о том, что региональные законодательные собрания, как ранее – Государственная дума, избираются по смешанной системе, будет освоена россиянами, и к следующему избирательному циклу проблема незнакомства избирателей с самыми общими “правилами игры” утратит актуальность. Возможно, привычка выбирать между партиями на региональных выборах будет способствовать формированию относительно устойчивых партийных привязанностей, которые, в свою очередь, будут в известной мере (хотя и не полностью) определять уже собственно электоральные намерения – применительно к конкретным региональным выборам. Но все это в лучшем случае – отдаленная перспектива.

Следует учесть далее, что многие россияне вообще склонны делать свой электоральный выбор в последний момент. Это не обязательно означает, что у них нет никаких политических предпочтений, – но во всяком случае говорит о непрочности

их партийных привязанностей. Снова обратимся к результатам опросов пятой “волны” (табл. 2).

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что во всех четырех областях среди респондентов, *собиравшихся принять участие в голосовании*, доля тех, кто решает, как распорядиться своим голосом, непосредственно в день голосования, оказалась более высокой, нежели среди опрошенных в целом. И при этом многие из них (в среднем по четырем регионам – несколько более трети) сообщали о намерении проголосовать за ту или иную конкретную партию. Иначе говоря, во всех регионах обнаружались значимые группы респондентов, планирующих прийти на избирательные участки и даже сообщающих, за какие партии они отдадут свои голоса, но при этом фактически собирающихся принимать решение в день выборов. Ясно, что достоверность их деклараций об электоральных намерениях сомнительна.

Но и в принципе предпочитающие заранее решать, как они распорядятся своими голосами, в ситуации выборов в региональные законодательные собрания зачастую колеблются (или, вопреки этой принципиальной установке, не особенно задумываются о предстоящем выборе) почти до самого момента голосования. Во всяком случае, за неделю до выборов, в ходе опросов пятой “волны”, очень многие респонденты, заявляя о намерении участвовать в выборах, затруднялись вместе с тем сказать, за какую именно партию они собираются голосовать: в Амурской области таковых оказалось 26%, во Владимирской – 33%, в Воронежской – 22% и в Рязанской – 30%. От числа, повторим еще раз, *собиравшихся принять участие в голосовании*.

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Амурская область	Владимирская область	Воронежская область	Рязанская область
Одни люди принимают окончательное решение, за какую партию голосовать, в день выборов. Другие люди принимают окончательное решение, за какую партию голосовать, заранее. А как принимаете решение лично Вы – в день выборов или заранее? (Пятая “волна”)				
В день выборов	20	23	24	14
Заранее	70	60	66	70
Затрудняюсь ответить	10	16	10	16

Табл. 3.

% от групп (по столбцам)

	Амурская область	Владимирская область	Воронежская область	Рязанская область
Вы следите или не следите за тем, как проходит избирательная кампания? (Пятая “волна”)				
Слежу	46	31	28	45
Не слежу	52	68	69	53
Затрудняюсь ответить	1	1	2	2

Правомерно ли применительно к этим избирателям говорить об электоральных *намерениях* – вопрос риторический.

Данные опросов определенно свидетельствуют: затруднения, которые испытывают респонденты, отвечая на вопрос, за какую партию они проголосуют, не являются, как правило, следствием мучительных сомнений и опасений сделать ошибочный выбор. Респонденты прилагают не слишком много усилий к тому, чтобы прояснить для себя предвыборный “расклад” и заблаговременно принять взвешенное решение. Интерес к ходу избирательной кампании проявляют меньшинство опрошенных (табл. 3).

Причем, хотя граждан, *заявляющих о намерении принять участие в голосовании*, предвыборные баталии занимают, естественно, несколько больше, чем прочих, даже среди них доля тех, кто утверждает, что следит за этими баталиями, не слишком велика: во Владимирской и Воронежской областях – по 40% от этой группы, в Рязанской – 52%, в Амурской – 59%. К тому же в полной мере доверять этим утверждениям нельзя хотя бы уже потому, что респонденту, который “обещал” интервьюеру принять участие в выборах и ответил затем на ряд вопросов о своих политических предпочтениях, не очень-то удобно после этого признаваться, что он не следит за ходом кампании.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что данный вопрос задавался гражданам и в ходе третьей, и в ходе четвертой “волн” – то есть опросов, завершившихся, соответственно, за пять и за две недели до дня голосования. И в свете обсуждаемой темы есть смысл проследить за изменениями доли

респондентов, утверждавших, что они «*следят за тем, как проходит избирательная кампания*» (табл. 4).

Вдумаемся в эти цифры. Ко времени проведения опросов 3-й «волны» политические партии только выходят на старт – еще не ясно, какие из них будут допущены к участию в выборах, еще ничего не известно об их взаимоотношениях, о предвыборной стратегии и т. д. И самое главное – еще не начата предвыборная агитация, улицы не увешаны листовками, а телеэфир не кишит рекламными роликами, выступлениями партийных лидеров и т. д. Затем начинается сражение, кипят страсти, наносятся массированные пропагандистские удары, вся политическая элита региона вовлечена в предвыборные баталии... Так проходит месяц – и оказывается, что доля «зрителей», наблюдающих за всей этой бурной деятельностью, которая рассчитана исключительно на их внимание, выросла от силы на 6 пп.: во Владимирской и Рязанской областях. А в Воронежской области – не выросла практически совсем.

Что это означает? Рассуждая абстрактно, можно было бы предположить, что едва ли не все избиратели, в принципе склонные интересоваться политикой, «включились» в наблюдение за предвыборными маневрами уже на предварительной стадии и поэтому существенное расширение «зрительской аудитории» оказалось невозможным. Но и здравый смысл, и опыт наблюдения за общенациональными избирательными кампаниями, и информация об атмосфере в соответствующих регионах, полученная от проинтервьюированных представителей региональных элит и «извлеченная» из транскриптов фокус-групп, и материалы региональных СМИ опро-

вергают это предположение. Совершенно ясно, что на предварительной стадии кампаний интерес к ним со стороны избирателей минимален. И многие (возможно, большинство) из респондентов, заявляющих в ходе опроса 3-й «волны», что следят за ходом кампании, фактически дают «социально одобряемый» ответ – декларируют интерес к ней, почитая таковой интерес за гражданскую добродетель, но не испытывая его в действительности. Однако этот мотив, безусловно, сохранил актуальность и в ходе последующих опросов. А из этого следует, что отсутствие ощутимого прироста доли респондентов, следящих, по их словам, за ходом избирательной кампании, адекватнее характеризует действительный уровень внимания к ней, чем значения этого показателя сами по себе. Уровень этот крайне невысок.

В пользу такого заключения говорит и тот факт, что во всех четырех регионах респонденты – в том числе и планирующие участвовать в выборах – намного чаще оценивали кампании как «неинтересные», чем говорили, что они проходят интересно (табл. 5).

Трудно предположить, чтобы многие из граждан, считающих кампанию неинтересной, в самом деле пристально следили за ее ходом. Это было бы еще возможным, если бы люди считали, что исход кампании, результат выборов принципиально значим для них. Но в том-то и дело, что во всех четырех регионах (как и в иных, где выборы проходили раньше и позже) безоговорочно преобладало мнение, согласно которому итоги выборов в «региональные парламенты» либо совсем не отражаются на жизни рядовых граждан, либо оказывают на нее незначительное влияние (табл. 6).

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	3-я «волна»	4-я «волна»	5-я «волна»
Следят за тем, как проходит избирательная кампания			
Амурская область	43	41	46
Владимирская область	32	25	31
Воронежская область	27	25	28
Рязанская область	39	37	45

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Амурская область		Владимирская область		Воронежская область		Рязанская область	
	все	участники*	все	участники	все	участники	все	участники
Если говорить в целом, избирательная кампания проходит интересно или неинтересно? (Пятая «волна»)								
Интересно	28	37	17	23	16	22	25	27
Неинтересно	50	47	56	51	54	49	50	52
Затрудняюсь ответить	22	16	27	26	30	29	25	21

* Респонденты, заявившие, что собираются участвовать в выборах.

Табл. 6

% от групп (по столбцам)

	Амурская область	Владимирская область	Воронежская область	Рязанская область
Как Вы считаете, результаты выборов депутатов Амурского областного совета народных депутатов (Воронежской областной думы, Владимирского областного собрания, Рязанского областного собрания) повлияют или не повлияют на жизнь таких людей, как Вы? И если повлияют, то сильно или слабо? (Пятая “волна”)				
Не повлияют	44	63	52	58
Повлияют слабо	30	20	29	24
Повлияют сильно	16	6	7	6
Затрудняюсь ответить	10	11	12	12

Как видим, доля респондентов, полагающих, что от исхода выборов многое зависит для них лично, ничтожно мала. И вот этот момент, возможно, наиболее принципиально отличает ситуацию с выборами в “региональные парламенты” как от общенациональных выборов (президентских и думских), так и от ныне упраздненных выборов губернаторских.

Российские граждане неизменно относились к выборам глав регионов гораздо более серьезно, нежели к выборам депутатов законодательных собраний. И это совершенно естественно: вся отечественная история приучила их к тому, что реальная власть – это власть исполнительная, тогда как институты народного представительства – если и не чисто декоративный элемент государственного устройства, то уж во всяком случае не его несущая конструкция. К тому же они привыкли к концентрации власти – в частности, когда речь идет о региональном уровне – в одних руках. И когда жители избирали главу своего региона, “хозяина”, они, как правило, вполне отдавали себе отчет в том, что от результатов их волеизъявления будет многое зависеть в их собственной повседневной жизни. Кроме того, сама драматургия губернаторских выборов, основанная на конкуренции личностей, персонажей, гораздо ближе, понятнее “человеку с улицы”, нежели драматургия межпартийного соперничества. Здесь “средний” избиратель, помимо всего прочего, не так часто ощущает порог собственной некомпетентности, поскольку решая, кому отдать свой голос, он может руководствоваться (и обычно руководствуется) критериями, не вполне применимыми в ситуации выбора по партийным спискам: симпатичен или не симпатичен ему тот или иной претендент, вызывает или не вызывает он доверие, насколько биография кандидата – предыдущая карьера, профессиональная подготовка, опыт руководящей работы; возраст,

наконец, – внушает ему, избирателю, уверенность в том, что данный претендент способен справиться с губернаторскими обязанностями.

Неудивительно, что избиратели и придавали большее значение губернаторским выборам, и проявляли к ним больший интерес, нежели к выборам в законодательные собрания. Соответственно, по ходу избирательной кампании у них чаще формировались относительно отрефлексированные и соответственно относительно прочные электоральные намерения – и поэтому, как свидетельствуют результаты работы ФОМа по прогнозированию результатов выборов в регионах в 2004 году, их электоральное поведение было более предсказуемым, нежели на выборах в “региональные парламенты”.

Вообще говоря, идея разделения властей не слишком глубоко проникла в сознание наших сограждан*. Однако когда речь заходит о Государственной думе, россияне в большинстве своем знают “правильный” ответ на вопрос о смысле ее существования: Дума принимает законы. А поскольку принципиальная необходимость существования законов не подвергается нашими соотечественниками сомнению (что, понятно, не свидетельствует ни о высоком уровне осведомленности относительно содержания этих законов, ни о склонности к законопослушанию), то и смысл собственного участия в выборах в Думу представляется им очевидным: избирают тех, кто будет работать над законами. Когда же речь заходит о выборах в региональные законодательные собрания, подобного “простого” ответа в сознании избирателей не оказывается. Функции “региональных парламентов” им не вполне ясны, как, по-видимому, не вполне очевидна и необходимость их существования.

Соответственно мотивация к участию в этих выборах оказывается значительно ослабленной

* См.: Кертман Г. Разделение властей или властный монолит? // Десять лет социологических наблюдений. М.: изд-во Института Фонда “Общественное мнение”, 2003. С. 283–302.

и в сравнении с губернаторскими, и в сравнении с думскими выборами, что неизменно подтверждается более низким уровнем явки на избирательные участки. Но мотивация к исполнению своего «гражданского долга» оказывается ослабленной и у тех, кто все же приходит к урнам для голосования. И проявляется это в том, что они чаще делают свой электоральный выбор импровизированно, не обдумывая его загодя и располагая более чем ограничен-

Функции региональных законодательных собраний россиянам не вполне ясны, а необходимость их существования - не очевидна

ной информацией о круге участников предвыборной гонки, а кроме того – не слишком беспокоясь о возможных последствиях акта волеизъявления.

В этой ситуации, естественно, электоральное поведение граждан более импульсивно, нежели на общенациональных выборах, в большей мере подвержено влиянию факторов, «срабатывающих» в самые последние дни кампании, – уже после того, как проведен последний предвыборный опрос. Причем на этом этапе существенное влияние на исход выборов могут оказать самые разные обстоятельства. Например, неоднократно бывало, что хорошо организованный и получивший широкое освещение в СМИ визит в регион какого-либо политика федерального уровня (а такие визиты чаще всего организуются именно накануне выборов) давал партии, за которую он агитировал, весьма весомую прибавку. Для этого даже не требовалось «перевербовывать» электорат партий-конкурентов: уже некоторое повышение электоральной активности потенциальных сторонников «собственной» партии, польщенных вниманием со стороны столичной знаменитости, способно – при чрезвычайно низких общих показателях явки – заметно повлиять на распределение голосов.

Встречалась, кстати, и обратная ситуация: когда отмена анонсированного заранее визита партийного лидера из Москвы вела к деморализации нестойких сторонников партии, порождала у одних – обиду на пренебрегшего их родным регионом «вождя», а у других – подозрения в адрес местного отделения партии (и, следовательно, кандидатов в депутаты), как бы дезавуированного внезапным отказом в поддержке со стороны партийного руко-

водства. В подобных случаях соответствующая партия несла ощутимые потери.

В связи с этим стоит упомянуть еще об одной особенности, до недавнего времени характерной для выборов в «региональные парламенты». До того как в 2005 г. круг участников этих выборов был законодательно ограничен региональными отделениями федеральных партий, на них очень часто разыгрывалась «патриотическая», местническая карта: возникали избирательные объединения, которые и названиями, и слоганами, и общей направленностью агитации демонстративно противопоставляли себя федеральным партиям. Нередко такие локальные партии располагали значительными ресурсами для ведения предвыборной кампании: бывало, в частности, что они пользовались открытой или более или менее замаскированной поддержкой со стороны главы региона, стремившегося таким образом провести в «региональный парламент» полностью лояльную фракцию, на которую не могли бы оказывать влияния никакие федеральные политические силы. А поскольку, как известно, претензии к федеральной политической элите в той или иной мере распространены повсеместно, «местные» партии всегда имели шанс на политическую капитализацию «регионального патриотизма». Такие политические структуры формировались, как правило, незадолго до выборов и имели изначальное пропагандистское преимущество перед региональными отделениями федеральных партий за счет того, что не несли в глазах избирателей ответственности за положение дел в стране и регионе, а стало быть – могли позволить себе особую лихость в предвыборных авансах.

Учтем, что довольно многие избиратели, придя исполнять свой «гражданский долг», не только не имеют сколько-нибудь выраженных политических привязанностей, но, напротив, питают явную антипатию ко всем участникам предвыборной борьбы. Респондентов спрашивали – в частности, в ходе опросов пятой «волны», – к каким из партий, политических блоков, участвующих в выборах, они относятся «положительно, с доверием»; при этом им предлагалась карточка, на которой все эти партии были перечислены. И многие – примерно треть от числа опрошенных во всех четырех регионах, о которых мы говорили выше, – заявляли, что не относятся положительно ни к одной из них (это, отметим, помимо затруднившихся с ответом на данный вопрос). Причем и среди респондентов, собиравшихся принять участие в голосовании, та-

ковых оказалось немало: 20% – в Амурской области, 23% – во Владимирской, 14% – в Воронежской, 16% – в Рязанской. И хотя некоторые из “обещающих” проголосовать в конечном итоге не приходят на избирательные участки, а некоторые – голосуют “против всех”, нет сомнений в том, что избиратели зачастую действительно голосуют за те или иные партии, не питая ни симпатии, ни доверия ни к одной из представленных в бюллетене политических организаций. А раз так, то руководствуются они, скорее всего, принципом выбора “меньшего зла”. Вспомним в связи с этим, что доля *собравшихся принять участие в голосовании*, но не решивших, за кого именно отдать голос, по данным опросов пятой “волны”, колебалась от 22% (в Воронежской области) до 33% (во Владимирской). Вряд ли они глубоко симпатизируют каким-либо известным, давно присутствующим на политической арене партиям.

А теперь зададимся вопросом: за кого скорее всего проголосует не слишком политизированный избиратель, который не особенно вникал в суть предвыборных деклараций партий, да и в целом следил за избирательной кампанией “вполглаза”, у которого нет сколько-нибудь устойчивых политических пристрастий, но зато есть довольно прочная неприязнь и недоверие к политикам “как к классу”? Очевидно, он будет тяготеть к партиям, которые позиционируют себя как организации “неполитические”, не имеют четкого, узнаваемого идейно-политического “профиля” и вместе с тем не представлены – по крайней мере широко – в Государственной думе, не несут в его, избирателя, глазах ответственность за положение дел в стране и вообще – не слишком примелькались. Именно аллергия на “политиков”, судя по результатам выборов в региональные законодательные собрания в 2004–2005 гг., многократно обеспечивала неожиданные (во всяком случае – не анонсированные респондентами в ходе опросов) успехи Партии пенсионеров и Аграрной партии – организациям, которые позиционируют себя скорее в качестве “групп давления”, стремящихся защищать интересы определенных социальных слоев, чем в роли претендентов на власть, отстаивающих ту или иную политическую стратегию для страны (или региона) в целом. А кроме того, голоса избирателей, разочарованных в “политиках”, нередко массово уходили к региональным избирательным объединениям.

Собственно, в ситуациях, когда в выборах, помимо региональных отделений партий, представлен-

ных в Думе, участвовал лишь один региональный избирательный блок или одна из упомянутых “неполитических” партий, задача по прогнозированию результатов выборов заметно упрощалась: следовало “всего лишь” предсказать размер “бонуса”, который в последний момент получит – обязательно получит – этот участник кампании, и, конечно, рассчитать, как это скажется на общем распределении голосов. Когда же таких “неполитических” участников оказывалось два или более, ситуация осложнялась многократно: разглядеть в данных опросов подсказку, которая позволила бы с достаточно высокой степенью вероятности предугадать, кому именно достанутся или в каких пропорциях распределяться голоса избирателей, не принявших решение заранее и не желающих вместе с тем поддерживать региональные отделения наиболее известных федеральных партий, оказывается чрезвычайно непросто, тем более что и размер их совокупного “бонуса” – величина не вполне предсказуемая.

Обозревая прошедшие выборы в “региональные парламенты”, следует обратить внимание еще на один фактор, существенно снижающий предсказуемость электорального поведения избирателей. Почти все кампании сопровождались либо отстранением, либо по крайней мере попытками отстранения тех или иных партий от участия в выборах. Причем происходило это, как правило, на финише предвыборной гонки. Когда какой-либо участник этой гонки, реально претендовавший на заметную долю голосов избирателей, действительно снимал-

Аллергия части избирателей на “политический класс” приносила электоральные дивиденды АПР, РПП и локальным избирательным объединениям

ся с дистанции, предсказать последствия данного события для окончательного распределения голосов оказывалось чрезвычайно сложно. С одной стороны, потому, что избиратели почти никогда не принимают решение о “запасном варианте” голосования загодя; они и свое единственное электоральное решение, как мы видели, часто принимают в самый последний момент. С другой – потому, что реакции избирателей на случаи отстранения каких-либо партий от участия в выборах весьма

различны – в зависимости от ситуации, от репутации лидеров “пострадавшего” избирательного объединения, от того, какую позицию оно занимало в ходе кампании, что именно ему инкриминировалось Избиркомом или судом и т. д. Бывало, что “удаление с поля” того или иного игрока вызывало массовое возмущение – и резкий рост доли проголосовавших “против всех”. Либо – снижение явки. Либо – сильное недовольство “Единой Россией”, которая в силу своей репутации “партии власти” признавалась многими виновной в произошедшей несправедливости; в этом случае определенные дивиденды получали ее наиболее решительные оппоненты. А бывало и так, что снятие какого-либо избирательного объединения с дистанции не вызывало никакого недовольства – например в ситуации, когда это объединение очевидным образом нарушало “правила игры” и вело себя по ходу кампании настолько сключно, что его устранение воспринималось как естественное и оправданное даже его сторонниками.

Иногда какому-либо избирательному объединению удастся в последний момент отстоять свое право на участие в выборах, и такие коллизии тоже, случается, оказывают заметное влияние на исход выборов. Самый распространенный – но не единственно возможный – вариант состоит в том, что сочувствие к “невинной жертве” (а сама победа в тяжбе с Избиркомом воспринимается как свидетельство правоты) привлекает на ее сторону дополнительных сторонников.

Вообще же опыт наблюдения за выборами в региональные законодательные собрания показывает, что соотношение сил между конкурирующими партиями здесь очень часто меняется в самые последние дни кампании – и меняется радикальнее, чем это бывает во время выборов общенациональных. Объясняется это не только сравнительно низкой вовлеченностью и заинтересованностью электората, относительно слабой мотивацией электорального выбора и иными факторами, предопределяющими неустойчивость, а зачастую – несформированность предпочтений избирателей. Дело еще и в том, что воздействие одиночных политических импульсов – будь то разовая пропагандистская акция, выброс компромата, распространение некоего слуха, выступление заезжей политической знаменитости, популистский ход губернатора или что-либо подобное – на исход выборов здесь бывает значительно более мощным, нежели на выборах общенациональных, где само многообразие условий, локальных политических ситуа-

ций в различных регионах страны обеспечивает определенную инерцию, сопротивляемость электората к подобным импульсам.

Во время, допустим, выборов в Государственную думу гигантские информационно-пропагандистские ресурсы – федеральные и региональные, – используемые в ходе кампании, частично нейтрализуют друг друга. Пропагандистский ход, оказавшийся эффективным в одном регионе, не достигает цели в другом. Проблема, предельно актуальная для жителей одного региона, не является приоритетной для другого. Сведения о политиках, возглавляющих федеральные списки партий и “знакомых” подавляющему большинству избирателей исключительно благодаря телевидению, воспринимаются гражданами как вести из чуждого и малопонятного мира большой политики, имеющие к ним лично в лучшем случае опосредованное отношение.

А в ходе региональных выборов определенная информация (или дезинформация), касающаяся местных, значимых для жителей данного региона проблем либо политиков-земляков, знающих эти проблемы и апеллирующих к ним в ходе кампании, обретает статус “местной новости”, которая может распространяться стремительно – и оказывать непосредственное влияние на поведение избирателей. К тому же и “административный ресурс” на региональных выборах зачастую срабатывает быстрее и эффективнее, чем на выборах в Государственную думу, – уже просто потому, что он более мобилен, сконцентрирован, управляем, чем на федеральном уровне: ясно, что обеспечить синхронное и однонаправленное применение такого ресурса во множестве регионов страны, в каждом из которых политико-административная конфигурация специфична и в известной мере уникальна, неизмеримо сложнее, чем в одном, “отдельно взятом” регионе.

Таким образом, прогнозирование результатов выборов в “региональный парламент” по необходимости представляет собой не столько “измерительную” процедуру по сканированию меняющихся электоральных *намерений* избирателей, сколько попытку предугадать их электоральное поведение на основании анализа *настроений* и слабо выраженных политических предпочтений жителей региона и с учетом – по возможности – событийного и политического контекста конкретной избирательной кампании.

Рассказ о том, как именно ФОМ решал эту задачу в 2004–2005 гг., планируется, напомним, поместить в следующем номере журнала. ■

И. Климов, А. Ослон

ФОМ-Кафедра

(Фонд “Общественное мнение”

как базовая кафедра ГУ-ВШЭ)

На рубеже XVII–XVIII веков человечество произвело на свет важное культурное изобретение: именно в это время возникла идея *эмпирической науки* – как особой деятельности, направленной на “коллекционирование фактов”. Идея родилась, во-первых, из понимания острой необходимости различать два обстоятельства, две ситуации: как кажется и как есть, а во-вторых, из размышлений о том, *как возможно* преодолеть эту неудобную брешь между видимостью и действительностью.

По странному стечению обстоятельств идея учебной кафедры на базе ФОМа родилась как результат размышлений над теми же вопросами, над которыми человечество задумалось больше трехсот лет назад. Нам *кажется*, что мы умеем проводить опросы и исследования. Нам *кажется*, что мы научились делать это качественно (и, разумеется, количественно). Нам *кажется*, что на основе собранных данных мы можем делать правдоподобные (чтобы не сказать – достоверные) выводы о социальной реальности, которая нас окружает и дана не только “в ощущениях”.

Ну а что же есть *на самом деле*? Ведь наши знания о мире – не точнее инструмента, которым мы их добываем. И здесь опять возникает проблема Станислава Лема: *как нам оценить качество нашего инструмента, если мы сами являемся его неотъемлемой частью*? Профессиональная экспертиза? Да. Контроль? Да. Эксперименты? Да. Что еще?..

...Позвать студентов.

Базовая кафедра*, вообще говоря, может рассматриваться как площадка для проведения практику-

мов по различным учебным предметам, выступая, таким образом, как дополнительный и вспомогательный механизм в системе образования – наряду с “традиционными” кафедрами. Цель как будто бы лежит на поверхности: способствовать более глубокому усвоению знаний студентами путем их “погружения” в реальную работу.

Однако для Базовой кафедры, созданной в ГУ–ВШЭ на основе Фонда “Общественное мнение”, предлагается несколько иная концепция. Ее можно обозначить как “Социология опросных фабрик”.

Деятельность ФОМа представляет собой цельную конструкцию – составляют ее практически все сферы изучения общественного мнения. Социологическим основанием опросов является целый комплекс методических и методологических тем и проблем, применять или решать которые нужно *здесь и сейчас*, как правило, в ситуации острого дефицита времени и отсутствия профессиональной экспертизы. Суть Учебного предмета Базовой кафедры состоит ровно в том, чтобы разобраться, *что и как* делает Фонд “Общественное мнение” на практике в качестве одной из фабрик массовых опросов.

Иными словами, содержанием Учебного предмета предлагается сделать деятельность Фонда “Общественное мнение” как таковую, включая составляющие ее методы, технологии, проекты, организацию работы, позиционирование на поле опросных структур и т. д. При таком подходе основными задачами здесь являются *рефлексия* и *критическая проблематизация* той работы, которую ведут сотрудники день за днем. Почему кри-

* Клише заимствовано из многолетней практики МФТИ и предложено к употреблению А.О. Крыштановским.

тическая? Потому что в рутине исследовательской работы, будучи поглощенным чередой сменяющихся друг друга задач, незаметно для себя утрачиваешь способность отличать *как кажется* (или *что хотелось бы видеть*) от *как есть*. И очень важно поддерживать в мобилизованном состоянии собственную критическую установку относительно работы – подобно тому как моторист все время прислушивается к звукам двигателя, даже хорошо и стабильно работающего.

Внутренняя установка на определение “проблемных” мест, по нашему замыслу, должна поддерживаться необходимостью систематизировать опыт и вынести его на обсуждение. А вот задача студентов как раз и состоит в том, чтобы сверить практику массовых опросов с тем теоретическим, методологическим и методическим багажом, который они осваивают в процессе вхождения в профессиональное сообщество. Через усвоение и критическое освоение предлагаемой учебной программы студенты не только приобретут знания, безусловно необходимые для их будущей профессиональной работы, но и получат возможность применять эти знания в ходе исследовательской практики.

Учебный предмет Базовой кафедры должен органически вписаться в контекст других учебных дисциплин, традиционных для социологического факультета (и, возможно, других факультетов ГУ-ВШЭ). Так, например, на факультете читается довольно объемный курс “Теория выборки”, направленный на изучение теории и решение условных (учебных) задач. В то же время в рамках курса Базовой кафедры предусматривается специальное занятие “Построение выборки для массового опроса”, на котором будут изучаться совершенно конкретные выборки и процедуры их построения, используемые в Фонде “Общественное мнение” для проведения общероссийских и региональных опросов. Точно так же предполагается построить и остальные занятия, которые по тематике, казалось бы, относятся к существующим учебным дисциплинам, но, будучи представлены в несколько ином ракурсе, дадут студентам либо новую, либо уточняющую и закрепляющую информацию.

Учебный предмет Базовой кафедры структурирован логикой работы опросной фабрики, а программа лекционного курса и мастер-классов строится

Учебный процесс на ФОМ-кафедре

Общие параметры

- *Учебная группа* – 20–25 студентов 3-го курса и выше.
- *Формирование учебной группы* – по добровольной записи с отбором по согласованию с факультетом.
- *Длительность учебного курса* – 1 год (осенний и весенний семестры).

Часть I. Лекции и семинары

- *В стандартном режиме* – осенний семестр.
- *В режиме апробации* – весенний семестр 2006 года.
- *Периодичность занятий* – 1 раз в неделю в ФОМе по пятницам.
- *Дополнительные занятия* – (в разбивке на подгруппы) ознакомительные семинары (экскурсии и беседы) в подразделениях ФОМа (полевой, компьютерный и аналитический отделы).
- *Самостоятельная работа* – подготовка эссе по одной из предложенных тем под руководством соот-

ветствующего специалиста ФОМа, работа с литературой.

- *Итоговый результат* – зачет на основе теста, оценки эссе и оценки активности в ходе учебного процесса, отбор для участия в группе Практики на весенний семестр.

Часть II. Практика

- *Срок проведения* – весенний семестр.
- *Группа* – около 10 человек, отобранных по итогам осеннего семестра.
- *Организация* – распределение членов группы в подразделения ФОМа в подчинение специалистов, выполняющих роль руководителей Практики.
- *Содержание* – участие в реальных проектах ФОМа, самостоятельное выполнение работ, подготовка Курсовой работы.
- *Итоговый результат* – оценка на основе защиты Курсовой работы.

Тематический план занятий

ТЕМА 1

История изучения общественного мнения в России. Опросные фабрики: смысл, методы, практика. Организационные и технологические решения опросной деятельности. *Александр Ослон, Иван Климов*. 4 часа.

ТЕМА 2

Организация, методика и контроль полевых работ. *Оксана Акулова*. 2 часа.

ТЕМА 3

Интервью: когнитивные и коммуникативные аспекты в опросной практике. *Елена Петренко*. 2 часа.

ТЕМА 4

Конструирование вопросника. *Иван Климов*. 6 часов.

ТЕМА 5

Построение выборки. *Алексей Чуриков*. 4 часа.

ТЕМА 6

Данные опроса – стандартный анализ. *Егор Демьянов, Евгений Пуцято*. 4 часа.

ТЕМА 7

Данные опроса – углубленный анализ. *Елена Галицкая, Ефим Галицкий*. 6 часов.

ТЕМА 8

Открытые вопросы: теоретические и методические основания, технологические решения. *Светлана Климова, Вероника Максимова, Анатолий Черняков*. 6 часов.

ТЕМА 9

Дискуссионные и электронные фокус-группы. *Лейла Васильева*. 6 часов.

ТЕМА 10

Экспертные интервью и панели. *Борис Чабаненко, Иван Климов*. 4 часа.

ТЕМА 11

Исследовательские технологии и проекты. *Александр Ослон*. 2 часа.

ТЕМА 12

Мастер-класс: социологическое изучение идентичностей. *Олег Оберемко*. 4 часа.

ТЕМА 13

Представление исследований в отчетах, презентациях, публикациях; принципы визуализации данных. *Анна Данилова*. 2 часа.

ТЕМА 14

Аналитическое осмысление и представление исследований общественного мнения. *Григорий Кертман*. 4 часа.

ТЕМА 15

Представление исследований в интернете; социологические ресурсы интернета. *Павел Воронин*. 4 часа.

ТЕМА 16

Рыночная, политическая и профессиональная среда исследований общественного мнения. *Александр Ослон*. 2 часа.

ТЕМА 17

Общественное мнение и общество. *Александр Ослон*. 2 часа.

вокруг основных технологических узлов ФОМа. Принципиально важным моментом является то, что занятия со студентами по каждому “технологическому сегменту” будут проводить именно те специалисты, для которых данная тема является основной в их профессиональной деятельности. Поэтому само занятие окажется для студентов не столько посвящением в тонкости соответствующей дисциплины, ученическим освоением канонических знаний, сколько экскурсом в реальную практику, в которой, как нам *кажется*, в будничной рутине все-таки сохраняется связь с канонами и этосом Профессии.

Такого рода деятельность – корпоративное самоосмысление – волей-неволей будет оказывать

воздействие на текущую работу, и в рамках учебного процесса неизбежно будет происходить доопределение (и даже переопределение) не только собственно Учебного предмета Базовой кафедры, но и внутрикорпоративных представлений в самом Фонде “Общественное мнение”.

Этот подход не нов – корпоративное самоосмысление хорошо известно по опыту некоторых не-тривиальных западных фирм (“МакКинзи”, к примеру) и “фабрик мысли”, но реализация его “своими руками” может оказаться весьма поучительной – во всех смыслах. Таким образом, вновь появится граница между *кажется* и *есть*, между *хотелось бы* и *можем*.

Авторы номера...

Елена Вовк

Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Петр Бавин

Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Григорий Кертман

Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Ефим Галицкий

Кандидат
экономических наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Доцент
Высшей школы
экономики

Иван Климов

Кандидат
социологических наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Светлана Климова

Кандидат
философских наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Ведущий
научный сотрудник
Института
социологии РАН

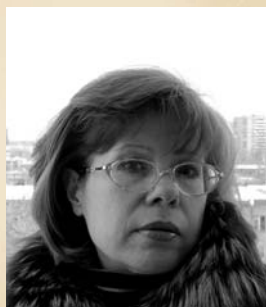
Александр Ослон

Кандидат технических наук.
Президент Фонда
“Общественное мнение”.
Профессор Высшей школы
экономики

Георгий Любарский

Кандидат
биологических
наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Ирина Шмерлина

Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН